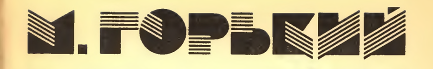

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

И
РАССУЖДЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ
(1917—1918 гг.)

МСП «ИНТЕРКОНТАКТ»
1990

Издатели: *С. Б. Михайлова*
А. М. Симонян

Горький М.

«Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917—1918 гг.). — М.: МО Союза журналистов СССР. Ассоциация «Ротация» при участии МСП «Интерконтакт», 1990. — 192 с.

ISBN 5—278—00319—7

В книге помещены статьи М. Горького, печатавшиеся под рубрикой «Несвоевременные мысли», а также другие отклики и заметки, опубликованные им на страницах газеты «Новая жизнь» в 1917—1918 гг.

Большинство этих статей входили в дополняющие друг друга книги — «Революция и культура. Статьи за 1917 г.» и «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре».

Первая книга, состоящая из 33 статей вышла в 1918 году в Берлине на русском языке, вторая — из 48 статей вышла в 1918 году в Петрограде.

После 1918 г. в СССР книги были запрещены и не переиздавались.

Подготовлено Ассоциацией «Ротация»
при Правлении Московской организации
Союза журналистов СССР

ПОЧЕМУ МЫ, РУСЬ, —
НЕСЧАСТНЕЕ ДРУГИХ?

Мысли, как оказывается, могут быть, если верить А. М. Горькому, *своевременными* или *несвоевременными*, что само по себе, конечно, парадокс, нонсенс, ибо мысль всегда что-то открывает, раскрывает, объясняет, стремится к познанию не только общества, но и самого носителя мысли — личности, что всегда является своевременным и необходимым.

К сожалению, именно наше общество особенно преуспело не только в четком разделении мыслей на «своевременные» и «несвоевременные», относя к последним все не соответствующее той генеральной линии, которая проводилась в тот или иной момент, но и в деятельном подавлении и уничтожении последних (исследуя причины процветания ряда западных государств, исследователи одной из главных причин считают не только умение высоко ценить все мысли, своевременные и несвоевременные, но и способствовать их активному появлению).

Ничего оригинального в политике подавления мыслей нет, ибо любая тоталитарная система постоянно демонстрирует свое резко негативное отношение к тем мыслям, которые не соответствуют сложившимся идеологическим канонам.

Грешила этим и старая российская монархия. Поэтому в первом номере газеты «Новая жизнь» (18 апреля 1917 г.), обязанной своим появлением Февральской революции, соредактором ее А. М. Горьким в статье «Революция и культура» была дана довольно резкая оценка старой власти, которая, как писал он, «была бездарна, но инстинкт самосохранения подсказывал ей, что самым опасным врагом ее является человеческий мозг... и вот, всеми доступными ей средствами, она старается затруднить или исказить рост интеллектуальных сил страны». Результат этой интеллектуальной деятельности, как считает Горький, трагичен: «Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища. Наследство, оставленное революции монархией, — ужасно».

Именно поэтому Февральскую буржуазно-демократическую революцию Горький радостно приветствует и напутствует словами: «Мы должны дружно взяться за работу всестороннего

развития культуры, — революция разрушила преграды на путях к свободному творчеству, и теперь в нашей воле показать самим себе и миру наши дарования и таланты, наш гений...»

Горький говорит возвышенно и романтично. Он мечтает о развитии «интеллектуальных сил страны», настойчиво повторяет, и будет это в своих статьях повторять неоднократно, что «интеллектуальная сила — это первейшая, по качеству, производительная сила, и забота о скорейшем росте не должна быть пламенной (не какой-нибудь, а именно пламенной! — *С. М.*) заботой всех классов».

К сожалению, все оказалось не так просто, и на пути развития «интеллектуальных сил» оказалось немало преград. И хотя статьи-рассуждения Горького о соединении всех сил, о развитии науки и культуры были сами по себе достаточно скромны и не претендовали на революционные потрясения, тем не менее в условиях нарастающей политической конфронтации стали восприниматься как сказанные «не к месту», что хорошо понимал и он сам, объединив их на страницах газеты «Новая жизнь» под рубрикой «Несвоевременные мысли». «Несвоевременными» эти статьи были как для некоторых левых, так и правых партий, для не склонных к толерантности отдельных граждан, занимающих крайние позиции и отвергающих путь национального примирения.

Газета «Новая жизнь» просуществовала немногим более года — в июне 1918 года она будет закрыта правительством большевиков. Но, как это ни парадоксально, вызывающие поначалу огонь на себя статьи Горького, резко критикующие действия В. И. Ленина, большевиков, летом 1918 года не были причастны к ее закрытию.

Что же произошло?

Путь между двумя революциями — буржуазной и социалистической — трудный путь. Печатаясь на страницах «Новой жизни», Горький пытался выработать свою позицию, свое отношение к действительности, развивающимся событиям. И как бы впоследствии он ни писал отрицательно о политике, «Несвоевременные мысли» — политическая публицистика, которая в полной мере раскрывает кричащие противоречия, которые были характерны и для самой жизни и для автора, реализм, романтизм и откровенный утопизм которого ярко проявился на ее страницах.

Сегодня многие не могут простить Горькому фразу, сказанную Сталину в конце 20-х годов: «Если враг не сдается, его уничтожают», не могут оправдать редакторскую работу писателя над насквозь лживым и антигуманным сборником «Беломоро-Балтийский канал», противопоставляя позиции Горького конца

20-х начала 30-х годов его же позицию времени написания «Несвоевременных мыслей». Но если верить другу Горького — Сулержицкому, слова которого он приводит в очерке «Письма читателей», о том, что «ни одна мысль не является капризом, у каждой есть корни в прошлом», истоки трагических заблуждений Горького надо искать не только в 1918 году, но и гораздо раньше.

«Певец революции». Это словосочетание неотделимо от имени Горького. Правда, увидев революцию в действии, столкнувшись с откровенными братоубийственными схватками, Горький пришел в ужас и больше не вспоминал слов, сказанных в канун 1905 года: «Пусть сильнее грянет Буря».

Он наконец-то и понял как опасно призывать народ к Буре, к разрушению, возбуждать ненависть представителей одних классов к представителям других классов. «Вражда между людьми не есть явление нормальное», — с горечью резюмирует он.

Все усиливающаяся к лету 1917 года борьба между партиями, сопровождающаяся злобными нападками друг на друга, приведет Горького к выводу о драматических последствиях такой борьбы: разжигаются низменные инстинкты толпы, воспитывающейся на идеях разрушения, создается реальная угроза жизни человека.

Две злобы, считает Горький, у текущего дня: борьба партий и культурное строительство. Что победит? По какому пути пойдет Россия? Из статьи в статью он подчеркивает опасность увлечения классовой борьбой («это необходимое дело, но принимаю это дело, как неизбежное зло»), ибо при наличии некоторых особенностей, как считает он, «русской психики — политическая борьба делает строительство культуры почти невозможным».

Он отрицает необходимость продолжения и углубления революционного процесса: «Нет, револьвер и все прочее этого порядка, — только бутафория из мелодрамы, не этим творится нормальная жизнь, и пора понять, что между *историей* и *скандалом* (разрядка моя — *С. М.*), как бы он ни был громок, нет ничего общего».

Горький уверен, что «политика и религия разъединяют людей на отдельные группы».

Только искусство, уверен Горький, «открывает в человеке общечеловеческое, соединяет нас». Он призывает образумиться, понять, что «нужно бороться не друг с другом за хлеб и власть, а с природой, отвоевывая на пользу себе ее богатства».

Он зовет к консолидации все научные и культурные силы, чтобы, объединившись, помочь русскому народу преодолеть бескультурье, стать более отзывчивым и добрым (он обращается с

наивным призывом к русским людям собрать хотя бы по одному рублю в пользу Свободной ассоциации ученых). «В борьбе идей, — убежден Горький, — вовсе не обязательно бить человека, хотя он и является воплощением и носителем той или иной идеи».

Не защищая «бывших», не сочувствуя промышленникам и банкирам, Горький пишет о раздирающих душу «погромных» инстинктах, постоянно подогреваемых, раздираемых фракционной борьбой, «свободной прессой». «Сцепившись друг с другом, газеты катаются по улицам клубком ядовитых змей, отравляя и пугая обывателя злобным шипением своим».

Его поражает, что обливая друг друга потоками грязи, клеветы, т. е. отрицая *мысли* и *идеи* друг друга, пытаясь побольнее ударить один другого, спорящие не видят главной опасности — отрицательного их воздействия на народ. Все обвиняют друг друга, с горечью констатирует Горький, вместо того, чтобы «противопоставить буре эмоций силу разума, силу доброй воли». Не классовая опасность угрожает России, уверен Горький, а угроза одичания, бескультурья.

Выход из состояния ненависти, возбужденной злобы друг к другу, как считает он, один: «возбуждение в народе рядом с возбужденными в нем эмоциями политическими — эмоций этических и эстетических. Художник должен вторгнуться в хаос настроения улицы».

Горькому важно не только заклеймить, осудить борющиеся группировки. Ему важнее понять, почему так медленно идет культурное строительство, почему массы, освобожденные от монархической опеки, имеют большую склонность к разрушению, нежели созиданию. Жестко оценивая сложившуюся духовно-нравственную ситуацию, причины, не дающие возможность культурно-демократически мыслить, действовать, чувствовать, Горький пишет: «Теперь, когда вскрылся гнилостный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекается по всей стране, — теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого, за нашу азиатскую косность, за эту наивность, с которой мы терпели насилие над нами».

Но Горький не только полностью отрицает разрушенный строй, но и отрицает положительные качества самого народа, рассматривая его как носителя негативных свойств, присущих этой системе. В эмоциональном порыве бичуя народ, он заявит: «Мы, Русь, — анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь — ядовитое наследие татарского и крепостного ига — что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского че-

ловека, — кровью плачешь, а ругаешь». В каких только грехах не обвиняет русский народ Горький, правда, в конце концов приходя к выводу, что «иным он не мог быть».

Вот именно в этом-то и кроется корень одной из самых драматических ошибок Горького.

Зная русское крестьянство достаточно поверхностно (а именно его он и подразумевает под русским народом), не умея понять поэтики крестьянского земледельческого труда, увидеть, что земля для крестьянина не объект алчности и частнособственнических инстинктов, а форма существования, самовыражения, возможности быть хотя и относительно, но независимым, Горький противопоставляет этому миру устойчивых патриархальных традиций мир, объединенный вокруг пролетарской интеллигенции, вокруг промышленного производства, являющегося, по его мнению, одним из истоков нового культурного строительства.

Противопоставление некультурного, звероподобного крестьянина культурному промышленному рабочему — главное на страницах публицистических статей Горького.

Именно он, вчерашний крестьянин, некультурный и необразованный, придя на завод, крушит и ломает машины, по мнению Горького, выступает против самого промышленного производства.

Но пытаясь отыскать виновников, спровоцировавших эти народные выступления, Горький как будто забывает, что и он сам, рисуя отвратительного хищника новой формации Якова Маякина, буржуа-предпринимателя, возбуждал отрицательные эмоции сначала у демократической интеллигенции, которая потом в своей пропагандистской работе пользовалась не раз горьковскими характеристиками.

Вообще-то почти вся русская демократическая литература сказала свое «нет» промышленнику, буржуа, воспитав у ряда поколений устойчиво враждебное чувство к капиталу, к капитализму, не умея отнестись к явлению без предубеждения, исторически, не видя и не понимая его прогрессивной роли не только в создании промышленности, но и новых человеческих отношений. Твердо проводя эту линию, приведшую в конце концов к неуважительному отношению и к самому промышленному производству как Молоху (чего только стоит «выламывающийся» из капиталистического производства Фома Гордеев), Горький сетует: «Я не знаю в популярной литературе ни одной толково и убедительно написанной книжки, которая рассказала бы, как велика положительная роль промышленности в процессе развития культуры». Теперь писатель упрекает тех, кто изо дня в день «во всех газетах и журналах разоблачал бесстыдный и

фантастический рост доходов русской промышленности», но он не может понять, что *дело* неотделимо *от человека,* что промышленник со своей энергией, живостью ума, способностями — человек плоть от плоти того самого «одичалого» русского человека, что лично он мог стать и становился проводником культуры, отдавая подчас свои миллионы на культурное, научное и медицинское дело.

Социалистическая революция еще более заострила выступления Горького. Закрытие ряда газет, расстрелы, самосуды вызвали у него чувство глубокого возмущения. Еще не были сказаны слова о том, что «пролетарское принуждение вплоть до расстрелов... есть лучший способ выработки коммунистического сознания из капиталистического материала», но тенденцию к подавлению любого инакомыслия во имя строительства нового общества Горький уловил.

И тут надо отдать ему должное, — он одним из первых заметил утопизм программы В. И. Ленина и большевиков.

Он, не зная марксизма, но как художник чувствуя глубочайшие противоречия (общинно-феодальная деревня и развитое капиталистическое производство), прямо скажет, что крестьянство, с его точки зрения отсталое и дикое (а с точки зрения марксизма, не развившееся до товарного производства), не примет любые социалистические начинания. «Французскую революцию зарезали крестьяне», — с тревогой предупреждает он.

Поэтому Горький видит утопизм в тех обещаниях, которые дают рабочему классу большевики, уверенный, что закоснелое крестьянство отвергнет чуждые ему реформы.

Предостерегая массы от несбыточных надежд, развивающих революционную нетерпимость народа, провоцирующих его «погромные» настроения, Горький грозно пророчествует: «Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждут голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция».

Именно чутье художника позволило ему в действиях В. И. Ленина увидеть утопические элементы, отсутствие трезвого понимания исторически неоднозначной действительности, сложнейшей социально-экономической российской ситуации.

Не зная законов развития капитализма, Горький, хотя и с довольно расплывчатых позиций, критикует грешащую утопизмом программу большевиков.

Он не может согласиться с ограничением демократии, свободы слова. «Зачем?» становится постоянным словом на страницах его статей. Зачем закрывать газеты, истреблять политических противников? Вновь и вновь предупреждает Горький рабо-

чий класс, объявленный гегемоном, что насилие над демократией приведет к тому, что в конце концов «рабочий класс должен будет заплатить за ошибки и преступления своих вождей — тысячами жизней, потоками крови». Он заявляет, что погромы, аресты тех, «кто не может принять программу большевиков, позорны для демократии и будут постепенно усиливать ненависть к пролетариату».

Понимая как опасен отрыв авангарда (рабочий класс) от идущих за ним народных масс (крестьянство), Горький открыто выступает против использования пролетариата в узко партийных интересах. «Сознательные рабочие, — пишет Горький, — идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит развитие русской революции».[1]

Горький открыто говорит, что действия новой власти не имеют ничего общего с истинным социализмом, критикует тех, кто пропагандирует нищенские идеи Прудона, «но не Маркса, развивает Пугачева, а не социализм, и всячески пропагандирует всеобщее равнение на моральную и материальную бедность».

Слова Горького находят подтверждение в воспоминаниях друга его Ф. И. Шаляпина. Рассказывая о трудных днях после Октябрьского переворота, Шаляпин пишет, каким пренебрежительно-презрительным, если не сказать человеконенавистническим, было отношение некоторых коммунистов к людям выдающимся и талантливым. Так, большевик Рахья заявлял, что талантливых людей надо резать. На вопрос: «Почему?» Рахья отвечал, что «ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство».[2]

Горького как раз и пугает, что говорится все это и делается от имени пролетариата, творится именем рабочей интеллигенции. Обращая внимание на пестроту российского экономического уклада, Горький подведет итог: «Современная действительность не дает условий для реализации этих идей».

Эти «несвоевременные» мысли Горького очень близки к современным мыслям советских исследователей. «Тенденция к утопизму нашла свое отражение в политике, осуществлявшейся в

---

[1] Современные исследователи Файиберг З. И. и Козлова Г. П. считают, что в связи с тем, что в сельском хозяйстве ие были использованы формы, соответствующие феодальиой организации, ие говоря о капиталистической, ставить вопрос о переходе к социализму было преждевремеино, исходя из теории К. Маркса. Авторы склоняются к мысли о сдвиге В. И. Лениииа в 1917 г. к утопическим предшествеииикам в вопросах перехода к социализму. Файиберг З. И., Козлова Г. П. Какой социализм мы построили? Политическое образование, 1989, № 18, с. 41.

[2] Шаляпии Ф. И. Маска и душа. М., 1989, с. 239.

1917—1918 гг., — читаем мы в статье «Какой социализм мы строили?» — В практику экономического строительства после Октябрьской революции вводится продуктообмен, а товарообмен рассматривается как атрибут капитализма. Насаждается и проповедуется уравнительность... Национализация при этом отождествляется с непосредственным обобществлением. Роль насилия в осуществлении социалистических преобразований... абсолютизируется».[1]

В те годы одним из немногих так думал и Горький, возмущающийся разворовыванием самими же рабочими национализированных заводов, разрушением книгоиздательского дела, разгромом библиотек, народных домов, построенных на деньги промышленников, дворян, примитивной заменой грамотных чиновников малограмотными, но рабоче-крестьянского происхождения.

«В современных условиях русской жизни, — скажет он решительно, — нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему велению, сделать социалистическими 85 % крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников».

Вывод Горького однозначен: «Народные комиссары... страшно и нелепо осложняют рабочее движение, направляя его за пределы разума, они создают неотразимо тяжкие условия для всей будущей работы пролетариата и для всего прогресса страны», а «возбуждая несбыточные, неосуществимые в условиях действительности надежды и инстинкты темной массы», они «отрывают у рабочего класса голову».

С глубочайшей горечью предсказывает Горький кровавые схватки, гражданскую войну, окончательное падение нравственности.

Можно ли рушить старые структуры, не имея взамен сложившихся новых, уничтожая суды, к примеру, провоцировать народ на самосуды, примитивно-жестокое решение спорных вопросов?

Горький не принимает идеи мировой революции и в ответе «группе служащих» напишет, что «правительство Смольного относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно зажигает хворост для того, чтоб попробовать — не загорится ли от русского костра общеевропейская революция».

Сегодня к этим же выводам приходят и советские обществоведы. «...РСДРП(б) — РКП(б) испытывала сильнейшее давление *утопических представлений широких масс* (разрядка моя — *С. М.*), — пишут исследователи, — а внутри партии испытывала

---

[1] Указ. статья, с. 41.

давление по существу *утопических взглядов* значительного большинства вновь принятых в партию представителей рабочих и крестьян. Руководству партии очень трудно было не поддаться этому давлению, тем более, что и само оно грешило утопизмом».[1]

Но утописты были не только в правительстве. Достаточно много их было и среди читателей «Новой жизни». И это они в многочисленных письмах упрекали Горького, что он продался, предал свой народ, рабочий класс. И отвечая «интеллигенту из народа» — как называл себя И. Книжник-Ветров, Горький в который раз говорит о своем неприятии кровавых репрессий, разрушения богатств нации во имя лучшей жизни народа, антигуманных действий, которые позволяет себе новая власть.

Почему все это происходит?

Почему? Этот вопрос почти не сходит со страниц статей Горького 1918 года. И приходит ответ: «Где слишком много политики, там нет места культуре, а если политика насквозь пропитана страхом перед массой и лестью ей — как страдает этим политика советской власти, — тут уже, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, уважении человека к человеку».

Он не может принять тезис: «так как народ мучили — он тоже имеет право мучить», не может принять пронизанных классовой ненавистью призывов к массовому террору, еще и еще раз отрицает классовую борьбу, которая, как он скажет, разрушая, ничего не создает.

Взгляды Горького 1918 года перекликаются с идеями социально-утопического романа А. А. Малиновского-Богданова «Красная звезда», написанного еще в 1906—1907 гг. Рассуждая о последствиях, которые будут после установления социализма в недостаточно развитой стране, Богданов предрекал, что характер социализма в этом случае «будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм».[2]

Но обозначив симптомы болезни, указав на ее тяжелый характер, Горький оказался не в состоянии понять ее причины и найти правильный метод лечения. Подчеркивая, что «при монархии мы жили еще сквернее и позорнее!», он не только пытается понять логику действия большевиков, но и принять их «современные мысли». Может быть, действительно революция дает шанс перепрыгнуть через дикость, грязь, через смрадное «боло-

---

[1] Указ. статья с. 41.

[2] Богданов А. А. «Красная звезда». — В сб. Русская литературная утопия. М. Из-во МГУ, 1986, с. 282.

то» отсталых традиций, привычек? Ведь «все-таки вся Русь — до самого дна, до последнего из ее дикарей, не только внешне свободна, но и внутренно поколеблена в своих основах и основе всех основ ее — азиатской косности, восточном пассивизме». Революционное нетерпение масс он принимает за чувство созидательно реалистическое.

И художник-реалист все более побеждается романтиком-утопистом. Как наивны обращения Горького к крестьянам, которые должны будут осознать свое несоответствие социализму и перевоспитаться («Теперь он должен будет посвятить шестимесячные зимы мыслям и трудам, а не полусонному, полуголодному безделью»).

Он надеется, что переведенный из крепостного состояния в социалистическое общество крестьянин поймет, что

Лень есть глупость тела,
Глупость — лень ума,

и захочет учиться, чтобы оздоровить и ум, и тело.

Он даже сам не замечает, как превращается в наивного мечтателя, пытающегося увидеть в разрушенной России будущую страну чудес. «Если мы з а с т а в и м (разрядка моя — *С. М.*) энергично работать всю массу мозга каждой страны — мы создадим страну чудес», — пишет он за месяц до закрытия газеты, 17 мая 1918 года.

Так, романтик 90-х годов, даже пройдя школу реализма, превращается в утописта в 1918 году. Горький сам — плоть от плоти той измученной массы, которая ждала чудес, верила в такое замечательно-близкое социалистическое чудо.

Теперь его как-то не очень потрясает откровенный грабеж деревни продотрядами. И с эпическим спокойствием, в котором явно сквозит нелюбовь к собственнику, он резюмирует: «Каторжный мужицкий труд, целиком зависимый от благорасположения стихии и руководимый древними навыками, не способен развить вкус к «праведному», упорному и честному труду, а ход истории экономического развития России даже и кретина способен убедить в том, что понятие «собственность — есть кража».

Теперь все чаще и чаще Горький обращается не к принципиальному анализу современной политики, а лишь к отдельным проявлениям тех или иных ее негативных явлений, обвиняя не власть, задумавшую этот «эксперимент», а отдельных людей, не сумевших проникнуться понятием планетарными целями.

Он призывает думать не столько о настоящем, сколько о будущем, «социальном идеализме», без «которого революция потеряла бы свою силу делать человека более социально созидательным, чем он был до революции, потеряла бы свое моральное и

эстетическое оправдание». Это уже прямой выход на создание модели человека будущего — нового человека.

И вот уже звучит призыв к матерям: «Не поддавайтесь злым внушениям жизни, *станьте выше фактов*» (разрядка моя — *С. М.*).

Он как бы старается не видеть окружающей действительности. Критикуя большевиков, он тем не менее уверен, что несмотря на жестокость они «хотят добра народу», хотя и делают много ошибок («но Бог тоже ошибся, сделав нас всех глупее»). Он смиряется с проливающейся кровью, ибо «большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы». Горький как бы теряет интерес к отдельному человеку, его теперь волнует проблема народа, страны, государства. И как это ни покажется парадоксальным, то, что говорил Горький в мае 1918 года («народ ожил и в нем зреют новые силы, для которых не страшны *безумия политических новаторов*, слишком фанатизированных...») предшествует тому, что будет сказано в 1929 году.

То, что пишет Горький, обращаясь к женщинам-матерям, может свидетельствовать только о явно неловкой попытке оправдать действия новой власти: «Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите любя, — советует Горький. — Вы только вспомните этих проклятых мужчин — большевиков и прочих, — одичавших, огрубевших в *работе разрушения гнилой храмины старого строя*, вспомните их, когда они были новорожденными младенцами, — как всем младенцам, им тоже нужно было вытирать носы...» И трудно придумать более утопическое предложение-обращение к женщинам: если нет положительных примеров в жизни — «попытаться своей силой создать явления, возвышающие человека в его и в ваших глазах». Так, на наших глазах в 1918 году закладывался фундамент «социалистического реализма» в его чисто горьковской интерпретации.

Статьи Горького этого периода становятся все более не отвечающими рубрике, под которой они печатались: ранее «несвоевременные», они становятся все более «своевременными», созвучными для новой власти. Он призывает «смягчать» нравы большевиков, говорит о необходимости оказания им помощи. Голос его последних статей звучит тихо и жалобно. Он не требует, не настаивает, не возмущается, не кричит. Он тихо просит, обращаясь неизвестно к кому: «Надо *что-то* делать, необходимо бороться с процессом физического и духовного истощения интеллигенции, надо почувствовать, что она является мозгом страны».

В этом безадресном, инфинитивном обращении — слабость,

сломленность. «Интеллектуальные силы Петрограда должны немедленно организоваться в целях самосохранения, в целях защиты от голода и нервного истощения». Переведенные на обычный язык, эти слова могут звучать: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

И снова как когда-то, когда Горький не принимал эгоизма крестьянского собственника, летом 1918 года, перейдя на позиции откровенного утопического социализма, он обрушивается и на рабочих, и на ремесленников, и на мещан, не способных выработать в себе новые формы мышления, чувств. Уже предлагается создавать новых людей — «необходимо ускорить рост и развитие новых сил, *необходимо тотчас же создавать условия для воспитания нового человека»* (разрядка моя — *С. М.*). Как, где, кем, когда? На эти вопросы Горький ответа не дает.

Как все это выглядело красиво на бумаге: «надо организовать волю», «чувства», надо народ воспитывать морально, эстетически, разгромив предварительно антигуманные религии, церковь.

И еще так недавно выступающий против самой идеи борьбы, Горький теперь требует подчинить «пафосу борьбы» искусство, литературу.

Измученному народу, который палками загоняли в рай, именуемый социализмом, предлагается лицезреть трагическое, восхищаться подвигами героев («подвиги героев трагедии являют собою зрелище исключительное, праздничное зрелище игры или битвы великих сил человека против его судьбы»). Претендуя на роль духовного вождя нации, Горький практически предал не только интересы нации, но и культуры, об опасности разрушения которой он так много писал. Отвечая на вопрос, что он считает полезнее для социально-эстетического воспитания трудящихся: «Дядю Ваню» Чехова, любую из пьес Островского или «Сирано де Бержерака» Ростана, Диккенса, он отбрасывает русских реалистов, отдавая предпочтение Ростану, Шекспиру, греческим трагикам и остроумным веселым комедиям французского театра.

И теоретически Горький приветствует вечную революцию и вечного революционера, этого возбудителя «непрерывно раздражающего мозги и нервы человечества», «разрушающего истины, созданные до него», творя новые (итак, «весь мир до основанья мы разрушим». А потом?)

Отвечая тем, кто вновь и вновь упрекал его в том, что он предал интересы народа, Горький уже не в первый раз ссылался на озверение народа, его дикость, неспособность принять новые идеи.

Ну, что же! Круг, действительно, замкнулся. Тот, кто ни-

когда не видел в народе саморазвивающуюся силу, способную жить без внесения в ее сознание «новых» красивых идей, никогда до конца так и не поймет, что насиловать этот народ и тащить его через плаху к культуре антигуманно, античеловечно.

На страницах уже почти умирающей газеты он еще будет призывать вести культурно-просветительскую работу в народе, будет еще пытаться встать над политикой. Речи его становятся все более и более «своевременными» для правителей и все более «несвоевременными» для народа. Но с этим у нас считаться было не принято. В этом-то, видимо, и главная причина, «почему мы, Русь, — несчастнее других».

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВА

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

«Новая Жизнь» № 1,
18 апреля (1 мая) 1917 г.

Если окинуть одним взглядом всю внешне разнообразную деятельность монархического режима в области «внутренней» политики, то смысл этой деятельности явится перед нами в форме всемерного стремления бюрократии задержать количественное и качественное развитие мыслящего вещества.

Старая власть была бездарна, но инстинкт самосохранения правильно подсказывал ей, что самым опасным врагом ее является человеческий мозг, и вот, всеми доступными ей средствами, она старалась затруднить или исказить рост интеллектуальных сил страны. В этой преступной деятельности ей успешно помогала церковь, порабощенная чиновничеством, и не менее успешно — общество, психически расшатанное и, последние годы, относившееся к насилию над ним совершенно пассивно.

Результаты длительного угашения духа обнаружила с ужасающей очевидностью война — Россия оказалась перед лицом культурного и прекрасно организованного врага немощной и безоружной. Люди, так хвастливо и противно кричавшие о том, что Русь поднялась «освободить Европу от оков ложной цивилизации духом истинной культуры», эти, вероятно, искренние и тем более несчастные люди быстро и сконфуженно замкнули слишком красноречивые уста. «Дух истинной культуры» оказался смрадом всяческого невежества, отвратительного эгоизма, гнилой лени и беззаботности.

В стране, щедро одаренной естественными богатствами и дарованиями, обнаружилась, как следствие ее духовной нищеты, полная анархия во всех областях культуры. Промышленность, техника — в зачаточном состоянии и вне прочной связи с наукой; наука — где-то на задворках в темноте и под враждебным надзором чиновника; искусство ограниченное, искаженное цензурой, оторвалось от общественности, погружено в поиски новых форм, утратив жизненное, волнующее и облагораживающее содержание.

Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища. Наследство, оставленное революции монархией, — ужасно.

И как бы горячо ни хотелось сказать слово доброго утешения, — правда суровой действительности не позволяет утешать, и нужно сказать со всей откровенностью: монархическая власть в своем стремлении духовно обезглавить Русь добилась почти полного успеха.

Революция низвергла монархию, так! Но, может быть, это значит, что революция только вогнала накожную болезнь внутрь организма. Отнюдь не следует думать, что революция духовно излечила или обогатила Россию. Старая, неглупая поговорка гласит: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками», процесс интеллектуального обогащения страны — процесс крайне медленный. Тем более он необходим для нас, и революция, в лице ее руководящих сил, должна сейчас же, немедля, взять на себя обязанность создания таких условий, учреждений, организаций, которые упорно и безотлагательно занялись бы развитием интеллектуальных сил страны.

Интеллектуальная сила — это первейшая, по качеству, производительная сила, и забота о скорейшем росте ее должна быть пламенной заботой всех классов.

Мы должны дружно взяться за работу всестороннего развития культуры, — революция разрушила преграды на путях к свободному творчеству, и теперь в нашей воле показать самим себе и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде.

«Мир создан не словом, а деянием», это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 2,
20 апреля (3 мая) 1917 г.

Новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души.

Разумеется, — в два месяца не переродишься, однако чем скорее мы позаботимся очистить себя от пыли и грязи прошлого, тем крепче будет наше духовное здоровье, тем продуктивнее работа по созданию новых форм социального бытия.

Мы живем в буре политических эмоций, в хаосе борьбы за власть, эта борьба возбуждает рядом с хорошими чувствами темные инстинкты. Это — естественно, но это не может не грозить некоторым искривлением психики, искусственным развитием ее в одну сторону. Политика — почва, на которой быстро и обильно разрастается чертополох ядовитой вражды, злых подозрений, бесстыдной лжи, клеветы, болезненных честолюбий, неуважения к личности, — перечислите все дурное, что есть в человеке, — все это особенно ярко и богато разрастается именно на почве политической борьбы.

Для того, чтобы не быть задушенным чувствами одного порядка, следует не забывать о чувствах порядка иного.

Вражда между людьми не есть явление нормальное — лучшие наши чувства, величайшие наши идеи направлены именно к уничтожению в мире социальной вражды. Эти наилучшие чувства и мысли я бы назвал «социальным идеализмом» — именно его сила позволит нам преодолевать мерзости жизни и неустанно, упрямо стремиться к справедливости, красоте жизни, к свободе. На этом пути мы создали героев, великомучеников ради свободы, красивейших людей земли, и все прекрасное, что есть в нас, воспитано этим стремлением. Наиболее успешно и могуче будит в нашей душе ее добрые начала сила искусства. Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его. Политика и религия разъединяют людей на отдельные группы, искусство, открывая в человеке общечеловеческое, соединяет нас. Ничто не выпрямляет душу человека так мягко и быстро, как влияние искусства, науки.

* * *

Право пролетариата на вражду с другими классами всесторонне и глубоко обосновано. Но — в то же время именно пролетариат вносит в жизнь великую и благостную идею новой культуры, идею всемирного братства. А потому именно пролетариат первый должен отбросить, как негодное для него, старые навыки отношения к человеку, именно он должен особенно настойчиво стремиться к расширению и углублению души, вместилища впечатлений бытия. Для пролетария дары искусства и науки должны иметь высшую ценность, для него — это не праздная забава, а пути углубления в тайны жизни. Мне странно видеть, что пролетариат в лице своего мыслящего и действующего органа «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» относи-

тся так равнодушно и безразлично к отсылке на фронт, на бойню, солдат-музыкантов, художников, артистов драмы и других нужных его душе людей. Ведь, посылая на убой свои таланты, страна истощает сердце свое, народ отрывает от плоти своей лучшие куски. И — для чего? Быть может, только для того, чтоб русский талантливый человек убил талантливого художника-немца.

Подумайте, какая это нелепость, какая страшная насмешка над народом! Подумайте и над тем, какую массу энергии затрачивает народ для того, чтобы создать талантливого выразителя своих чувств, мыслей своей души.

Неужели эта проклятая бойня превратит и людей искусства, дорогих нам, в убийц и трупы?

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 3,
21 апреля (4 мая) 1917 г.

Мы добивались свободы слова затем, чтобы иметь возможность говорить и писать правду.

Но — говорить правду, это искусство труднейшее из всех искусств, ибо в своем «чистом» виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, — правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и неприемлема для него. Таково проклятое свойство «чистой» правды, но в то же время это самая лучшая и самая необходимая для нас правда.

Поставим себе задачу — сказать правду о немецких зверствах. Я надеюсь, что совершенно точно установимы факты зверского отношения немецких солдат к солдатам России, Франции, Англии, а также мирному населению Бельгии, Сербии, Румынии, Польши. Я имею право надеяться, что эти факты — вне сомнений и так же неоспоримы, как факты русских зверств в Сморгони, в городах Галиции и т. д. Я не отрицаю, что отвратительные приемы истребления людей, применяемые немцами, впервые допущены в деле человекоубийства. Не могу отрицать, что отношение немцев к русским военнопленным — гнусно, ибо знаю, что отношение старой русской власти к немецким военнопленным было тоже гнусным.

Все это — правда, эту правду создала война. На войне необходимо как можно больше убивать людей — такова циническая логика войны. Зверство в драке неизбежно,

вы видали, как жестоко дерутся дети на улицах? «Чистая» правда говорит нам, что зверство есть нечто вообще свойственное людям, свойство, не чуждое им даже в мирное время, — если таковое существует на земле. Вспомним, как добродушный русский народ вколачивал гвозди в черепа евреев Киева, Кишинева и других городов, как в 1906 году рабочие Иваново-Вознесенска варили в котлах кипятка своих товарищей, бросая их в котлы живыми, как садически мучили тюремщики арестантов, как черносотенцы разрывали девушек-революционерок, забивая им колья в половые органы, вспомним на минуту все кровавые бесстыдства 906-7-8 годов.

Я не сравниваю немецких зверств с общечеловеческими и, в частности, русским зверством; я просто, пользуясь свободой слова, рассуждаю о правде сего, текущего дня, о правде, созданной войною, и о «чистой» правде, которая общезначима для всех времен и которая воистину «краше солнца», хотя она часто печальна и обидна для нас.

Осуждая человека — немца или русского, это все равно, — мы не должны забывать о «чистой» правде, потому что она — самое драгоценное состояние наше, самый яркий огонь нашего сознания; бытие этой правды свидетельствует о высоте моральных требований, предъявляемых человеком к самому себе.

* * *

На фронте происходит братание немецких солдат с русскими, — я думаю, что это вызвано не только физическим утомлением, но и проснувшимся в людях чувством отвращения к бессмысленной бойне. Не буду говорить о том, что отблеск пламени русской революции не мог не зажечь ярких надежд в груди немецкого солдата.

Может быть, факты братания врагов количественно ничтожны, это отнюдь не умаляет их морального, культурного значения. Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т. е. демократии.

Если это будет — это будет нечто небывалое, великое, почти чудесное, и это даст человеку право гордиться собою, — воля его победила самое отвратительное и кровавое чудовище — чудовище войны.

Генерал Брусилов, указывая на «чрезмерную доверчивость русского солдата», не верит в искренность солдата-

немца, протягивающего нам руку примирения. Генерал говорит в своем приказе:

«На все попытки противника войти в общение с нашими войсками должен быть всегда лишь один ответ — штыком и пулей».

И, видимо, этот приказ исполняется: вчера солдат, приехавший с фронта, говорил мне, что когда наши и немцы собираются между окопами для бесед о текущих событиях, русская артиллерия начинает стрелять по ним, немецкая тоже.

Был случай, когда немцев, подошедших к нашим заграждениям, русские действительно встретили пулями, а когда они побежали назад к себе, их начали расстреливать из пулеметов свои. Я стараюсь говорить спокойно, я знаю, что генералы служат тоже некой своей профессиональной «правде» и что еще недавно эта их «правда» была единственной, обладавшей свободой слова.

Ныне столь же свободно может говорить и другая правда, чистая от преступлений, правда, рожденная стремлением людей к единству и неспособная служить позорному делу разжигания ненависти, вражды, делу истребления людей.

Подумайте, читатель, что будет с вами, если правда бешеного зверя одолеет разумную правду человека?

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 4,
22 апреля (5 мая) 1917 г.

Несколько десятков миллионов людей, здоровых и наиболее трудоспособных, оторваны от великого дела жизни — от развития производительных сил земли — и посланы убивать друг друга.

Зарывшись в землю, они живут под дождем и снегом, в грязи, в тесноте, изнуряемые болезнями, пожираемые паразитами, живут как звери, подстерегая друг друга для того, чтобы убить.

Убивают на суше, на морях, истребляя ежедневно сотни и сотни самых культурных людей нашей планеты, людей, которые создали драгоценнейшее земли — европейскую культуру.

Разрушаются тысячи деревень, десятки городов, уничтожен вековой труд множества поколений, сожжены и вырублены леса, испорчены дороги, взорваны мосты, в

прахе и пепле сокровища земли, созданные упорным, мучительным трудом человека. Плодоносный слой земли уничтожен взрывами фугасов, мин, снарядов, изрыт окопами, обнажена бесплодная подпочва, вся земля исковеркана, осквернена гниющим мясом невинно убитых. Насилуют женщин, убивают детей, — нет гнусности, которая не допускалась бы войной, нет преступления, которое не оправдывалось бы ею.

Третий год мы живем в кровавом кошмаре и — озверели, обезумели. Искусство возбуждает жажду крови, убийства, разрушения; наука, изнасилованная милитаризмом, покорно служит массовому уничтожению людей.

Эта война — самоубийство Европы!

Подумайте, — сколько здорового, прекрасно мыслящего мозга выплеснуто на грязную землю за время этой войны, сколько остановилось чутких сердец!

Это бессмысленное истребление человеком человека, уничтожение великих трудов людских не ограничивается только материальным ущербом — нет!

Десятки тысяч изуродованных солдат долго, до самой смерти не забудут о своих врагах. В сказах о войне они передадут свою ненависть детям, воспитанным впечатлениями трехлетнего ежедневного ужаса. За эти года много посеяно на земле вражды, пышные всходы дает этот посев!

А ведь так давно и красноречиво говорилось нам о братстве людей, о единстве интересов человечества. Кто же виноват в дьявольском обмане, в создании кровавого хаоса?

Не будем искать виновных в стороне от самих себя. Скажем горькую правду: все мы виноваты в этом преступлении, все и каждый.

Представьте себе на минуту, что в мире живут разумные люди, искренно озабоченные благоустройством жизни, уверенные в своих творческих силах, представьте, например, что нам, русским, нужно, в интересах развития нашей промышленности, прорыть Риго-Херсонский канал, чтобы соединить Балтийское море с Черным — дело, о котором мечтал еще Петр Великий. И вот, вместо того, чтобы посылать на убой миллионы людей, мы посылаем часть их на эту работу, нужную стране, всему народу. Я уверен, что люди, убитые за три года войны, сумели бы в это время осушить тысячеверстные болота нашей родины, оросить Голодную степь и другие пустыни, соединить реки Зауралья с Камой, проложить дорогу сквозь Кав-

казский хребет и совершить ряд великих подвигов труда для блага нашей родины.

Но мы истребляем миллионы жизней и огромные запасы трудовой энергии на убийство и разрушение. Изготовляются массы страшно дорогих взрывчатых веществ; уничтожая сотни тысяч жизней, эти вещества бесследно тают в воздухе. От разорвавшегося снаряда все-таки остаются куски металла, из которых мы со временем хоть гвоздей накуем, а все эти мелиниты, лидиты, динитро-толуолы — действительно «пускают по ветру» богатства страны. Речь идет не о миллиардах рублей, а о миллионах жизней, бессмысленно истребляемых чудовищем Жадности и Глупости.

Когда подумаешь об этом — холодное отчаяние сжимает сердце, и хочется бешено крикнуть людям:

— Несчастные, пожалейте себя!

ОБ УБИЙСТВЕ

«Новая Жизнь» № 5,
23 апреля (6 мая) 1917 г.

Светлые крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью.

Я не знаю, кто стрелял в людей третьего дня на Невском,[1] но кто бы ни были эти люди, — это люди злые и глупые, люди, отравленные ядами гнилого старого режима.

Преступно и гнусно убивать друг друга теперь, когда все мы имеем прекрасное право честно спорить, честно не соглашаться друг с другом. Те, кто думает иначе, неспособны чувствовать и сознавать себя свободными людьми. Убийство и насилие — аргументы деспотизма, это подлые аргументы — бессильные, ибо изнасиловать чужую волю, убить человека не значит, никогда не значит убить идею, доказать неправоту мысли, ошибочность мнения.

Великое счастье свободы не должно быть омрачаемо преступлениями против личности, иначе — мы убьем свободу своими же руками.

Надо же понять, пора понять, что самый страшный враг свободы и права — внутри нас; это наша глупость, наша жестокость и весь тот хаос темных, анархических чувств, который воспитан в душе нашей бесстыдным гнетом монархии, ее циничной жесткостью.

Способны ли мы понять это?

Если не способны, если не можем отказаться от грубейших насилий над человеком — у нас нет свободы. Это просто слово, которое мы не в силах насытить должным содержанием. Я говорю — наши коренные враги глупость и жестокость.

Можем ли мы, пытаемся ли мы бороться с ними?

Это не риторический вопрос, это вопрос о глубине, о искренности нашего понимания новых условий политической жизни, новой оценки значения человека и его роли в мире.

Пора воспитывать в самих себе чувство брезгливости к убийству, чувство отвращения к нему.

Да, я не забываю, что, может быть, нам еще не однажды придется защищать свободу и право наше оружием, может быть!

Но 21-го апреля револьверы в грозно вытянутых руках были смешны, и было в этом жесте нечто детское, к сожалению, разрешившееся преступлением.

Да, преступлением против свободного человека.

Неужели память о подлом прошлом нашем, память о том, как нас сотнями и тысячами расстреливали на улицах, привила и нам спокойное отношение палачей к насильственной смерти человека?

Я не нахожу достаточно резких слов порицания людям, которые пытаются доказать что-то пулей, штыком, ударом кулака по лицу.

Не против ли этих доводов протестовали мы, не этими ли приемами воздействия на нашу волю нас держали в постыдном рабстве?

И вот — освободясь от рабства внешне, — внутренно мы продолжаем жить чувствами рабов.

Еще раз — наш самый безжалостный враг — наше прошлое.

Граждане! Неужели мы не найдем в себе сил освободиться от его заразы, сбросить с себя его грязь, забыть о его кровавых бесстыдствах? Побольше зрелости, побольше вдумчивости и осторожности в отношении к самим себе — вот что необходимо нам!

Борьба не кончена. Надо беречь силы, соединять энергию воедино, а не разъединять ее, подчиняясь настроению момента.

О ПОЛЕМИКЕ

«Новая Жизнь» № 6,
25 апреля (8 мая) 1917 г.

По традиции, созданной в эпоху политики царизма, некоторые журналисты, полемизируя, продолжают употреблять старые приемы, стараются «закатить» человеку, неприятному им, «под душу», «под микитки», «под девятое ребро».

Разумеется — в газете не место спокойным, академическим спорам, но я все-таки думаю, что свободная пресса должна бы развивать в себе чувство уважения к личности, и уж если необходимо уязвить ближнего, то следует уязвлять его тогда, когда он даст достаточно оснований для щипков, пинков, заушений и прочих приемов социальной педагогики.

В борьбе идей вовсе не обязательно бить человека, хотя он и является воплощением и носителем той или иной идеи. Я всемерно и решительно протестую против личных выпадов в полемике, отнюдь не забывая, что и сам был повинен в допущении таковых выпадов.

* * *

Газета «Речь» выражает — скажу — недоумение по поводу моего — якобы — скачка от газеты «Луч» к «Новой Жизни». Нахожу необходимым объясниться.

Да, я пытался организовать «Луч» с М. В. Бернацким, П. Г. Виноградовым и другими лицами, которых издавна привык уважать.[2]

«Луч» должен был служить органом радикально-демократической партии. Я принимал некоторое участие и в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю — по возможности — массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году; позднее говорил об этом с Г. В. Плехановым и, помнится, он отнесся к этой идее положительно, признал организацию таковой партии нужной.

Организуя «Луч», я сознательно шел на известное самоограничение, на некоторое насилие над самим собой, если угодно. Такое насилие я не считаю преступным, ибо от него страдает только один человек, сам насильник.

Некоторые из моих почтенных товарищей по «Лучу» тоже признавали самоограничение обязательным для себя.

Газета «Луч» не вышла в свет по силе каких-то сложных и темных препятствий. В данное время, когда даже наши конституционалисты — «оппозиция его величества»[3] — переродились в республиканцев, — а широкие демократические массы идут за рабочим классом, — я считаю радикал-демократическую партию, пожалуй, уже излишней.

* * *

Вероятно, найдутся праведники, которые не преминут расказнить меня за такую «гибкость», — они, конечно, назовут это иначе. Будучи по природе моей человеком не скупым, я дам праведникам еще несколько материала для сожжения моего на костре пламенных слов. На мой взгляд, человек должен делать все то доброе и нужное, что он может сделать, хотя бы «дело» и не вполне гармонировало с его основными верованиями. Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения — болтуны и бездельники, и вся работа моей жизни сводится, по смыслу ее, к возбуждению в людях дееспособности.

Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгуя никаким живым делом. Люди, которые деревенеют и каменеют под давлением веры, исповедуемой ими, никогда не пользовались моими симпатиями. Я могу теоретически любоваться их строгой выдержанностью, но я не умею любить их.

Скажу более: я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу, ибо чувствую, что для гармонии в душе моей, — для моего духовного покоя и уюта, — я должен смертью убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и — простите — жалкенького русского человека. Полагаю, я сказал вполне достаточно для того, чтобы праведники могли изругать меня «на все корки».

* * *

Г. Иванов-Разумник из «Дела Народа» ставит мне в вину, что я подписал воззвание к немецким ученым.[4] Текст этого воззвания я не помню и даже не уверен, что читал его. Моя подпись под ним — одна из тех случайностей, которы-

ми изобилует русский быт и которые объясняются небрежным отношением к человеку. Но я — не оправдываюсь и никого не обвиняю. Я готов подписать и еще воззвание, если только оно порицает участие людей науки в братоубийственной и бессмысленной войне. Когда наука вторгается или насильно вовлечена в кровавую грязь политики, от этого страдает не только чистота и свобода самой науки, — страдают все лучшие идеалы и надежды человечества, уничтожается разум всего мира.

Закончу все это выражением моего почтения и восторга пред людьми, которые никогда не ошибаются, ничем не увлекаются и вообще ведут себя примерно.

Да святятся имена их!

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая жизнь» № 8,
27 апреля (10 мая) 1917 г.

В первые же дни революции какие-то бесстыдники выбросили на улицу кучи грязных брошюр, отвратительных рассказов на темы «из придворной жизни». В этих брошюрах речь идет о «самодержавной Алисе», о «Распутном Гришке», о Вырубовой и других фигурах мрачного прошлого.

Я не стану излагать содержания этих брошюр, оно невероятно грязно, глупо и распутно. Но этой ядовитой грязью питается юношество, брошюрки имеют хороший сбыт и на Невском, и на окраинах города. С этой отравой нужно бороться, я не знаю — как именно, но — нужно бороться, тем более, что рядом с этой пакостной «литературой» болезненных и садических измышлений на книжном рынке слишком мало изданий, требуемых моментом.

Грязная «литература» особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда в людях возбуждены все темные инстинкты и еще не изжиты чувства негодования, обиды, — чувства, возбуждающие месть. Нам следует помнить, что мы переживаем не только экономическую разруху, но и социальное разложение, всегда и неизбежно возникающее на почве экономического развала.

Бесспорно, — часть вины за то, что мы бессильны и бездарны, мы имеем право возложить и на те силы, которые всегда стремились держать нас далеко в стороне от живого дела общественного строительства. Бесспорно, что Русь воспитывали и воспитывают педагоги, политически еще

более бездарные, чем наш рядовой обыватель. Неоспоримо, что всякая наша попытка к самодеятельности встречала уродливое сопротивление власти, болезненно самолюбивой и занятой исключительно охраной своего положения в стране. Все это — бесспорно, однако следует, не боясь правды, сказать, что и нас похвалить не за что. Где, когда и в чем за последние годы неистовых издевательств над русским обществом в его целом, — над его разумом, волей, совестью, — в чем и как обнаружило общество свое сопротивление злым и темным силам жизни? Как сказалось его гражданское самосознание, хулигански отрицаемое всеми, кому была дана власть на это отрицание? И в чем, кроме красноречия да эпиграмм, выразилось наше оскорбленное чувство собственного достоинства?

Нет, надо знать правду: мы сами расшатаны морально не менее, чем силы, враждебные нам.

Мы живем во дни грозных событий, глубина которых, очевидно, не может быть правильно понята нами, и трагизм дней — не чувствуется; менее всего в эту пору следовало бы обращать внимание на авантюры уголовного характера, как бы они ни были внешне занятны. Очень вероятно, что нам следует быть готовыми принять и еще не одну такую же авантюру, но нельзя забывать, что не столько важен факт преступления сам по себе, как важна его воспитательная, социально-педагогическая сила.

История воспитывает людей духовно здоровых и уничтожает больных, скандал может развратить первых и еще более искажает миропонимание вторых. Людей, духовно нездоровых, среди нас слишком много, — события угрожают еще увеличить количество таковых. Нож, револьвер и все прочее этого порядка — только бутафория из мелодрамы, не этим творится нормальная жизнь, и пора понять, что между историей и скандалом, — как бы он ни был громок, — нет ничего общего.

Самые страшные люди — это люди, которые не знают, чего они хотят, а потому необходимо употребить всю нашу волю на дело выработки вполне ясных желаний. Мы стоим пред необходимостью совершить некий исторический подвиг, а всякий подвиг требует концентрации воли.

Можно ли увлекаться грязными бульварными романами, когда вокруг нас во всем мире грозно совершается трагедия! Все мощные силы мировой истории ныне приведены в движение, все человеко-звери сорвались с цепей культуры, разорвали ее тонкие ризы и пакостно обнажились, — это явление, равное катастрофе, сотрясает устои

социальных отношений до основания. И нужно призвать к действительной жизни весь лучший разум, всю волю, для того, чтобы исправить последствия нашей трагической небрежности в отношении к самим себе, небрежности, которая создала страшную ошибку.

Человечество века работало над созданием сносных условий бытия не для того, чтоб в XX-м веке нашей эры разрушить созданное.

Мы должны извлечь из безумных событий разумные уроки, памятуя, что все, что называется Роком, Судьбою, есть не что иное, как результат нашего недомыслия, нашего недоверия к себе самим; мы должны знать, что творимое на земле творится единственным Хозяином и Работником ее — Человеком.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 12,
2 (15 мая) 1917 г.

Не дождавшись решения Совета Солдатских Депутатов по вопросу об отправке на фронт артистов, художников, музыкантов, — Батальонный Комитет Измайловского полка отправляет в окопы 43 человека артистов, среди которых есть чрезвычайно талантливые, культурноценные люди.

Все эти люди не знают воинской службы, не обучались строевому делу. Они не умеют стрелять — только сегодня впервые их ведут на стрельбище, а в среду они должны уже уехать. Таким образом, эти ценные люди пойдут на бойню, не умея защищаться.

Я не знаю, из кого состоит Батальонный Комитет Измайловского полка, но я уверен, что эти люди «не ведают, что творят».

Потому что посылать на войну талантливых художников такая же расточительность и глупость, как золотые подковы для ломовой лошади. А посылать их, не обучив воинскому делу, это уж — смертный приговор невинным людям. За такое отношение к человеку мы проклинаем царскую власть, именно за это мы ее и свергли.

* * *

Демагоги и лакеи толпы, наверное, закричат мне:

— А равенство?

Конечно, я помню об этом. Я тоже немало затратил сил на доказательства необходимости для людей политического и экономического равенства, я знаю, что только при наличии этих равенств человек получит возможность быть честнее, добрее, человечнее. Революция сделана для того, чтоб человеку лучше жилось и чтоб сам он стал лучше.

Но я должен сказать, что для меня писатель Лев Толстой или музыкант Сергей Рахманинов, а равно и каждый талантливый человек, не равен Батальонному Комитету Измайловцев.

Если Толстой сам почувствовал бы желание всадить пулю в лоб человеку или штык в живот ему, — тогда, разумеется, дьявол будет хохотать, идиоты возликуют вместе с дьяволом, а люди, для которых талант — чудеснейший дар природы, основа культуры и гордость страны, — эти люди еще раз заплачут кровью.

Нет, я всей душой протестую против того, чтобы из талантливых людей делали скверных солдат.

Обращаясь к Совету Солдатских Депутатов, я спрашиваю его: считает ли он правильным постановление Батальонного Комитета Измайловского полка? Согласен ли он с тем, что Россия должна бросать в ненасытную пасть войны лучшие куски своего сердца, — своих художников, своих талантливых людей?

И — с чем мы будем жить, израсходовав свой лучший мозг?

КОШМАР
(Из дневника)

«Новая Жизнь» № 13,
3 (16) мая 1917 г.

Маленькая, стройная, элегантно одетая, она пришла ко мне утром, когда в окно моей комнаты смотрело солнце; пришла и села так, что солнечный луч обнял ее шею, плечи, озолотил белокурые волосы. Очень юная, она, судя по манерам, хорошо воспитана.

Ее карие глаза улыбались нервной улыбкой ребенка, который чем-то смущен и немножко сердится на то, что не может победить смущения.

Стягивая перчатку с тонкой руки, глядя на меня исподлобья, она начала вполголоса:

— Я знаю, — мое вторжение дерзко, вы так заняты, ведь вы очень заняты.

— Да.

— Конечно, — сказала она, кивнув головой, сдвигая красивые брови. — Теперь все точно на новую квартиру собираются переезжать...

Вздохнула и, глядя на свою ножку, обутую в дорогой ботинок, продолжала:

— Я не задержу вас, мне нужно всего пять минут. Я хочу, чтоб вы спасли меня.

Улыбаясь, я сказал:

— Если человек думает, что его можно спасти в пять минут, он, на мой взгляд, очень далек от гибели...

Но эта женщина, взглянув ясными глазами прямо в лицо мне, деловито выговорила:

— Видите ли, я была агентом охранного отделения... Ой, как вы... какие у вас глаза...

Я молчал, глупо улыбаясь, не веря ей, и старался одолеть какое-то темное судорожное желание. Я был уверен, что она принесла стих, рассказ.

— Это — гадко, да? — тихонько спросила она.

— Вы шутите.

— Нет, я не шучу. Это очень гадко?

Подавленный, я пробормотал:

— Вы уже сами оценили.

— Да, конечно, — я знаю, — сказала она, вздохнув, и села в кресло поудобнее. На лице ее явилась гримаса разочарования. Маленькие пальцы изящной руки медленно играли цепочкой медальона. Солнечный луч окрасил ее ухо в цвет коралла. Вся она была такая весенняя, праздничная. Торопливо, сбивчиво и небрежно, как будто рассказывая о шалости, она заговорила:

— Это случилось три года назад... немножно меньше. У меня был роман, я любила офицера, он, потом, сделался жандармским адъютантом, и вот тогда... я только что кончила институт и поступила на курсы. Дома у меня собирались разные серьезные люди, политики... я не люблю политики, не понимаю. Он меня выспрашивал. Ради любви — все можно, — вы согласны? Нужно все допустить, если любишь. Я очень любила его. А эти люди такие неприятные, все критикуют. Подруги по курсам тоже не нравились мне. Кроме одной.

Ее ребячий лепет все более убеждал меня, что она не понимает своей вины, что преступления для нее — только шалость, о которой неприятно вспоминать.

Я спросил:

— Вам платили?

— О, нет. Впрочем...

Она подумала несколько секунд, рассматривая кольцо на своей руке.

— Он дарил мне разные вещи — вот это кольцо и медальон, и еще... Может быть — это плата, да?

На ее глазах явились слезинки.

— Он — нечестный человек — я знаю. Послушайте, — тихонько вскричала она, — если мое имя опубликуют, — что же я стану делать? Вы должны спасти меня, я молода, я так люблю жизнь, людей, книги...

Я смотрел на эту женщину, и весеннее солнце казалось мне лишним для нее, для меня. Хмурый день, туман за окнами, слякоть и грязь на улицах, молчаливые, пришибленные люди — это было бы в большей гармонии с ее рассказом, чем весенний блеск неба и добрые голоса людей.

Что можно сказать такому человеку? Я не находил ничего, что дошло бы до сердца и ума женщины в светлой кофточке с глубоким вырезом на груди. Золотое кольцо с кровавым рубином туго обтягивает ее палец, она любуется игрой солнца в гранях камня и небрежно нанизывает слово за словом на капризную нить своих ощущений.

— Из-за любви часто совершается дурное, — звучит ее голосок, как бы повторяя пошлые реплики с экрана синематографа. Потом она наклоняется ко мне, ее глаза смотрят так странно.

— Я ничем не могу помочь вам.

— Да? — тихо спрашивает она.

— Я вполне уверен, что не могу.

— Но — может быть?

Она ласково говорит слова о доброте человека, о его чутком сердце, о том, что Христос и еще кто-то учили прощать грешных людей, — все удивительно неуместные и противные слова.

В разрезе кофточки я вижу ее груди и невольно закрываю глаза: подлец, развративший это существо, торгаш честными людьми, ласкал эти груди, испытывая такой же восторг, какой испытывает честный человек, лаская любимую женщину. Глупо, но хочется спросить кого-то — разве это справедливо?

— Посмотрите, какая я молодая, но последние дни я чувствую себя старухой. Всем весело, все радуются, а я не могу. За что же?

Ее вопрос звучит искренно. Она сжимается, упираясь

руками в колена, закусив губы, ее лицо бледнеет, и блеск глаз слинял. Она точно цветок, раздавленный чьей-то тяжелой подошвой.

— Вы многих предали?

— Я не считала, конечно. Но я рассказывала ему только о тех, которые особенно не нравились мне.

— Вам известно, как поступали с ними жандармы?

— Нет, это не интересовало меня. Конечно, я слышала, что некоторых сажали в тюрьму, высылали куда-то, но политика не занимала меня...

Она говорит об этом равнодушно, как о далеком неинтересном прошлом. Она — спокойна; ни одного истерического выкрика, ни вопля измученной совести, ничего, что говорило бы о страдании. Вероятно, после легкой ссоры со своим возлюбленным она чувствовала себя гораздо хуже, более взволнованной. Поговорив еще две-три минуты, она встает, милостиво кивнув мне головою, и легкой походкой женщины, любящей танцы, идет к двери, бросая на ходу:

— Как жестоки люди, если подумать.

Мне хочется сказать ей:

— Вы несколько опоздали подумать об этом.

Но я молчу, огромным напряжением воли скрывая тоскливое бешенство.

Остановясь в двери, красиво повернув шею, она говорит через плечо:

— Но что же будет с моими родными, близкими, когда мое имя опубликуют? Вы подумайте!

— Почему же вы сами не подумали об этом?

— Но кто же мог предполагать, что случится революция? — восклицает она. — Итак, у вас ничего нет для меня?

Я говорю негромко:

— Для вас — ничего.

Ушла.

Я знал Гуровича, Азефа, Серебрякову и еще множество предателей: из списков тех, опубликованных недавно, более десятка они были моими знакомыми, они звали меня «товарищ», я верил им, разумеется. Когда одно за другим вскрывались их имена, я чувствовал, как кто-то безжалостно-злой иронически плюет в сердце мне. Это — одна из самых гнусных насмешек над моей верой в человека.

Но самое страшное преступление — преступление ребенка.

Когда эта женщина ушла, я подумал с тупым спокойствием отчаяния:

— А не пора ли мне застрелиться?

Через два или три дня она снова явилась, одетая в черное, еще более элегантно. В траурном она взрослее, ее милое, свежее лицо — солиднее, строже. Она, видимо, любит цветные камни, ее кофточка заколота брошью из альмандинов, на шее, на золотой цепочке, висит крупный плавленый рубин.

— Я понимаю, что противна вам, — говорит она, — но мне не с кем посоветоваться, кроме вас. Я привыкла верить вам, мне казалось, что вы любите людей, даже грешных, но вы — такой сухой, черствый... странно!

— Да, странно, — повторяю я и смеюсь, думая о том, как бесстыдно жизнь насилует людей. И чувствую себя виноватым в чем-то пред этой женщиной. В чем? Не понимаю.

Она рассказывает, что есть человек, готовый обвенчаться с ней.

— Он — пожилой, пожалуй, даже старик, но — что же делать? Ведь, если я переменю фамилию, меня уже не будет.

И, улыбаясь почти весело, она повторяет:

— Меня не будет такой, какова я сейчас, да?

Хочется сказать:

— Сударыня. Даже если земля начнет разрушаться, пылью разлетаясь в пространстве, и все люди обезумеют от ужаса, я полагаю, что все-таки останетесь такой, какова есть. И если на землю чудом воли нашей снизойдут мир, любовь, неизведанное нами счастье, — я думаю, вы тоже останетесь сама собою.

Но говорить с нею — бесполезно, — она слишком крепко уверена в том, что красивой женщине все прощается.

Я говорю:

— Если вы думаете, что это поможет вам...

— Ах, я не знаю, что мне думать. Я просто — боюсь.

Она говорит капризно, все тем же тоном ребенка, который нашалил и хочет, чтоб о его шалости забыли.

Я молчу.

Тогда она говорит:

— Вы можете быть посаженым отцом на моей свадьбе? У меня нет отца, т. е. он разошелся с мамочкой. Я его не люблю, не вижу. Будьте, пожалуйста!

Я отрицательно качаю головой. Тогда она становится на колени и говорит:

— Но, послушайте же, послушайте.

В ее жестах есть нечто театральное, и она явно стремится напомнить о себе как о женщине, хочет, чтоб я почувствовал себя мужчиной. Красиво закинув голову, выгнув грудь, она, точно ядовитый цветок, ее красивенькая головка подобна пестику в черных лепестках кружев кофты.

— Хотите, я буду вашей любовницей, вашей девушкой для радостей? — спрашивает она почему-то на французском языке.

Я отхожу от нее. Гибко встав на ноги, она говорит:

— Ваши речи о любви, о сострадании — ложь. Все — ложь. Все! Вы так писали о женщинах... они у вас всегда правы — это тоже — ложь! Прощайте!

Потом, уходя, она говорит уверенно и зло:

— Вы погубили меня.

Исчезла, приклеив к душе моей черную тень. Может быть, это неуместные, красивенькие слова, но — она бросила меня в колючий терновник мучительных дум о ней, о себе. Я не умею сказать иначе того, что чувствую. К душе моей пристала тяжелая черная тень. Вероятно, это — глупые слова. Как все слова.

Разве не я отвечаю за всю ту мерзость жизни, которая кипит вокруг меня, не я отвечаю за эту жизнь, на рассвете подло испачканную грязью предательства?

На улице шумит освобожденная народная стихия, сквозь стекла окон доносится пчелиное жужжание сотен голосов. Город, как улей весной, когда проснулись пчелы, мне кажется, что я слышу свежий острый запах новых слов, чувствую, как всюду творится мед и воск новых мыслей.

Меня это радует, да.

Но я чувствую себя пригвожденным к какой-то гнилой стене, распятым на ней острыми мыслями о изнасилованном человеке, которому я не могу, не могу помочь, ничем, никогда...

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая жизнь» № 16,
6 (19) мая 1917 г.

Недавно один романист восплакал о том, что в русской революции нет романтизма, что она не создала Теруань де Мерикур, не выдвинула героев, ярких людей.

Положим, Теруань, вероятно, потому не явилась, что мы не осаждали Бастилию, но если бы мы делали это, — я думаю, что из 50-ти тысяч петроградских «девушек для радости», наверное, нашлись бы героини. Но, вообще говоря, героев у нас всегда было маловато, если не считать тех, которых мы сами неудачно выдумывали — Сусанина, купца Иголкина, солдата — спасителя Петра Великого, Кузьмы Крючкова и прочих героев физического действия, так сказать.

Полемизируя, можно, разумеется, забыть о героях духа, о людях, которые великим и упорным подвигом всей жизни вывели, наконец, Россию из заколдованного царства бесправия и насилия.

Но я думаю, что романтизм, все-таки, не иссяк и романтики живы, если именем романтика мы можем почтить — или обидеть? — человека, страстно влюбленного в свою идею, свою мечту.

На днях именно такой романтик, — крестьянин Пермской губернии, — прислал мне письмо, в котором меня очень тронули вот эти строки:

«Да, правда не каждому под силу, порой она бывает настолько тяжела, что страшно оставаться с ней с глазу на глаз. Разве не страшно становится, когда видишь, как великое, святое знамя социализма захватывают грязные руки, карманные интересы?.. Крестьянство, жадное до собственности, получит землю и отвернется, изорвав на онучи знамя Желябова, Брешковской.

Партийный работник, студент с.-д., откровенно заявляет, что он теперь не может работать в партии, так как на службе получает 350 р., а партия не заплатит ему и 250. Сто рублей он, пожалуй, уступил бы ради «прежнего» идеализма...

Солдаты охотно становятся под знамя «мир всего мира», но они тянутся к миру не во имя идеи интернациональной демократии, а во имя своих шкурных интересов: сохранения жизни, ожидаемого личного благополучия.

Я отлично помню свое настроение, когда я семнадцатилетним юношей шел за сохой под жарким солнцем; если я видел идущего мимо писаря, священника, учителя, то непременно ставил себе вопрос: «Почему я работаю, а эти люди блаженствуют?» Ибо я признавал за труд только физический труд, и все мои стремления были направлены к освобождению себя от этого труда. Это же самое теперь я вижу у многих, охотно примыкающих к социалистическим партиям. Когда я вижу этих «социалистов», мне хо-

чется заплакать, ибо я хочу быть социалистом не на словах, а на деле.

Нужны вожди, которые не боятся говорить правду в глаза. И если бы социалистическая пресса обличала не только буржуазию, но и ведомых ею, она от этого выиграла бы в дальнейшем. Надо быть суровым и беспощадным не только с противником, но и с друзьями. В Библии сказано: обличай премудра, и возлюбит тя».

Вот голос несомненного романтика, голос человека, который чувствует организующую силу правды и любит ее очищающий душу огонь.

Я почтительно кланяюсь этому человеку. Людям его типа трудно живется, но их жизнь оставляет прекрасный след.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 18,
9 (22) мая 1917 г.

Да, мы переживаем тревожное, опасное время, — об этом с мрачной убедительностью говорят погромы в Самаре, Минске, Юрьеве, дикие выходки солдат на станциях железных дорог и целый ряд других фактов распущенности, обалдения, хамства.

Конечно, не следует забывать, что крики «отечество в опасности» могут быть вызваны не только чувством искренной тревоги, но внушениями партийной тактики.

Однако было бы ошибочно думать, что анархию создает политическая свобода, нет, на мой взгляд, свобода только превратила внутреннюю болезнь — болезнь духа — в накожную. Анархия привита нам монархическим строем, это от него унаследовали мы заразу.

И не надо забывать, что погромы в Юрьеве, Минске, Самаре, при всем их безобразии, не сопровождались убийствами, тогда как погромы царских времен, вплоть до «немецкого» погрома в Москве, были зверски кровавыми. Вспомните Кишинев, Одессу, Киев, Белосток, Баку, Тифлис и бесчисленное количество отвратительных убийств в десятках мелких городов.

Я никого не утешаю, а всего менее — самого себя, но я все-таки не могу не обратить внимания читателя на то, что хоть в малой степени смягчает подлые и грязные преступления людей.

Не забудем также, что те люди, которые всех громче кричат «отечество в опасности», имели все основания крикнуть эти тревожные слова еще три года тому назад — в июле 914 г.

По соображениям партийной и классовой эгоистической тактики они этого не сделали, и на протяжении трех лет русский народ был свидетелем гнуснейшей анархии, развиваемой сверху.

Нисходя еще глубже в прошлое, мы встречаем у руля русской государственности и Столыпина, несомненного анархиста, — его поддерживали аплодисментами как раз те самые благомыслящие республиканцы, которые ныне громко вопят об анархии и необходимости борьбы с нею.

Конечно, «кто ничего не делает — не ошибается», но у нас ужасно много людей, которые что ни сделают — ошибаются.

Да, да, — с анархией всегда надобно бороться, но иногда надо уметь побеждать и свой собственный страх перед народом.

Отечество чувствовало бы себя в меньшей опасности, если бы в отечестве было бы больше культуры.

К сожалению, по вопросу о необходимости культуры и о типе ее, потребном для нас, мы, кажется, все еще не договорились до определенных решений, — по крайней мере в начале войны, когда московские философы остроумно и вполне искренно сравнивали Канта с Круппом, — эти решения были неясны для нас.

Можно думать, что проповедь «самобытной» культуры именно потому возникает у нас обязательно в эпохи наиболее крутой реакции, что мы — люди издревле приученные думать и действовать «по линии наименьшего сопротивления».

Как бы там ни было, но всего меньше мы заботились именно о развитии культуры европейской — опытной науки, свободного искусства, технически мощной промышленности. И вполне естественно, что нашей народной массе не понятно значение этих трех оснований культуры.

Одной из первых задач момента должно бы явиться возбуждение в народе — рядом с возбужденными в нем эмоциями политическими — эмоций этических и эстетических. Наши художники должны бы немедля вторгнуться всей силой своих талантов в хаос настроений улицы, и я уверен, что победоносное вторжение красоты в душу несколько ошалевшего россиянина умиротворило бы его тревоги, усмирило буйство некоторых не очень похвальных

чувств, — вроде, например, жадности, — и вообще помогло бы ему сделаться человечнее.

Но — ему дали множество — извините! — плохих газет по весьма дорогой цене и — больше ничего, пока.

Науки — и гуманитарные, и положительные — могли бы сыграть великую роль в деле облагорожения инстинктов, но участие людей науки в жизни данного момента заметно еще менее, чем прежде.

Я не знаю в популярной литературе ни одной толково и убедительно написанной книжки, которая рассказала бы, как велика положительная роль промышленности в процессе развития культуры. А такая книжка для русского народа давно необходима.

Можно и еще много сказать на тему о необходимости немедленной и упорной культурной работы в нашей стране.

Мне кажется, что возглас «Отечество в опасности!» не так страшен, как возглас:

— «Граждане! Культура в опасности!»

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 21,
12 (25) мая 1917 г.

На днях я получил письмо такого содержания:

«Вчера я прочитал ваш «Кошмар», и душа моя — душа человека, тоже служившего в охране, плачет от сознания безнадежности моего положения, которое этот рассказ пробудил во мне. Я не стану рассказывать вам, как попал в эту яму: это не интересно. Скажу лишь, что голод и совет человека близкого мне тогда, состоявшего под судом и думавшего, что я смогу облегчить его участь, толкнули меня на этот ужасный шаг.

Скажу, что презирал себя все время, служа там, презираю и сейчас. Но, — знаете, что больно? То, что даже чуткий человек, как вы, не понял, очевидно, что надо было, наверное, каждому из нас, охранников, сжечь многое в душе своей. Что страдали мы не в то время, когда служили, а — раньше, тогда, когда не было уже выхода. Что общество, которое сейчас бросает в нас грязью, не поддержало нас, не протянуло нам руку помощи и тогда. Ведь, не все так сильны, что могут отдавать все, не получая взамен ничего! Если бы еще не было веры в социализм, в партию, — а то, знаете, в своей подлой голове я так рассуждал:

слишком мал тот вред, который я могу причинить движению, слишком я верю в идею, чтобы не суметь работать так, что пользы будет больше, чем вреда. Я не оправдываюсь, но мне хотелось бы, чтобы психология, даже такого жалкого существа, как провокатор, все же была уяснена вами. Ведь нас — много! — все лучшие партийные работники. Это не единоличное уродливое явление, а, очевидно, какая-то более глубокая общая причина загнала нас в этот тупик. Я прошу вас: преодолейте отвращение, подойдите ближе к душе предателя и скажите нам всем: какие именно мотивы руководили нами, когда мы, веря всей душой в партию, в социализм, во все святое и чистое, могли «честно» служить в охранке и, презирая себя, все же находили возможным жить?»

* * *

Тяжело жить на святой Руси!

Тяжело.

Грешат в ней — скверно, каются в грехах — того хуже. Изумительна логика подчеркнутых слов о вере в социализм. Мог ли бы человек, рассуждающий так странно и страшно, откусить ухо или палец любимой женщине на том основании, что он любит всю ее, все тело и душу, а палец, ухо — такие маленькие, сравнительно с ней, целой. Вероятно, — не мог бы. Но, — веруя в дело социализма, любя партию, он отрывает один за другим ее живые члены и думает — искренно? — что пользы делу от этого будет больше, чем вреда. Я повторяю вопрос: искренно думает он так? И боюсь, — что да, искренно, что это соображение явилось не после факта, а родилось в одну минуту с фактом предательства. Оригинальнейшая черта русского человека, — в каждый данный момент он искренен. Именно эта оригинальность и является, как я думаю, источником моральной сумятицы, среди которой мы привыкли жить. Вы посмотрите: ведь нигде не занимаются так много и упорно вопросами и спорами, заботами о личном «самосовершенствовании», как занимаются этим, очевидно бесплодным, делом у нас.

Мне всегда казалось, что именно этот род занятий создает особенно густую и удушливую атмосферу лицемерия, лжи, ханжества. Особенно тяжелой и подавляющей эта атмосфера была в кружках «толстовцев», людей, которые чрезвычайно яростно занимаются «самоугрызением».

Морали, как чувства органической брезгливости ко вся-

кому грязному и дурному, как инстинктивного тяготения к чистоте душевной и красивому поступку, — такой морали нет в нашем обиходе. Ее место издавна занято холодными, «от ума», рассуждениями о правилах поведения, и рассуждения эти, не говоря о их отвратительной схоластике, создают ледяную атмосферу какого-то бесконечного, нудного, бесстыдного взаимоосуждения, подсиживания друг друга, заглядывания в душу вам косым и зорким взглядом врага. И — скверного врага, он не заставляет напрягать все ваши силы, изощрять весь разум, всю волю для борьбы с ним.

Он — словесник. Единственно, чего он добивается, — доказать вам, что он умнее, честнее, искреннее и вообще — всячески лучше вас. Позвольте ему доказать это, — он обрадуется, на минуту, а затем опустеет, выдохнется, обмякнет, и станет ему скучно. Но ему не позволяют этого, к сожалению, а вступая с ним в спор, сами развращаются, растрачивая пафос на пустяки. И так словесник плодит словесников, так небогатые наши чувства размениваются на звенящую медь пустых слов.

Посмотрите, насколько ничтожно количество симпатии у каждого и вокруг каждого из нас, как слабо развито чувство дружбы, как горячи наши слова и чудовищно холодно отношение к человеку. Мы относимся к нему пламенно только тогда, когда он, нарушив установленные нами правила поведения, дает нам сладостную возможность судить его «судом неправедным». Крестьянские дети зимою, по вечерам, когда скучно, а спать еще не хочется, ловят тараканов и отрывают им ножки, одну за другой. Эта милая забава весьма напоминает смысл нашего отношения к ближнему, характер наших суждений о нем.

Автор письма, товарищ-провокатор, говорит о таинственной «общей причине», загоняющей многих и загнавшей его «в тупик».

Я думаю, что такая «общая причина» существует и что это очень сложная причина. Вероятно, одной из ее составных частей служит и тот факт, что мы относимся друг к другу совершенно безразлично, это при условии, если мы настроены хорошо... Мы не умеем любить, не уважаем друг друга, у нас не развито внимание к человеку, о нас давно уже и совершенно правильно сказано, что мы:

«К добру и злу постыдно равнодушны».

Товарищ-провокатор очень искренно написал письмо, но я думаю, что причина его несчастья — именно вот это равнодушие к добру и злу.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 26,
18 (31) мая 1917 г.

— Анархия, анархия! — кричат «здравомыслящие» люди, усиливая и распространяя панику в те дни, когда всем мало-мальски трудоспособным людям необходимо взяться за черную, будничную работу строительства новой жизни, когда для каждого обязательно встать на защиту великих ценностей старой культуры.

«Анархия!» И снова, как после 5-го года, на русскую демократию, на весь русский народ изливаются потоки чернильного гнева, трусливой злости, бьют гейзера грязных обвинений.

Неловко и не хочется говорить о себе, но — когда, года полтора тому назад, я напечатал «Две души», статью, в которой говорил, что русский народ органически склонен к анархизму; что он пассивен, но — жесток, когда в его руки попадает власть; что прославленная доброта его души — Карамазовский сентиментализм, что он ужасающе невосприимчив к внушениям гуманизма и культуры, — за эти мысли, — не новые, не мои, а только резко выраженные мною, — за эти мысли меня обвинили во всех прегрешениях против народа.

Даже недавно, совсем на днях, кто-то в «Речи» — газете прежде всего грамотной, — заявил, что мое «пораженчество» как нельзя лучше объясняется моим отношением к народу.

Кстати, — в «пораженчестве» я совершенно неповинен и никогда никому не сочувствовал. Порицать кулачную расправу, дуэль, войну как мерзости, позорнейшие для всех людей, как действия, неспособные разрешить спор и углубляющие вражду, — порицать все это еще не значит быть «пораженцем» и «непротивленцем». Особенно это не свойственно мне, человеку, который проповедует активное отношение к жизни. Может быть, я — в некоторых случаях — не стану защищать себя, но на защиту любимого мною у меня хватит сил.

И сейчас я вспомнил об отношении к мыслям, изложенным мною в статье «Две души», вовсе не в целях самозащиты, самооправдания. Я понимаю, что в этой словесной драке, которую мы для приличия именуем «полемикой», — драчунам нет дела до правды, они взаимно ищут друг у друга словесных ошибок, обмолвок, слабых мест и бьют друг друга не столько для доказательства истинности веро-

ваний своих, сколько для публичной демонстрации своей ловкости.

Нет, я вспомнил о «Двух душах» для того, чтоб спросить бумажных врагов моих: когда они были более искренни, — когда ругали меня за мое нелестное мнение о русском народе или теперь, когда они ругают русский народ моими же словами?

Я никогда не был демагогом и не буду таковым. Порицая наш народ за его склонность к анархизму, нелюбовь к труду, за всяческую его дикость и невежество, я помню: иным он не мог быть. Условия, среди которых он жил, не могли воспитать в нем ни уважения к личности, ни сознания прав гражданина, ни чувства справедливости, — это были условия полного бесправия, угнетения человека, бесстыднейшей лжи и зверской жестокости. И надо удивляться, что при всех этих условиях народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств и некоторое количество здорового разума.

Вы жалуетесь: народ разрушает промышленность!

А кто же и когда внушал ему, что промышленность есть основа культуры, фундамент социального и государственного благополучия?

В его глазах промышленность — хитрый механизм, ловко приспособленный для того, чтоб сдирать с потребителя семь шкур. Он не прав?

Но ведь три, пять месяцев тому назад вы же сами изо дня в день, во всех газетах и журналах разоблачали пред ним бесстыдный и фантастический рост доходов русской промышленности, и — взгляд народа, это ваш взгляд.

Разумеется, вы должны были «разоблачать», — таков долг каждого глашатая истины, мужественного защитника справедливости. Но — полемика обязывает к односторонности, поэтому, говоря о грабеже, забывали о культурной, о творческой роли промышленности, о ее государственном значении.

Источник наживы для одних, промышленность для других только источник физического и духовного угнетения, — вот взгляд, принятый у нас без оговорок огромным большинством даже и грамотных людей. Этот взгляд сложился давно и крепко, — вспомните, как была принята в России книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия» и какую бурю поднял «Иоанн Креститель всех наших возрождений» П. Б. Струве «Критическими заметками».

Кричать об анархии также бесполезно, как бесполезно и постыдно кричать «пожар!», видя, что огонь истребляет

дом, но не принимая никакого, — кроме словесного, — участия в борьбе с огнем.

Полемика — премилое занятие для любителей схоластических упражнений в словесности и для тех людей, которые долгом своим почитают всегда и во всем доказывать свою правоту, точность мысли своей и прочие превосходные качества, коих эти люди являются бесспорными обладателями.

Но — будет значительно полезнее, если мы — предоставив суд над нами истории — немедля же начнем культурную работу, в самом широком смысле слова, если мы отдадим таланты, умы и сердца наши российскому народу для воодушевления его к разумному творчеству новых форм жизни.

СВОБОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ НАУК

«Новая Жизнь» № 35,
30 мая (12 июня) 1917 г.

Граждане!

В Петрограде организовалась «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук».

В состав Ассоциации вошли заслуженные и талантливые представители русской науки. Эти почтенные люди предлагают устроить в России «Научный институт в память 27 февраля», — в память дня рождения нашей политической свободы.

Цель института — расширение и углубление работы ученых по всем линиям интересов человека, общества — народа, человечества.

Первейший из этих интересов — борьба за жизнь против тех болезнетворных начал, которые разрушают наше здоровье.

Явление жизни изучает биология, бактериология исследует источники заразных болезней, медицина стремится уничтожить их, гигиена изучает и указывает те условия, при которых человек становится более стойким в сопротивлении болезням.

Биолог, медик, гигиенист должны знать химию, пользоваться услугами физики, точно так же как должен знать эти науки ботаник, изучающий жизнь растений, и агроном, который, опираясь на работу ботаника и геолога-почво-

веда, заботится о том, чтобы усилить плодородие земли, увеличить ее урожайность.

Все науки тесно связаны одна с другой, и все они — стремление человеческого разума и воли к победе над горем, несчастьем, страданиями нашей жизни.

Граждане!

Наше крестьянство живет в ужасных условиях, не имея правильно организованной медицинской помощи. Половина всех крестьянских детей умирает от разных болезней до пятилетнего возраста. Почти все женщины в деревне страдают специальными женскими болезнями. Деревня гниет в сифилисе, деревня погрязла в нищете, невежестве и одичании. Русский крестьянин не имеет сил обрабатывать землю так, чтобы она давала ему все возможное количество продуктов. Десять лет тому назад наука указала, что с площади в 3/4 десятины наш крестьянин снимает хлеба и картофеля 20 пуд., тогда как в Японии эта площадь дает 82 пуд., в Англии — 84, в Бельгии — 88. За десять лет эти цифры не изменились к лучшему для нас.

Сельскохозяйственная техника совершенно не развита в России, безграмотность крестьянства, его культурная беспомощность — это главная причина нашей государственной отсталости и одно из печальных условий, которым объясняется наша внешняя политика, вредная для интересов промышленности, замедляющая ее правильное развитие.

Городское население находится в условиях немногим лучших, чем условия деревни. В городах нет канализации, в фабричных трубах — дымогаров, земля в городах отравлена заразой гниющих отбросов, воздух — дымом и пылью.

Все это, преждевременно истощая наши силы, убивает нас. Дети города нездоровы, худосочны и до болезненности нервно возбуждены.

В этом скрыта причина хулиганства, здесь источник преступности и духовного нездоровья.

Вспомните, как долго мы отравлялись водкой, — пьянство не проходит бесследно: ослабляя организм, оно делает его восприимчивым ко всем телесным и душевным заболеваниям.

В целях оздоровления нашего необходим «Институт Биологии» с подсобными ему учреждениями для бактериологических, медицинских, гигиенических и других исследований.

* * *

Наша страна велика, обильна естественными богатствами, но мы живем грязно и несчастно, как нищие. Наши силы истощает, забивая нас, каторжный и бестолковый труд: мы работаем бестолково и плохо, потому что мы невежественны. Мы относимся к труду так, точно он проклятие нашей жизни, потому что не понимаем великого смысла труда, не можем любить его. Облегчить условия труда, уменьшить его количество, сделать труд легким и приятным возможно только при помощи науки, единственной силы, способной уменьшить трату физической энергии человека путем подчинения его воле, его интересам стихийных энергий природы — падения воды и т. д. Мы не умеем разбудить дремлющие силы природы в виде торфяных болот, залежей горючего сланца, дешевого угля. Эти силы, разбуженные нами, дали бы нам массу движущей силы, тепла, света и послужили бы проводниками культуры по всей нашей темной, сонной стране.

Только в любви к труду мы достигнем великой цели жизни — слияния всех народов мира в единую дружную семью на почве стремлений, направленных к порабощению сил природы разуму и воле человека.

Велика и обильна Россия, но ее промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы, в земле и на земле нашей, — мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно-культурные страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбыть всякий товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых, так же как негров, не считается зазорным.

Технически развитая промышленность — основа социального и государственного благополучия.

Это особенно важно помнить теперь, когда наша слабая промышленность, разрушенная войною, продолжает разрушаться стихийными силами революции, трагическим невежеством народных масс и эгоизмом самих предпринимателей, часто людей, совершенно лишенных сознания своей ответственности перед страной.

На почве нищеты и невежества никогда не осуществятся наши прекрасные мечты, на этой гнилой почве не при-

вьется новая культура, на гнилом болоте не разведешь райский сад — нужно осушить, оздоровить болото.

Полное осуществление идеалов социалистической культуры возможно только при наличии всесторонне технически развитой и строго организованной промышленности.

Для того, чтобы промышленность достигла должного и необходимого развития, требуется техника, технику же может создать только наука. Мы не умеем строить машин: нам необходимо иметь в России «Институт прикладной механики», где наши ученые изобретали бы новые типы наиболее работоспособных ткацких станков, двигателей сельскохозяйственных орудий и т. д.

Мы не умеем обрабатывать сырые продукты — нужно учредить «Институт Химии», в котором ученые изыскивали бы лучшие и дешевые способы обработки сырья.

Нам нужно еще многое — все это мы должны создать, если только мы не мертвые люди, если мы хотим жить здоровой, разумной жизнью.

* * *

Наука — наиболее точное и настойчивое выражение стремления человеческого разума к свободе творчества, к счастью всего мира, всех людей.

Чем шире, глубже задачи науки — тем обильнее практические плоды ее исследования.

Нам, русским, особенно необходимо организовать наш высший разум — науку, только ее творческая сила обогатит нашу страну, упорядочит нашу грязную, злую, постыдную жизнь.

Облагораживающее человека значение науки должны понять все классы общества.

Борьба между людьми за хлеб и за власть друг над другом — явление позорное и ненормальное, хотя оно и естественно, как естественны болезни нашего тела. Люди должны дружно бороться с природой, дабы отвоевать на пользу себе ее богатства, подчинить своим интересам ее силы.

В то время как общественные науки — история, право, политическая экономия — не свободны от влияния времени, страны, класса и легко подчиняются тем или иным внушениям политической жизни — науки положительные неподкупно и нераздельно служат интересам всего человечества.

Химик, биолог может принимать живейшее участие

в политической борьбе за свои общественные идеи, но химия, биология, механика не может быть ни либеральной, ни консервативной. Наука социальна в самом широком смысле этого слова, наука воистину интернациональна, всечеловечна.

* * *

Глубоко веря в разум русского народа, в искренность его стремления к благу культуры, я обращаюсь к рабочим, крестьянам, промышленникам, интеллигенции, — ко всем русским людям, предлагая им помочь великому делу организации научных сил страны, организации научного творчества.

Для того, чтобы это важное всенародное дело увенчалось успехом, потребны огромные средства, и они будут, их легко создать, если все люди, способные усвоить величие цели, которую ставит пред собой Свободная Ассоциация ученых, все грамотные люди дадут на это дело хотя бы по рублю.

Этот призыв — проверка степени русской культурности, это экзамен нашей гражданской зрелости, испытание искренности нашего стремления ко благу родины.

Граждане!

Пред вами — возможность совершить величайшее всенародное дело, совершив его, вы организуете лучший мозг страны, вы приставите на ее широкие плечи разумную, талантливую голову. Немного усилий требуется от вас, но немногими усилиями вы совершите небывалое — создадите научное учреждение, какого нет еще нигде на земле.

Граждане!

Есть чувство, именуемое — любовь к родине. Это чувство повелительно требует от каждого человека работы в тех целях, чтобы родной ему народ стал разумным, добрым, здоровым и справедливым народом, чтобы его талантливость не погибла, а развивалась и горела на благо всего мира, всех людей.

Все, кто искренно любит народ, кто мучительно страдает за него, — поймут, как велико значение организации научных сил страны, как величественны цели, которые ставит перед собой Свободная Ассоциация наших ученых.

Нам необходимо немедля приступить к созданию новой

России, — начнем же эту работу дружно и спокойно, начнем ее с фундамента, будем развивать и распространять спасительную силу знания.

За работу, граждане.

Член Совета Свободной Ассоциации
М. ГОРЬКИЙ

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь № 36,
31 мая (13 июня) 1917 г.

Весьма вероятно, что мои мысли «наивны», я уже говорил, что считаю себя плохим публицистом, но все-таки с упрямством, достойным, быть может, лучшего применения, «я буду продолжать свою линию», не смущаясь тем, что «глас» мой останется «гласом вопиющего в пустыне», увы! — не безлюдной.

С книжного рынка почти совершенно исчезла хорошая, честная книга, — лучшее орудие культуры. Почему исчезла, — об этом в другой раз. Нет толковой, объективно-поучающей книги, и расплодилось множество газет, которые изо дня в день поучают людей вражде и ненависти друг ко другу, клевещут, возятся в пошлейшей грязи, ревут и скрежещут зубами, якобы работая над решением вопроса о том — кто виноват в разрухе России?

Разумеется, каждый из спорщиков искреннейше убежден, что виноваты все его противники, а прав только он, им поймана, в его руках трепещет та чудесная птица, которую зовут истиной.

Сцепившись друг с другом, газеты катаются по улицам клубком ядовитых змей, отравляя и пугая обывателя злобным шипением своим, обучая его «свободе слова» — точнее говоря, свободе искажения правды, свободе клеветы.

«Свободное слово» постепенно становится неприличным словом. Конечно, — «в борьбе каждый имеет право бить чем попало и куда попало»; конечно, — «политика — дело бесстыдное» и «наилучший политик — наиболее бессовестный человек», — но, признавая гнусную правду этой зулусской морали, — какую, все-таки, чувствуешь тоску, как мучительна тревога за молодую Русь, только что причастившуюся даров свободы!

Какая отрава течет и брызжет со страниц той скверной бумаги, на которой печатают газеты!

Долго молился русский человек Богу своему: «Отверзи

уста моя!» Отверзлись уста и безудержно изрыгают глаголы ненависти, лжи, лицемерия, глаголы зависти и жадности. Хоть бы страсть кипела в этом, страсть и любовь, но — не чувствуется ни любви, ни страсти. Чувствуется только одно — упорное и — надо сказать — успешное стремление цензовых классов изолировать демократию, свалить на ее голову все ошибки прошлого, все грехи, поставить ее в условия, которые неизбежно заставили бы демократию еще более увеличить ошибки и грехи.

Это ловко задумано и неплохо выполняется. Уже вполне ясно, что когда пишут «большевик», то подразумевают — демократ, и не менее ясно то, если сегодня травят большевиков за их теоретический максимализм, завтра будут травить меньшевиков, потому что они социалисты, а послезавтра начнут грызть «Единство»[5] за то, что оно все-таки недостаточно «лояльно» относится к священным интересам «здравомыслящих людей». Демократия не является святыней неприкосновенной, — право критики, право порицания должно быть распространяемо и на нее, это — вне спора. Но, хотя критика и клевета начинаются с одной буквы, — между этими двумя понятиями есть существенное различие, — как странно, что это различие для многих грамотных людей совершенно неуловимо! О, конечно, некоторые вожди демократии «бухают в колокол, не посмотрев в святцы», — но не забудем, что вожди цензовых классов отвечают на эти ошибки пагубной для страны «итальянской» забастовкой бездействия и запугиванием обывателя, запугиванием, которое уже дает такие результаты, как, напр., следующее «Письмо к Врем. Правительству», полученное мною:

«Революция погубила Россию, потому что всем волю дали; у нас везде анархия. Радуются евреи, которые получили равноправие; они погубили и погубят русский народ. Надо для спасения страны самодержавие».

Не первое письмо такого тона получаю я, и надо ожидать, что количество людей, обезумевших со страха, будет расти все быстрей, — пресса усердно заботится об этом.

Но именно теперь, в эти трагически запутанные дни, ей следовало бы помнить о том, как слабо развито в русском народе чувство личной ответственности и как привыкли мы карать за свои грехи наших соседей.

Свободное слово! Казалось, что именно оно-то и послужит развитию у нас, на Руси, чувства уважения к личности ближнего, к его человеческим правам. Но, переживая эпидемию политического импрессионизма, подчиняясь

впечатлениям «злобы дня», мы употребляем «свободное слово» только в бешеном споре на тему о том, кто виноват в разрухе России. А тут и спора нет, ибо — все виноваты.

И все — более или менее лицемерно — обвиняют друг друга, и никто ничего не делает, чтоб противопоставить буре эмоции силу разума, силу доброй воли.

АМЕРИКАНСКИЕ МИЛЛИОНЫ

«Новая Жизнь» № 43,
8 (21) июня 1917 г.

На страницах «Нового Времени» печатается объявление о том, что анонимное американское общество ассигновало 20 миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота и серебра, а также картин, бронзы, фарфора и вообще предметов искусства.

20 миллионов долларов — это, кажется, более 75-ти миллионов рублей; как видите, дело поставлено «по-американски» широко. Организаторы этого начинания, видимо, учли смысл таких явлений, как разгром ворами дворца герцога Лейхтенбергского, возможность погромов крестьянством старинных дворянских усадеб и все прочее в этом духе.

Учли они также и общую некультурность всех слоев населения страны, общую всем нам низкую оценку значения искусства, и дешевизну русских денег, и всю силу тех трагических условий, в которых мы живем.

Лавина американских денег, несомненно, вызовет великие соблазны не только у темных людей Александровского рынка, но и у людей более грамотных, более культурных. Не будет ничего удивительного в том, если разные авантюристы сорганизуют шайки воров специально для разгрома частных и государственных коллекций художественных предметов.

Еще менее можно будет удивляться и негодовать, если напуганные «паникой», усиленно развиваемой ловкими политиками из соображений «тактических», обладатели художественных коллекций начнут сами сбывать в Америку национальные сокровища России, прекрасные цветы ее художественного творчества.

При всей силе наших криков о любви к родине, эта любовь редко возвышается над себялюбием, над очень подленьким эгоизмом.

Американское предприятие, — его, конечно, поведут с

американской энергией, — это предприятие грозит нашей стране великим опустошением, оно выкосит из России массу прекрасных вещей, историческая и художественная ценность которых выше всяких миллионов.

Оно вызовет к жизни темный инстинкт жадности, и возможно, что мы будем свидетелями историй, пред которыми потускнеет фантастическая история похищения из Лувра бессмертной картины Леонардо да Винчи.[6]

Мне кажется, что во избежание разврата, который обязательно будет внесен в русскую жизнь потоком долларов, во избежание расхищения национальных сокровищ страны и панической распродажи их собственниками, правительство должно немедля опубликовать акт о временном запрещении вывоза из России предметов искусства и о запрещении распродажи частных коллекций прежде, чем лица, уполномоченные правительством, не оценят национального значения подобных коллекций.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 44,
9 (22) июня 1917 г.

«Довлеет дневи злоба его», — это естественно, это законно; однако у текущего дня две злобы: борьба партий за власть и культурное строительство. Я знаю, что политическая борьба — необходимое дело, но принимаю это дело, как неизбежное зло. Ибо не могу не видеть, что в условиях данного момента и при наличии некоторых особенностей русской психики, — политическая борьба делает строительство культуры почти совершенно невозможным.

Задача культуры — развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности, — выполнима ли эта задача во дни всеобщего озверения?

Подумайте, что творится вокруг нас: каждая газета, имея свой район влияния, ежедневно вводит в души читателей самые позорные чувства — злость, ложь, лицемерие, цинизм и все прочее этого порядка.

У одних возбуждают страх пред человеком и ненависть к нему, у других — презрение и месть, утомляя третьих однообразием клеветы, заражая их равнодушием отчаяния. Эта деятельность людей, которые заболели воспалением темных инстинктов, не только не имеет ничего общего с проповедью культуры, но резко враждебна ее целям.

А, ведь, революция совершена в интересах культуры, и вызвал ее к жизни именно рост культурных сил, культурных запросов.

* * *

Русский человек, видя свой старый быт до основания потрясенным войною и революцией, орет на все голоса о культурной помощи ему, орет, обращаясь именно «в газету» и требуя от нее решений по самым разнообразным вопросам.

Вот, например, группа солдат «Кавказской армии» пишет:

«Учащаются случаи зверской расправы солдат с изменившими им женами. Хлопочите, пожалуйста, чтоб сознательные люди и социальная печать выступили на борьбу с эпидемическим явлением и разъяснили, что бабы не виноваты. Мы, пишущие, знаем, кто виноват, и женщин не обвиняем, потому что всякий человек обязан своей природе и хочет назначенного природой ему».

Вот еще сообщение на эту тему:

«Пишу в поезде, выслушав рассказ солдата, который со злобными слезами поведал, что он дезертир с фронта и убежал для устройства двух детишек, брошенных стервой женой. Клянется, что расправится с ней. Из-за женщин дезертиров сотни и тысячи. Как тут быть?

В Ростове-на-Дону солдаты водили по улицам голую распутницу с распущенными волосами, с выкриками о ее похабстве и били за ней по разбитому ведру. Организаторы безобразия — муж ее и ее же любовник, фельдфебель. Позвольте заметить, что страх перед позором не укротит инстинкта, а, между прочим, эти гадости лицезреют дети. Что же молчит пресса?»

А вот письмо, переносящее «женский вопрос» уже в другую плоскость:

«Прошу сообщить заказным письмом или подробно в газете, как надо понимать объявленное равноправие с нами для женщины и что она теперь будет делать.

Нижеподписанные крестьяне встревожены законом, от которого может усилиться беззаконие, а теперь деревня держится бабой. Семья отменяется из-за этого и пойдет разрушение хозяйства».

Далее: «Объявляю тебе, друг людей, что по деревням происходит чепуха, потому что солдаткам наделяют землю, что похуже и негодно, и они ревмя ревут. Воротятся с войны мужья их, так из этого будет драка, сделайте

одолжение. Надобно разъяснить мужикам, чтобы делали по правде».

И снова: «Пришлите книжку о правах женских».

Не все письма на эту тему использованы мною, но есть тема, еще более часто повторяемая в письмах, — это требование книг по разным вопросам.

Пишут об отношении к попам, спрашивают, «будут ли изменены переселенческие законы», просят рассказать «об американском государстве», о том, как надо лечить сифилис, и нет ли закона «о свозке увечных в одно место», присылают «прошения» о том, чтобы солдатам в окопы отправлять лук, — он «очень хорош против цынги».

Все эти «прошения», «сообщения» «запросы» не находят места на страницах газет, занятых желчной и злобной грызней. Руководители газет как будто забывают, что за кругом их влияния остаются десятки миллионов людей, у которых инстинкт борьбы за власть еще дремлет, но уже проснулось стремление к строительству новых форм быта.

И видя, каким целям служит «свободное слово», эти миллионы легко могут почувствовать пагубное презрение к нему, а это будет ошибка роковая и надолго непоправимая.

Нельзя ли уделять поменьше места языкоблудию и побольше живым интересам демократии? Не заинтересованы ли все мы в том, чтоб люди почувствовали объективную ценность культуры и обаятельную прелесть ее?

ПОМОГИТЕ!

«Новая Жизнь» № 50,
16 (29) июня 1917 г.

«Три года кровавого кошмара, истребившего цвет населения Европы; три года, как вся Европа в кровавом опьянении уничтожает своих наиболее здоровых, наиболее сильных сынов.

История выдвинула на первую очередь и требует немедленного разрешения вопроса о будущем страны. Полное обнищание, дикое озверение грозит нам, если не начать сейчас же работать во имя будущего. Если всем странам трудно будет оправиться от этой тяжелой, затяжной и опустошительной катастрофы, это будет особенно трудно России. Веками алкоголизированное царскими кабаками население, отравленная сифилисом деревня, 50 % детской смертности до 5-ти лет и чуть ли не поголовная

неграмотность и невежество. Если сейчас немедленно не приложить всех сил для спасения будущего России, ее детей — великая страна погибла, погиб великий народ.

Союз рабочих табачных и гильзовых фабрик сделал первую слабую попытку в области общественной заботы о детях — свыше 1000 детей отправлены на воздух, к природе, к солнцу. Но, несмотря на призывы к педагогам, к лиге социального воспитания, к интеллигенции, отклика нет и культурное руководство нашим рабочим начинанием никто не хочет брать.

Педагоги, фребелички, интеллигенция, отзовитесь, придите на помощь!

Промедление — смерти подобно.

Председатель союза А. КАПЛАН».

* * *

Неужели этот разумный и страстный призыв не встретит сочувственного отклика интеллигенции, неужели глубокая важность начинания, созданного энергией Каплана, не будет понята людьми, сердца которых не оглушены шумом политической борьбы?

Весь мир, мы все тоскуем о честном, здоровом человеке, мы любим его в мечтах наших, — разве это только литературная тоска, платоническая, бескровная любовь?

Казалось бы, что опыт «Союза рабочих табачных и гильзовых фабрик» должен привлечь деятельное внимание интеллигенции, ведь пред нею открывается прекрасная возможность продуктивной работы на почве социальной педагогики и возможность широко ознакомиться с культурными запросами и стремлениями рабочих. Я уверен, что это знакомство изменило бы строй чувств и мнений, сложившихся за последние месяцы среди интеллигенции, — поколебало бы тот скептицизм, те тяжелые сомнения, которые вызваны и возбуждаются газетной травлей, которую развивают высокоумные политики, руководствуясь только тактикой борьбы.

Но — это дело второй степени, а прежде всего мы все должны бы озаботиться тем, чтобы — по-моему, это возможно — извлечь детей из атмосферы города, развращающей их. Об этом много говорилось, но вот теперь, когда сами рабочие стали делать это, они не встречают помощи. Что же, — опять:

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 52,
18 июня (1 июля) 1917 г.

Равноправие евреев — одно из прекрасных достижений нашей революции. Признав еврея равноправным русскому, мы сняли с нашей совести позорное, кровавое и грязное пятно.

В этом поступке нет ничего, что давало бы нам право гордиться им. Уже только потому, что еврейство боролось за политическую свободу России гораздо более честно и энергично, чем делали это многие русские люди, потому, что евреи давали гораздо меньше ренегатов и провокаторов — мы не должны и не можем считаться «благодетелями евреев», как называют себя в письмах ко мне некоторые «добродушные» и «мягкосердечные» русские люди.

Кстати: изумительно бесстыдно лаются эти добродушные, мягкосердечные люди!

Освободив еврейство от «черты оседлости», из постыдного для нас «плена ограничений», мы дали нашей родине возможность использовать энергию людей, которые умеют работать лучше нас, а всем известно, что мы очень нуждаемся в людях, любящих труд.

Гордиться нам нечем, но — мы могли бы радоваться тому, что наконец догадались сделать дело хорошее и морально, и практически.

Однако радости по этому поводу — не чувствуется: вероятно, потому, что нам некогда радоваться — все мы страшно заняты «высокой политикой», смысл которой всего лучше изложен в песенке каких-то антропофагов:

Тигры любят мармелад,
Люди ближнего едят.
Ах, какая благодать
Кости ближнего глодать!

Радости — не чувствуется, но антисемитизм жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клевещет, брызжет ядовитой слюной ненависти.

В чем дело? А в том, видите ли, что среди анархически настроенных большевиков оказалось два еврея. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Самсонов разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России.

Это было бы очень смешно и глупо, если б не было подло.

Грозный еврейский Бог спасал целый город грешников за то, что среди них оказался один праведник; люди, верующие в кроткого Христа, полагают, что за грехи двух или семерых большевиков должен страдать весь еврейский народ.

Рассуждая так, следует признать, что за Ленина, чистокровного русского грешника, должны отвечать все уроженцы Симбирской губернии, а также и смежных с нею.

Евреев значительно больше среди меньшевиков, но мои корреспонденты, притворяясь людьми невежественными, утверждают, что все евреи — анархисты.

Это очень дрянное обобщение. Я убежден, я знаю, что в массе своей евреи — к изумлению моему — обнаруживают более разумной любви к России, чем многие русские.

Этого не замечают, хотя это очень резко бросается в глаза, если взять статьи евреев-журналистов.

В «Речи», газете, которую можно не любить, но тем не менее очень почтенной газете, работает немало евреев. «Новое Время», в числе сотрудников коего тоже есть евреи, еще не так давно называло «Речь» «еврейской газетой».

Сотрудники «Речи» совершенно лишены даже и тени симпатии к большевикам.

Есть еще тысячи доказательств в пользу того, что уравнение еврей = большевик — глупое уравнение, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженных россиян.

Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства — честным людям они не нужны, для бесчестных — не убедительны.

Идиотизм — болезнь, которую нельзя излечить внушением. Для больного этой неизлечимой болезнью ясно: так как среди евреев оказалось семь с половиной большевиков, значит — во всем виноват еврейский народ. А посему...

А посему честный и здоровый русский человек снова начинает чувствовать тревогу и мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости.

Надеюсь, что мои многочисленные корреспонденты удовлетворены этим ответом по «еврейскому вопросу».

И добавлю — для меня нет больше такого вопроса.

Я не верю в успех клеветнической пропаганды антисемитизма. И я верю в разум русского народа, в его совесть,

в искренность его стремления к свободе, исключающей всякое насилие над человеком. Верю, что «все минется, одна правда останется».

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 59,
27 июня (10 июля) 1917 г.

Некий почтенный гражданин пишет мне:

«Ужас охватывает душу, когда слышишь на уличных митингах, как солдаты, ревностно защищая крайние лозунги ленинцев, в то же время легко поддаются погромной агитации людей, которые нашептывают им о засилии евреев в «Совете Рабочих и Солдатских Депутатов». Однажды я спросил солдата: как совмещается в его уме «социальная революция» с враждебным отношением к национальностям? Он ответил:

— Мы народ необразованный, не наше солдатское дело разбираться в таких мудреных вопросах».

Другая корреспондентка сообщает:

«Когда я сказала кондуктору трамвая, что социалисты борются за равенство всех народов, он возразил:

— Плевать нам на социалистов, социализм — это господская выдумка, а мы рабочие — большевики».

У цирка «Модерн» группа солдат и рабочих ведет беседу с молоденьким нервным студентом.

— Если мы будем только спорить друг с другом вот так враждебно, как вы спорите, а учиться не станем, — кричит студент, надрываясь.

— Чему учиться? — сурово спрашивает солдат. — Чему ты меня можешь научить? Знаем мы вас, — студенты всегда бунтовали. Теперь — наше время, а вас пора долой всю буржуазию!

Часть публики смеется, но какой-то щеголь, похожий на парикмахера, горячо говорит:

— Это верно, товарищи! Довольно командовала нами интеллигенция, теперь, при свободе прав, мы и без нее обойдемся.

Великие и грозные опасности скрыты в этом возбужденном невежестве!

Не однажды приходилось мне на ночных митингах Петроградской стороны слышать и противопоставления большевизма социализму, и нападки на интеллигенцию, и

много других, столь же нелепых и вредных мнений. Это — в центре революции, где идеи заостряются до последней возможности, откуда они текут по всей темной, малограмотной стране.

Развивается ли в стране процесс единения разумных революционных сил, растет ли в ней энергия, необходимая строительству культуры?

Есть признаки, как будто подсказывающие отрицательный ответ.

Один из этих признаков — все более заметное уклонение интеллигенции от работы в массах и возникающие среди нее — то тут, то там — попытки создать самостоятельные, чисто интеллигентские организации.

Очевидно, что есть причины, которые отталкивают интеллигента от массы, и очень вероятно, что одной из этих причин является то скептическое, а часто и враждебное отношение темных людей к интеллигенту, которое изо дня в день внушается массе различными демагогами.

Этот раскол может быть очень полезен трудовой интеллигенции — она объединится в организацию весьма внушительную и способную совершить много культурной работы.

Но, отходя постепенно от массы, увлекаясь собственными интересами, задачами и настроениями, она еще более углубит и расширит разрыв между инстинктом и интеллектом, а этот разрыв — наше несчастье, в нем источник нашей неработоспособности, наших неудач в творчестве новых условий жизни.

Оставаясь без руководителей, в атмосфере буйной демагогии, масса еще более нелепо начнет искать различия между рабочими и социализмом и общности между «буржуазией» и трудовой интеллигенцией.

А среди последней раздаются призывы, диктуемые, несомненно, благими намерениями и порывами, но отводящие интеллектуальную энергию в сторону от интересов массы, от запросов текущего дня.

В «Известиях Юга», органе Харьковского и областного Комитетов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, некто Иван Станков пишет:

«Есть огромный важности задание всего социализма: это — поднятие уровня культуры, сознание личности, повышение личности и повышение всенародной интеллигентности. Есть лозунг: широко и сразу открыть двери Солнца, Красоты и Знания для всего народа, дабы не было неинтеллигентных, дабы наше деление на интеллигентных и

неинтеллигентных возможно скорее стало диким пережитком старого строя, старых школ и систем.

Пропаганда и ближайшее осуществление идеи «всенародной интеллигентности» и есть, по моему убеждению, одна из тех неразрывных, неотложных и важнейших задач социализма, которую честная объединенная интеллигенция, сознавая это как долг перед народом, обязана поставить исходным основанием своих домоганий и провести их в строительстве новом, наряду и совместно с общей платформой социалистических требований всех партий. Только интеллигентность, очищенная от язв буржуазного строя, станет солнечной народной правдой. Станет солнцем Разума и Красоты».

Слова хорошие. Еще лучше написано воззвание Исполнительного Комитета Харьковского Совета Депутатов Трудовой Интеллигенции.

«К вам, интеллигентные труженики Харьковской губернии, обращается настоящий призыв.

По злой иронии судьбы российская интеллигенция, усеявшая костьми своих мучеников крестный путь народного освобождения и на всем протяжении своей истории выполнявшая великую просветительную и организационную работу, оказалась в настоящий момент, когда организовано все, неорганизованной сама. Организуя других, интеллигенция, как класс, забыла или не успела организовать себя. При ее непосредственном участии организовались рабочие, солдаты и крестьянство, справа от нее усиленно организуется буржуазия, и лишь она одна, трудовая интеллигенция, богатая знанием, опытом и общественными навыками, остается необъединенной и рассыпанной в пыль.

Класс, лучше всех вооруженный для общественной работы и борьбы, класс активных традиций и светлых социальных идеалов вынужден плестись в самом хвосте событий, бессильный их направлять.

Не место выяснять причины, но несомненный факт, что класс интеллигентного труда, как класс в его целом, в настоящий момент не входит и не может войти ни в одну из существующих общественных группировок.

Отсюда необходимость его самостоятельного строительства.

Но все данные для такого строительства налицо. Великий экономический признак, признак наемного труда, признак возмездного отчуждения своей интеллигентской работы капиталу во всех его разновидностях — вот та

база, на которой зиждется класс трудовой интеллигенции в огромном его большинстве, вот та железная цепь, которая призвана сковать его в одно неразрывное целое. В этом смысле трудовая интеллигенция есть один из отрядов великого класса современного пролетариата, один из членов великой рабочей семьи.

Но определив трудовую интеллигенцию как отряд рабочего класса, мы тем самым определили и ее социальную сущность.

Класс трудовой интеллигенции, сознавший самого себя, может быть только социалистическим.

Великая российская революция не закончилась, она продолжается. Огромные общественные задачи — завершение войны, государственное устроение, решение земельной проблемы и организация народного хозяйства, переживающего тягчайший кризис, стоят перед страной во всем своем грозном величии и властно требуют разрешения.

Товарищи, интеллигентные работники г. Харькова и Харьковской губернии. По примеру сердца России, Москвы, где интеллигентный пролетариат организовался в мощный Совет депутатов трудовой интеллигенции, по образцу других демократических советов депутатов рабочих, крестьянских и солдатских, объединяйтесь в свой Харьковский Совет Депутатов Трудовой Интеллигенции.

Только в единении сила, только в солидарности мощь».

Стремление трудовой интеллигенции к созданию самостоятельных организаций возникает не только в Москве и Харькове. Может быть, это стремление необходимо и всячески оправдано, но не осталась бы народная масса без головы.

Но, все-таки, встает тревожный вопрос: что это — процесс единения сил или распада их?

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 61,
29 июня (12 июля) 1917 г.

На словах — все согласны, что российское государство трещит по всем швам и разваливается, как старая баржа в половодье.

Никто, как будто, не спорит против необходимости культурного строительства. И, вероятно, никто не станет возражать против того, что для всех нас обязательно крайне осторожное отношение к человеку, очень внимательное

к факту. Мы никогда еще не нуждались столь жестоко в точных и мужественно-правдивых оценках явлений жизни, возмущенной до последней глубины, — явлениях, которые грозят всем нам в стране нашей бесконечной китайской разрухой.

Но никогда еще наши оценки, умозаключения, прожекты не отличались столь печальной поспешностью, как в эти трагические дни.

Я, конечно, вполне согласен с ироническими словами Вл. Каренина, автора превосходнейшей книги о Жорж Санд:

«Политики, — консерваторы или либералы, — люди, убежденные в своем знании истины и в праве преследования других за заблуждения...», я прибавил бы только — в интересах справедливости — к либералам и консерваторам радикалов-революционеров и прозелитов социализма.

«Борьба за власть» — неизбежна, однако над чем же будут «властвовать» победители, когда вокруг них останутся только гнилушки и головни?

Увлечение политикой как бы совершенно исключает здравый интерес к делу культуры, — едва ли это полезно для больной страны и ее жителей, в головах большинства которых «чорт палкой помешал». Я позволю себе указать на такой факт: «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» вызывает в демократических массах чрезвычайно внимательное отношение к ее задачам.

Вот, напр., «обозные солдаты» Нижегородского Драгун. полка, посылая свою лепту в фонд «Научного Института», пишут, что «Ассоциация — великое национальное дело». Союз служащих Полтавы называет Институт «всенародным делом» и т. д. Можно привести десятки отзывов солдат, рабочих, крестьян, и все эти отзывы свидетельствуют о жажде просвещения, о глубоком понимании немедленности культурного строительства.

Иначе относится к этому делу столичная пресса: когда «Ассоциация» послала воззвания о целях и нуждах своих в главнейшие газеты Петрограда, — ни одна из этих газет, кроме «Новой Жизни», не напечатала воззвания. Организуется «Дом-Музей памяти борцов за свободу», нечто подобное институту социальных наук и гражданского воспитания, — только одна «Речь» посвятила этому делу несколько сочувственных строк.

Устраивается «Лига социального воспитания», в задачи ее входит и забота о дошкольном воспитании детей ули-

цы, — и это лучший способ борьбы с хулиганством, это даст возможность посеять в душе ребенка зерна гражданственности.

«Свободное слово» столичной прессы молчит по этому поводу. Молчит оно и о «Внепартийном Союзе молодежи», объединяющем уже тысячи подростков и юношей, в возрасте от 13 до 20 лет. В провинции развивается культурное строительство, — не преувеличивая, можно сказать, что в десятках сел и уездных городов организуются «Народные дома», наблюдается живейшее стремление к науке, знанию.

Столичная печать молчит об этом спасительном явлении, она занимается тем, что с какой-то странной, бесстрастной яростью пугает обывателя анархией — и тем усиливает ее.

Газеты Петрограда вызывают впечатление бестолкового «страшного суда», в котором все участвующие — судьи и, в то же время, все они — беспощадно обвиняемые.

Если верить влиятельным газетам нашим, то необходимо признать, что на «Святой Руси» совершенно нет честных и умных людей. Если согласиться с показаниями журналистов, то революция величайшее несчастье наше, она и развратила всех нас, и свела с ума. Это было бы страшно, если б не было глупо, не вызывалось «запальчивостью и раздражением». Говорят: на улице установилось отвратительное грубое отношение к человеку. Нет, это не верно!

На ночных митингах улицы пламенно обсуждаются самые острые вопросы момента, но почти не слышно личных оскорблений, резких слов, ругательств.

В газетах — хуже.

«Подлецы», — пишет Биржевка по адресу каких-то людей, не согласных с нею. Слова — вор, мошенник, дурак — стали вполне цензурными словами; слово «предатель» раздается столь же часто, как в трактирах старого времени раздавался возглас «человек!».

Эта разнузданность, это языкоблудие внушает грустное и тревожное сомнение в искренности газетных воплей о гибели культуры, о необходимости спасать ее. Это крики не сердца, а возгласы тактики. Но, между тем, культура действительно в опасности, и эту опасность надо искренно почувствовать, с нею необходимо мужественно бороться.

Способны ли мы на это?

*   *   *

Кстати: вот одна из иллюстраций отношения прессы к фактам. В один и тот же день в двух газетах рассказали:

Одна:

«В воскресенье вечером на Богословском кладбище казачий хорунжий Федоров шашкой изрубил на могиле анархиста Аснина футляр с венком и несколько знамен. Находившиеся на кладбище милиционеры 3-го Выборгского подрайона задержали хорунжего и препроводили в комиссариат, где и был составлен протокол о нарушении Федоровым порядка в общественном месте. Спустя час, в комиссариат явилась группа анархистов в количестве человек 15, которая и предъявила требование выдать им задержанного. Комиссар отказал анархистам в выдаче и препроводил Федорова к военному коменданту Полюстровского подрайона, откуда под охраной казачьего разъезда хорунжий был доставлен домой».

Другая:

«Как сообщают, при похоронах убитого на даче Дурново «анархиста» Аснина произошел инцидент, едва не разрешившийся кровавым столкновением.

Анархисты почему-то выбрали местом погребения Аснина православное Богословское кладбище и водрузили на могиле крест.

Находившиеся случайно на кладбище казаки заявили протест против похорон Аснина на Богословском кладбище, а затем сняли с могилы крест.

Анархисты намеревались было защищать могилу, но казаки, обнажив шашки, остановили их».

Это — разные факты?

Нет, это только различное освещение одного и того же факта.

Если вторую заметку прочитает человек, привыкший думать, он, конечно, усомнится кое в чем, — напр., в водружении анархистами креста. Верующего человека оскорбит факт снятия креста с могилы. Обыватель еще раз вздрогнет, читая про «обнаженные шашки».

А сопоставляя заметки, естественно спросит: — где же здесь правда?

И еще более естественно усомнится в педагогическом значении «свободного слова» — «чуда средь Божьих чудес»[7].

А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?

ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ

«Новая Жизнь» № 64,
2 (15) июля 1917 г.

Одним из более опасных врагов человека является туберкулез, болезнь, которою страдает почти треть жителей города. Особенно жестоко действует эта болезнь в рабочей среде, а гнилой климат, загрязненность Петрограда и те условия, в которых вы принуждены жить, еще более усиливают пагубное распространение заразы.

Вы сами знаете, как много среди вас чахоточных, как много рождается вами больных детей и сколько приходится тратить вам трудовых денег для того, чтобы хоть ненадолго поддержать здоровье свое и семейных ваших. Но борьба с туберкулезом в обстановке домашнего лечения почти безнадежна.

Для того, чтобы бороться с чахоткой победоносно, необходимо устройство загородных санаторий, необходимы чистый воздух, хорошее питание и длительное лечение.

Вы, сила, создающая баснословные капиталы, мощные организации, вы должны, наконец, приняться за работу создания для самих себя условий, которые необходимы для охраны вашего здоровья и здоровья ваших детей. Вы знаете, что «в здоровом теле — здоровая душа».

Здоровье нужно не только для того, чтоб ваш физический труд на благо всей страны стал более продуктивен, здоровье нужно и для духовной жизни, для устойчивости в социальной борьбе, для защиты и расширения ваших гражданских прав. Не забывайте, что вы живете в стране, где 85 % населения — крестьяне, и что вы среди них маленький островок среди океана, что промышленность в России развивается медленно и количественный рост рабочего класса затруднен. Вы одиноки, вас ожидает длительная и упорная борьба, она потребует от вас величайшего напряжения всех сил.

Вы сами должны заботиться о себе, и вы имеете возможность устраивать свою жизнь так, как это необходимо для вас.

И вот, в интересах самосохранения, самозащиты, вам, пролетариату Петрограда, следует устроить для ваших больных чахоткой ряд собственных санаторий: местом для нее может послужить один из загородных царских парков.

Вы можете создать это необходимое вам учреждение одним ударом, как воздвигают чудесные замки волшебники в сказках.

Пусть все рабочие столицы дадут на это дело свой дневной заработок, — и санатория готова.

В деле технической организации ее вам может помочь свободная Ассоциация ученых для развития и распространения положительных наук.

Создайте образцовое учреждение, которым будут гордиться ваши дети и внуки, как первым актом вашего свободного творчества. Если вы сделаете это прекрасное дело, — за вами пойдут все рабочие России, и она покроется сетью пролетарских учреждений: медицинских, научных, просветительных. Повторяю — вы сила и вам пора понять, как много можете сделать вы для самих себя и для культуры всей нашей страны.

Только подумайте — в один день вы можете создать фонд для организации санатории, через месяц вы точно таким же путем отчисления дневного заработка создадите в Петрограде «Дома-школы» для ваших детей дошкольного возраста, еще через месяц вы дадите всем нашим детям возможность прожить душное лето вне города, построив летние колонии в деревне.

Совет Заводско-Фабричных Комитетов Невского района уже готовится осуществить небольшую санаторию для больных своего района. Она ставит во главе ее одного из членов «Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук», д-ра И. И. Манухина, который в высшей степени удачно применяет свой метод лечения туберкулеза, освещая селезенку больного возбуждающими ее деятельность лучами Рентгена.

Но это маленькое начинание — капля в море нужды рабочих Петрограда, для них необходим именно ряд санаторий, целый городок для больных.

Товарищи рабочие, когда люди понимают, чувствуют свою коллективную силу, для них становится возможным осуществление даже утопии.

Здесь говорится не об утопии, а о простом, практическом деле, осуществить которое вы и должны, и можете.

Покажите же, что вы умеете заботиться о своих интересах, о своей жизни.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

*«Новая Жизнь» № 74,
14 (27) июля 1917 г.*

На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля.

Вот, ощетинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии», среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически:

— Социальная революция, товарищи!

Какие-то люди, не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремящее чудовище и разоружают его, выдергивая щетину винтовок. Обезоруженные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней; нелепая телега, опустев, грузно прыгает по избитой, грязной мостовой и тоже исчезает, точно кошмар.

И ясно, что этот устрашающий выезд «социальной революции» затеян кем-то наспех, необдуманно и что — глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей.

Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат:

— Буржуи стреляют!

Стреляли, конечно, не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он чувствовался всюду — и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием.

Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея, все эти вооруженные и безоружные люди превратились в оголтелое стадо баранов.

Я не мог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по

Невскому, — они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха.

По мостовой, среди разбросанных винтовок, бегала девочка-подросток и кричала:

— Да это свои стреляют, свои же!

Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала:

— Кричите, что свои...

Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.

Я не впервые видел панику толпы, это всегда противно, но — никогда не испытывал я такого удручающего, убийственного впечатления.

Вот это и есть тот самый «свободный», русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и отрясал «его прах» с ног своих?[8] Это солдаты революционной армии разбежались от своих же пуль, побросав винтовки и прижимаясь к тротуару?

Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры.

Опять культура? Да, снова культура. Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели. И я уверен, что если б та часть интеллигенции, которая, убоясь ответственности, избегая опасностей, попряталась где-то и бездельничает, услаждаясь критикой происходящего, если б эта интеллигенция с первых же дней свободы попыталась ввести в хаос возбужденных инстинктов иные начала, попробовала возбудить чувства иного порядка, — мы все не пережили бы множества тех гадостей, которые переживаем. Если революция не способна тотчас же развить в стране напряженное культурное строительство, — тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы — народ, неспособный к жизни.

Прочитав вышеизложенное, различные бесстыдники, конечно, не преминут радостно завопить:

— А о роли ленинцев в событиях 4 июля — ни слова не сказано, ага! Вот оно где, лицемерие!

Я — не сыщик, я не знаю, кто из людей наиболее повинен в мерзостной драме. Я не намерен оправдывать авантюристов, мне ненавистны и противны люди, возбуждающие темные инстинкты масс, какие бы имена эти люди ни носили и как бы ни были солидны в прошлом их заслуги перед Россией. Я думаю, что иностранная провокация событий 4 июля — дело возможное, но я должен сказать, что и злая радость, обнаруженная некоторыми людьми после событий 4 — тоже крайне подозрительна. Есть люди, которые так много говорят о свободе, о революции и о своей любви к ним, что речи их часто напоминают сладкие речи купцов, желающих продать товар возможно выгоднее.

Однако главнейшим возбудителем драмы я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а — более злого, более сильного врага — тяжкую российскую глупость.

В драме 4-го июля больше всех других сил, создавших драму, виновата именно наша глупость, назовите ее некультурностью, отсутствием исторического чутья, — как хотите.

ТРИ ГОДА

«Новая Жизнь» № 78,
19 июля (1 августа) 1917 г.

Три года безжалостной, бессмысленной бойни, три года изо дня в день проливается кровь лучших племен земли, истребляется драгоценнейший мозг культурных наций Европы.

Обескровлена Франция, «вождь человечества», истощается Италия, «лучший дар Бога нашей печальной земле», напрягает все свои силы Англия, «спокойно поучающая мир чудесам труда», угрюмо задыхаются в железных тисках войны «трудолюбивые племена Германии».

Уничтожены Бельгия, Сербия, Румыния, Польша; разорена экономически, развращена войною духовно мечтательная, мягкотелая Русь, — страна, еще не жившая, не успевшая показать миру свои скрытые силы.

В XX-м веке, после того, как девятнадцать веков Европа проповедовала человечность в церквах, которые она теперь разрушает пушками, в книгах, которые солдаты жгут, как дрова, — в XX-м веке гуманизм забыт, осмеян, а все, что создано бескорыстной работой науки, схвачено и направлено волею бесстыдных убийц на истребление людей.

Что, в сравнении с этой кошмарной, трехлетней бойней, тридцатилетние и столетние войны прошлого? Где найдем мы оправдание этому небывалому преступлению против планетарной культуры?

Этому отвратительному самоистреблению нет оправдания. Сколько бы ни лгали лицемеры о «великих» целях войны, их ложь не скроет страшной и позорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся «реальные политики», убийцы, торгующие жизнью народа.

Людей, которые верят в торжество идеала всемирного братства, негодяи всех стран объявили вредными безумцами, бессердечными мечтателями, у которых нет любви к родине.

Забыто, что среди этих мечтателей Христос, Иоанн Дамаскин, Франциск Ассизский, Лев Толстой, — десятки полубогов, которыми гордится человечество. Для тех, кто уничтожает миллионы жизней, чтобы захватить в свои руки несколько сотен верст чужой земли, — для них нет ни бога, ни дьявола. Народ для них — дешевле камня, любовь к родине — ряд привычек. Они любят жить так, как живут, и пусть вся земля разлетится прахом во вселенной, — они не хотят жить иначе, как привыкли.

Вот они уже три года живут по горло в крови, которую проливают по их воле десятки миллионов людей.

Но когда истощатся силы народных масс или когда единодушно вспыхнет их воля «к жизни чистой, человеческой» и прекратит кровавый кошмар, — люди, истребляющие народ Европы, трусливо закричат:

— Это не наша вина! Не мы изуродовали мир, не мы разрушили и разграбили Европу!

Но мы надеемся, что к той поре «глас народа» воистину будет строгим и справедливым «Гласом Божьим» и он заглушит вопли лжи.

Верующие в победу над бесстыдством и безумием должны стремиться к единению своих сил.

В конце концов — побеждает разум.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 79,
20 июля (2 августа) 1917 г.

Присяжный поверенный, один из тех, которые при старом режиме, спокойно рискуя личной свободой, не думая о карьере, мужественно выступали защитниками в политических процессах и нанесли самодержавию немало ударов, — человек, прекрасно знающий глубину бесправия и цинизма монархии, говорил мне на днях:

— Так же, как при Николае Романове, я выступаю защитником в наскоро сделанном политическом процессе; так же, как тогда, ко мне приходят плакать и жаловаться матери, жены, сестры заключенных; как прежде — аресты совершаются «по щучьему велению», арестованных держат в отвратительных условиях, чиновники «нового строя» относятся к подследственному так же бюрократически-бессердечно, как относились прежде. Мне кажется, что в моей области нет изменений к лучшему.

А я думаю, что в этой области следует ожидать всех возможных изменений к худшему. При монархии покорные слуги Романова иногда не отказывали себе в удовольствии полиберальничать, покритиковать режим, поныть на тему о гуманизме и вообще немножко порисоваться благодушием, показать невольному собеседнику, что и в сердце заядлого чиновника не все добрые начала истреблены усердной работой по охране гнилья и мусора.

Наиболее умные, вероятно, понимали, что «политик» человек, в сущности, и для них не вредный, — работая над освобождением России, он работал и над освобождением чиновника от хамоватой «верховной власти».

Теперь самодержавия нет и можно показать всю «красоту души», освобожденной из плена строгих циркуляров.

Теперь чиновник старого режима, кадет или октябрист, встает пред арестованным демократом как его органический враг, либеральная маниловщина — никому не нужна и неуместна.

С точки зрения интересов партий и политической борьбы все это вполне естественно, а «по человечеству» — гнусно и будет еще гнусней по мере неизбежного обострения отношений между демократией и врагами ее.

* * *

В одной из грязненьких уличных газет* некто напечатал свои впечатления от поездки в Царское Село. В малограмотной статейке, предназначенной на потеху улицы и рассказывающей о том, как Николай Романов пилит дрова, как его дочери работают в огороде, — есть такое место:

Матрос подвозит в качалке Александру Федоровну. Она похудевшая, осунувшаяся, во всем черном. Медленно с помощью дочерей выходит из качалки и идет, сильно прихрамывая на левую ногу...

— Вишь, заболела, — замечает кто-то из толпы: — Обезножела...

— Гришку бы ей сюда, — хихикает кто-то в толпе: — Живо бы поздоровела...

Звучит оглушительный хохот.

Хохотать над больным и несчастным человеком — кто б он ни был — занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали смутно — их роль в России.

Но — дело не в том, что веселые люди хохочут над несчастьем женщины, а в том, что статейка подписана еврейским именем Иос. Хейсин.

Я считаю нужным напомнить г. Хейсину несколько строк из статьи профессора Бодуэна де Куртенэ в сборнике «Щит»:

«Утащили в вагоне чемодан. Вор оказался поляком. Но не сказали, что украл «поляк», а только, что украл «вор».

Другой раз похитителем оказался русский. И на этот раз обличили в краже не русского, а просто — «вора».

Но если бы чемодан оказался в руках еврея, — было бы сказано, что «украл еврей», а не просто «вор».

Полагаю, что мораль должна быть понятна Хейсину и подобным ему «бытописателям», — напр., Давиду Айзману и т. д. — ведь по поводу их сочинений тоже могут сказать, что это пишут не просто до оглупения обозленные люди, а — «евреи».

Едва ли найдется человек, настолько бестолковый, чтоб по поводу сказанного заподозрить меня в антисемитизме.

Я считаю нужным, — по условиям времени, — указать,

* Петроградское «Живое слово» (1916—1917).

что нигде не требуется столько такта и морального чутья, как в отношении русского к еврею и еврея к явлениям русской жизни.

Отнюдь не значит, что на Руси есть факты, которых не должен критически касаться татарин или еврей, но — обязательно помнить, что даже невольная ошибка, — не говоря уже о сознательной гадости, хотя бы она была сделана из искреннего желания угодить инстинктам улицы, — может быть истолкована во вред не только одному злому и глупому еврею, но — всему еврейству.

Не надо забывать этого, если живешь среди людей, которые могут хохотать над больным и несчастным человеком.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 92,
4 (17) августа 1917 г.

«Речь» относится ко мне очень внимательно, почти каждый день на ее синеватых столбцах я встречаю несколько слов по моему адресу[9].

Уже не один десяток раз «Речью» было отмечено «очередное покаяние Горького», хотя я никогда ни в чем и ни пред кем — а, тем более, пред «Речью» — не каялся, ибо к этому роду занятий, весьма любимому российскими людьми, питаю органическое отвращение. Да и не в чем мне каяться, не чувствую я себя грешнее других соотечественников.

Не менее часто повторяет «Речь» мои слова о том, что, принимая некоторое участие в организации газеты «Луч», я сознательно, вместе с другими товарищами по этому делу, шел на «самоограничение», неизбежное в условиях старого режима[10] для всякого человека, который желал честно работать в интересах демократии и которому было противно подыгрываться к подлым силам власти, разрушавшей страну и экономически, и морально.

Вот и вчера «Речь» снова упомянула:

«Мы слышали из уст писателя, считающего себя призванным защищать культурные ценности, что теперь он не видит никаких оснований к самоограничению».

Это, конечно, не верно — я не говорил, что теперь, т. е. после революции, «не вижу никаких оснований для самоограничения»: разумные и непредубежденные люди ясно видят, что «Н. Ж.», в которой я имею честь и удо-

вольствие писать, по мере сил своих всячески старается внушить необходимость «самоограничения» как для авантюристов слева, так и для авантюристов справа. Я говорю это не ради полемики с «Речью» — «хорька не убедишь, что курица чужая», — но я, все-таки, считаю нужным напомнить почтенным деятелям из «Речи», что иногда «самоограничение» бывает равносильно моральному самоубийству или самоискажению до полной потери лица.

Например: когда один из лидеров кадетской партии объявил ее «оппозицией Его Величества» — это было «самоограничение» — не правда ли?

А когда «партия народной свободы» блокировалась с октябристами — партией, которая рукоплескала вешателю Столыпину — это ведь было тоже «самоограничением»?

И когда партия народной свободы извинялась перед Столыпиным за то, что красноречивый Родичев нетактично упомянул о пристрастии Столыпина к «пеньковым галстухам», которыми он душил народную свободу, — это тоже было «самоограничение» — не так ли?

Можно восстановить в памяти сотрудников «Речи» и еще десятки подобных же актов «самоограничения»; партия «народной свободы» самоограничивалась крайне неумеренно и, так сказать, — запойно. Это все знают и помнят, кроме газеты «Речь», конечно.

Но даже и почтенные сотрудники этого органа будут — я уверен — очень изумлены, если они, прочтя «Программу конституционно-демократической партии», дадут себе ясный отчет в том, до какой степени «самоограничилась» эта партия.

Отсюда — понятно, почему «Речь» так часто, так упрямо проповедует необходимость «самоограничения» — это она делает по привычке.

Люди, верующие в искренность «Речи», могут позволить себе роскошь надеяться, что, ограничив себя слева до пределов последней возможности, «Речь» и партия ее скоро начнут ограничивать себя и справа. Я в это не верю.

Но я вижу, что пример кадетской партии в деле «самоограничения» находит подражателей среди других партийных организаций и что этот процесс в сущности своей становится уже процессом самоубийства революции, ограничения законных прав демократии.

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ!

«Новая Жизнь» № 156,
18 (31) октября 1917 г.

Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит «выступление большевиков» — иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3—5 июля. Значит — снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей — куда попало! Будут стрелять только потому, что люди, вооруженные ими, захотят убить свой страх. Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга, не умея уничтожать своей звериной глупости.

На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции».

Одним словом — повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл.

Весьма вероятно, что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции.

Кому и для чего нужно все это? Центральный Комитет с.-д. большевиков, очевидно, не принимает участия в предполагаемой авантюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил слухов о предстоящем выступлении, хотя и не опровергает их.

Уместно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания?

Или эти авантюристы желают ускорить удар контрреволюции и ради этой цели стремятся дезорганизовать с трудом организуемые силы?

Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управ-

лять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков[11].

К ДЕМОКРАТИИ

«Новая Жизнь» № 174,
7 (20) ноября 1917 г.

Министры-социалисты, выпущенные из Петропавловской крепости Лениным и Троцким, разъехались по домам, оставив своих товарищей М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова, М. И. Терещенко и других во власти людей, не имеющих никакого представления о свободе личности, о правах человека.

Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы[12], уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин.

Конечно — Столыпин и Плеве шли против демократии, против всего живого и честного в России, а за Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроют пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его Нечаевско-Бакунинский анархизм.

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится донести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?

Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо.

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство

промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата.

Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат.

Я спрашиваю:

Помнит ли русская демократия — за торжество каких идей она боролась с деспотизмом монархии?

Считает ли она себя способной и ныне продолжать эту борьбу?

Помнит ли она, что когда жандармы Романовых бросали в тюрьмы и в каторгу ее идейных вождей — она называла этот прием борьбы подлым?

Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей?

Не так же ли Ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих, как это делала власть Романовых?

Почему Бернацкий, Коновалов и другие члены коалиционного правительства сидят в крепости, — разве они в чем-то преступнее своих товарищей-социалистов, освобожденных Лениным?

Единственным честным ответом на эти вопросы должно быть немедленное требование освободить министров и других безвинно арестованных, а также восстановить свободу слова во всей ее полноте.

Затем разумные элементы демократии должны сделать дальнейшие выводы, — должны решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами Нечаевского типа.

В МОСКВЕ

«Новая Жизнь» № 175,
8 (21) ноября 1917 г.

Днем 26-го в Москве заговорили о сражении на улицах Петрограда, — 75 тысяч убитых, разрушен до основания Зимний дворец, идут грабежи, пылают пожары.

Как ребенок сказки, русский человек любит ужасы и способен творить их, он не однажды доказывал эту способность и еще не раз докажет ее. Но даже и он отнесся к страшным слухам о Петрограде недоверчиво:

— 75 тысяч? Вздор!

И, чувствуя нелепость преувеличения, — не обнаруживал особенной тревоги.

Около полуночи на 27-е захлопали первые выстрелы, где-то у Театрального проезда; мимо театра Совета р. д. провели раненого солдата; разнесся слух, что обстреляны юнкера, которые шли в Кремль занимать караулы. Не удалось выявить, кто стрелял в них, но, вероятно, это были те «охотники на человека», которых смутное время и русская «удаль» родят сотнями. Через несколько минут такие же удальцы дали из-за угла семь револьверных выстрелов по двум извозчикам в Фуркасовском переулке, — об этом было сообщено в Совет, и солдаты, посланные оттуда, арестовали несколько «вольных стрелков».

Стреляли всю ночь; милиционеры — со страха, хулиганы — для удовольствия; утром вся Москва трещала; к ружейным хлопкам присоединился [гнусный?] звук пулеметов, неистово кричали встревоженные галки, и казалось, что кто-то рвет гнилую ткань...

Но все это еще не нарушало обычного течения жизни: шли учиться гимназистки и гимназисты, прогуливались обыватели, около магазинов стояли «хвосты», праздно любопытствующие зрители десятками собирались на углах улиц, догадываясь — где стреляют.

Поистине — мир создан для удовольствия бездельников! Стоит у памятника Первопечатнику густая толпа, человек в пятьсот, и, спокойно вслушиваясь в трескотню на Театральной площади, рассуждает:

— Со Страстного главу сбили.

— По «Метрополю» садят.

Какие-то, всему чужие люди, для которых событие, как бы оно ни было трагично, — только зрелище.

Вот одному из них попала в ногу пуля, его тотчас окружают человек полтораста, ведут к Проломным воротам и, заглядывая в лицо, расспрашивают:

— Больно?

— Идет, значит — кость цела!

Разумеется, и этот хлам людской проявляет свою активность и, — как всегда, — конечно, проявляет ее по линии наименьшего сопротивления, — уж так воспитаны, вся русская история развивалась по этой линии.

Какой-то солдат, видимо, обезумевший со страха, неожиданно является пред толпой и, припав на колено, стреляет, целясь в безоружного юнкера, — толпа, не успев помешать выстрелу, бросилась на солдата и задавила его, растерзала. Уверен, что если б солдат было трое, — толпа разбежалась бы от них.

* * *

Перестрелка все растет, становясь гуще, раздраженнее, на улицах являются патрули и очень заботливо уговаривают зрителей:

— Пожалуйста, товарищи-граждане, расходитесь! Видите — какое дело? Не ровен час — убьет кого-нибудь али ранит. Пуля — дура. Пожалуйста...

Зрители расходятся не спеша, некоторые спрашивают патрульных:

— Вы — чьи? Думские или Советские?

— Мы — ничьи. Порядок требуется, расходитесь, прошу...

Затем «ничьи» солдаты стреляют в кого-то из-за углов, стреляют не очень охотно, как бы против воли своей исполняя революционную повинность — наделать как можно больше покойников.

С каждым часом становится все яснее, что восстание не имеет определенного «стратегического» плана и что инсургенты действуют по собственному разумению «на авось» и «как Бог на душу положит». Одни части войск наступают в направлении на Кремль, где засели юнкера, другие — от центра по Мясницкой к Телефонной станции и Почтамту, по Покровке, по Никитской, к Арбату и Александровскому училищу, к Садовым.

На Мясницкой солдаты стреляют из-за угла в какой-то переулок, туда хочет пройти некий штатский человек, его не пускают, уговаривая:

— Застрелют, товарищ! Там сидят какие-то...

— Но, — ведь, весь этот квартал в ваших руках?

— А откуда вы знаете?

Штатскому необходимо пройти переулком, после долгих уговоров солдаты решают пропустить его и просят, [наивно?] улыбаясь:

— Вы, товарищ, покажите нам пальцами, — сколько их?

Отклонив поручение, штатский идет в переулок и видит: на одном из дворов, за железной решеткой ворот,

возятся, устраивая баррикаду из ящиков и бочек, девять солдат, десятый сидит у стены, сумрачно перевязывая окровавленную ногу.

— Вы с кем воюете?

— А вон там, за углом, какие-то.

— Но ведь это, наверное, ваши же советские?

— Как же — наши? Вот они человека испортили...

Штатский уговаривает воинов вступить с врагами в переговоры, берет на себя роль парламентера и в сопровождении одного воина возвращается на Мясницкую. Оказывается — воюют солдаты одного и того же полка, и между ними происходит типичный русский диалог:

— Вы что, черти, ослепли?

— А вы?

— Мы думали — юнкера!

— И мы то же самое.

Война прекращается ко взаимной радости, у штатского просят покурить и провожают его дружескими увещаниями:

— Не ходить бы вам туда, товарищ, вон как там сыпют!

Несомненно, что таких «ошибок» было много и, наверное, не один десяток солдат заплатил за них жизнью. Первые дни город представлял собой слоеное тесто; вот слой — «наших», за ним слой «ихних», и снова «наши», «ихние». В запутанных переулках Москвы люди бессмысленно расстреливали друг друга в затылок, с боков, особенно часты были случаи перестрелки между своими по ночам, когда на темных улицах, с погашенными фонарями, царил страх смерти.

Вокруг Кремля — Советские войска, а на Трубной площади небольшая группа юнкеров захватывает в плен грузовик с винтовками и отряд красной гвардии. Рассказывают, что в штаб инсургентов явилось 110 солдат-ударников:

— Где тут у вас юнкера засели? Дайте нам винтовки, мы их выбьем!

Им дали винтовки, а они присоединились к юнкерам, и эта «ошибка», конечно, усилила бойню.

* * *

Поражало сердечное отношение солдат к обывателю, вылезавшему на улицу «понаблюдать».

Было до отчаяния странно видеть, как пролетарий

в серой шинели, голодный, обрызганный грязью, ежеминутно рискуя жизнью своей, заботливо уговаривает чисто одетого, любопытствующего «буржуя»:

— Гражданин — куда же вы? Там стреляют! Попадут в вас, не дай Бог, мы же не можем отвечать за вас!

— Я трое суток на улицу не выходил!

— Мало ли что! Теперь гулять не время...

Хочется спросить этих людей:

— С кем же вы воюете, оберегая столь заботливо жизнь ваших «классовых врагов»?

Спросишь — отвечают:

— С юнкерами. Они против народа...

И эти-то добродушные, задерганные, измученные люди зверски добивали раненых юнкеров, раскалывая им черепа прикладами, и эти же солдаты, видя, что в одном из переулков толпа громит магазин, дали по толпе три залпа, оставив на месте по двадцати убитых и раненых погромщиков. А затем помогли хозяевам магазина забить досками взломанные двери и выбитые окна.

Ужасны эти люди, одинаково легко способные на подвиги самопожертвования и бескорыстия, на бесстыдные преступления и гнусные насилия. Ненавидишь их и жалеешь всей душой и чувствуешь, что нет у тебя сил понять тление и вспышки темной души твоего народа.

* * *

Бухают пушки, это стреляют по Кремлю откуда-то с Воробьевых гор. Человек, похожий на переодетого военного, пренебрежительно говорит:

— Шрапнелью стреляют, идиоты! Это — к счастью, а то бы они раскатали весь Кремль.

Он долго рассказывает внимательным слушателям о том, в каких случаях необходимо уничтожать людей шрапнелью, а когда следует «действовать бризантными».

— А они, болваны, катают шрапнелью на высокий разрыв! Это бесцельно и глупо...

Кто-то неуверенно справляется:

— Может быть — они нарочно так стреляют, чтобы напугать, но не убивать?

— Это зачем же?

— Из гуманности?

— Ну, какая же у нас гуманность, — спокойно возражает знаток техники убийства.

Отвратительно кричат галки, летая над мокрыми

крышами, трещат пулеметы, где-то близко едет и стреляет броневик, непрерывно хлопают ружья, революверы. Впечатление такое, как будто люди избивают друг друга, собравшись огромной кучей, идет свалка врукопашную грудь с грудью. Но вот мчится грузовой автомобиль, тесно набитый вооруженными людьми, и видишь, что они стреляют в воздух, — должно быть для того, чтобы «поднять свой революционный дух», чтобы не думать о том, что они делают.

* * *

Круглые, гаденькие пульки шрапнели градом барабанят по железу крыш, падают на камни мостовой, — зрители бросаются собирать их «на память» и ползают в грязи.

В некоторых домах вблизи Кремля стены домов пробиты снарядами, и, вероятно, в этих домах погибли десятки ни в чем не повинных людей. Снаряды летали так же бессмысленно, как бессмысленен был весь этот шестидневный процесс кровавой бойни и разгрома Москвы.

В сущности своей Московская бойня была кошмарным кровавым избиением младенцев. С одной стороны — юноши красногвардейцы, не умеющие держать ружья в руках, и солдаты, почти не отдающие себе отчета — кого ради они идут на смерть, чего ради убивают? С другой — ничтожная количественно кучка юнкеров, мужественно исполняющая свой «долг», как это было внушено им.

Разумеется — это наглая ложь, что все юнкера «дети буржуев и помещиков», а потому и подлежат истреблению, это ложь авантюристов и бешеных догматиков. И если бы принадлежность к тому или иному классу решала поведение человека, тогда Симбирский дворянин Ульянов-Ленин должен стоять в рядах российских аграриев, бок о бок с Пуришкевичем, а Бронштейн-Троцкий — заниматься коммивояжерством.

Ужасно положение юношества в этой проклятой стране! Начиная с 60-х годов, мы пытались пробить головами молодежи стену самодержавия, пятьдесят лет истреблялось русское юношество в тюрьмах, ссылке, каторге и — вот пред нами налицо трагический результат этой «политики»: в России нет талантливых людей, нет людей, даже просто способных работать. Самодержавие истощило духовную мощь страны, война физически истребила сотни тысяч молодежи, революция, развиваясь без энтузиазма, очевидно, не может воспитать сильных духом людей и продолжает процесс истребления юношества.

Я знаю, — сумасшедшим догматикам безразлично будущее народа, они смотрят на него как на материал для социальных опытов; я знаю, что для них недоступны те мысли и чувства, которые терзают душу всякого искреннего демократа, — я не для них говорю.

Но — неужели обезумела вся демократия, неужели нет людей, которые, почувствовав ужас происходящего, вышвырнули бы обезумевших сектантов прочь из своей среды?

ВНИМАНИЮ РАБОЧИХ

«Новая Жизнь» № 177,
10 (23) ноября 1917 г.

Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото».

И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине действительности, очевидно убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей, вроде А. В. Карташева, М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова и других.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина — Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны.

«Послушание школьников и дурачков», идущих вместе за Лениным и Троцким, «достигло высшей черты», — ругая своих вождей заглазно, то уходя от них, то снова присоединяясь к ним, школьники и дурачки, в конце концов, покорно служат воле догматиков и все более возбуждают в наиболее темной массе солдат и рабочих несбыточные надежды на беспечальное житье.

Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России — русский народ заплатит за это озерами крови.

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за

торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс.

Ленин «вождь» и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу.

Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его.

Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для Лениных то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?

Он работает как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революцию. Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 178,
11 (24) ноября 1917 г.

Известный русский исследователь племен Судана — Юнкер говорит:

«Жалкие дикари с ужасом отворачиваются от человеческого мяса, тогда как народы, достигшие сравнительно значительного уровня культуры, впадают в людоедство».

Мы, русские, несомненно достигли «сравнительно значительного уровня культуры», — об этом лучше всего свидетельствует та жадность, с которой мы стремились и стремимся пожрать племена, политически враждебные нам.

Едва ли не с первых дней революции известная часть печати с яростью людоедов племени «ням-ням» набросилась на демократию и стала изо дня в день грызть головы солдат, крестьян, рабочих, свирепо обличая их в пристрастии к «семечкам», в отсутствии у них чувства любви к родине, сознания личной ответственности за судьбы России и во всех смертных грехах. Никто не станет отрицать, что лень, семечки, социальная тупость народа и все прочее, в чем упрекали его, — горькая правда, но — следовало «то же бы слово, да не так бы молвить». И следует помнить, что вообще народ не может быть лучше того, каков он есть, ибо о том, чтобы он был лучше — заботились мало.

Худосочное, истерическое раздражение, замещающее у нас «священный гнев», пользовалось всем лексиконом оскорбительных слов и не считалось с последствиями, какие эти слова должны были неизбежно вызвать в сердцах судимых людей.

Казалось бы, что «культурные» руководители известных органов печати должны были понимать, какой превосходной помощью авантюристам служит яростное поношение демократии, как хорошо помогает это демагогам в их стремлении овладеть психологией масс.

Это простое соображение не пришло в головы мудрых политиков, и если ныне мы видим пред собою людей, совершенно утративших человеческий облик, — половину вины за это мрачное явление обязаны взять на себя те почтенные граждане, которые пытались привить людям культурные чувства и мысли путем словесных зуботычин и бичей.

Об этом поздно говорить? Нет, не поздно. Горло печати ненадолго зажато «новой» властью, которая так позорно пользуется приемами удушения свободы слова. Скоро газеты снова заговорят, и, конечно, они должны будут сказать все, что необходимо знать всем нам в стыд и в поучение наше.

Но если мы, парадируя друг перед другом в плохоньких ризах бессильного гнева и злобненькой мести, снова будем продолжать ядовитую работу возбуждения злых начал и темных чувств — мы должны заранее признать,

что берем на себя ответственность за все, чем откликнется народ на оскорбления, бросаемые вслед ему.

Озлобление — неизбежно, однако — в нашей воле сделать его не столь отвратительным. Даже в кулачной драке есть свои законы приличия. Я знаю, — смешно говорить на Святой Руси о рыцарском чувстве уважения ко врагу, но я думаю, что будет очень полезно придать нашему худосочному гневу более приличные словесные формы.

Пусть каждый предоставит врагу своему право быть хуже его, и тогда наши словесные битвы приобретут больше силы, убедительности, даже красоты.

Откровенно говоря — я хотел бы сказать:

— Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения!

Но я знаю, что нет сердца, которое приняло бы эти слова. Ну, так будем хоть более тактичными и сдержанными, выражая свои мысли и ощущения; не надо забывать, что — в конце концов — народ учится у нас злости и ненависти...

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 179,
12 (25) ноября 1917 г.

Меня уже упрекают в том, что «после двадцатилетнего служения демократии» я «снял маску» и изменил уже своему народу[13].

Г. г. большевики имеют законное право определять мое поведение так, как им угодно, но я должен напомнить этим господам, что превосходные душевные качества русского народа никогда не ослепляли меня, я не преклонял колен пред демократией, и она не является для меня чем-то настолько священным, что совершенно не доступно критике и осуждению.

В 1911 году, в статье о «Писателях-самоучках» я говорил: «Мерзости надо обличать, и если наш мужик — зверь, надо сказать это, а если рабочий говорит:

Я пролетарий! —

тем же отвратительным тоном человека касты, каким дворянин говорит:

Я дворянин! —

надо этого рабочего нещадно осмеять».

Теперь, когда известная часть рабочей массы, возбужденная обезумевшими владыками ее воли, проявляет дух

и приемы касты, действуя насилием и террором, — тем насилием, против которого так мужественно и длительно боролись ее лучшие вожди, ее сознательные товарищи, — теперь я, разумеется, не могу идти в рядах этой части рабочего класса.

Я нахожу, что заткнуть кулаком рот «Речи» и других буржуазных газет только потому, что они враждебны демократии — это позорно для демократии[14].

Разве демократия чувствует себя неправой в своих деяниях и — боится критики врагов? Разве кадеты настолько идейно сильны, что победить их можно только лишь путем физического насилия?

Лишение свободы печати — физическое насилие, и это недостойно демократии.

Держать в тюрьме старика революционера Бурцева[15], человека, который нанес монархии немало мощных ударов, держать его в тюрьме только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий — это позор для демократии. Держать в тюрьме таких честных людей, как А. В. Карташев, таких талантливых работников, как М. В. Бернацкий, и культурных деятелей, каков А. И. Коновалов, немало сделавший доброго для своих рабочих, — это позорно для демократии.

Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России — это позорно и преступно.

Все это не нужно и только усилит ненависть к рабочему классу. Он должен будет заплатить за ошибки и преступления своих вождей — тысячами жизней, потоками крови.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 185,
19 ноября (2 декабря) 1917 г.

В «Правде» напечатано:

«Горький заговорил языком врагов рабочего класса».

Это — неправда. Обращаясь к наиболее сознательным представителям рабочего класса, я говорю:

Фанатики и легкомысленные фантазеры, возбудив в рабочей массе надежды, неосуществимые при данных исторических условиях, увлекают русский пролетариат к разгрому и гибели, а разгром пролетариата вызовет в России длительную и мрачнейшую реакцию.

Далее в «Правде» напечатано:

«Всякая революция, в процессе своего поступательного развития, неизбежно включает и ряд отрицательных явлений, которые неизбежно связаны с ломкой старого, тысячелетнего государственного уклада. Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие, и мещане, как раз те, о которых писал Горький, начинают вопить о гибели Русского государства и культуры».

Я не могу считать «неизбежными» такие факты, как расхищение национального имущества в Зимнем, Гатчинском и других дворцах. Я не понимаю, — какую связь с «ломкой тысячелетнего государственного уклада» имеет разгром Малого театра в Москве и воровство в уборной знаменитой артистки нашей, М. Н. Ермоловой?

Не желая перечислять известные акты бессмысленных погромов и грабежей, я утверждаю, что ответственность за этот позор, творимый хулиганами, падает и на пролетариат, очевидно бессильный истребить хулиганство в своей среде.

Далее: «молодой богатырь, творя новую жизнь», делает все более невозможным книгопечатание, ибо есть типографии, где наборщики вырабатывают только 38 % детской нормы, установленной союзом печатников.

Пролетариат, являясь количественно слабосильным среди стомиллионного деревенского полуграмотного населения России, должен понимать, как важно для него возможное удешевление книги и расширение книгопечатания. Он этого не понимает на свою беду.

Он должен также понимать, что сидит на штыках, а это — как известно — не очень прочный трон.

И вообще — «отрицательных явлений» много, — а где же положительные? Они не заметны, если не считать «декретов» Ленина и Троцкого, но я сомневаюсь, чтоб пролетариат принимал сознательное участие в творчестве этих «декретов». Нет, если бы пролетариат вполне сознательно относился к этому бумажному творчеству, — оно было бы невозможным, в том виде, в каком дано.

Статья в «Правде» заключается нижеследующим лирическим вопросом:

«Когда на светлом празднике народов в одном братском порыве сольются прежние невольные враги, на этом пиршестве мира будет ли желанным гостем Горький, так поспешно ушедший из рядов подлинной революционной демократии?»

Разумеется, ни автор статьи, ни я не доживем до

«светлого праздника» — далеко до него, пройдут десятилетия упорной, будничной, культурной работы для создания этого праздника.

А на празднике, где будет торжествовать свою легкую победу деспотизм полуграмотной массы и, как раньше, как всегда — личность человека останется угнетенной, — мне на этом «празднике» делать нечего и для меня это — не праздник.

В чьих бы руках ни была власть, — за мною остается мое человеческое право отнестись к ней критически.

И я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, — недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 194,
6 (19) декабря 1917 г.

Затратив огромное количество энергии, рабочий класс создал свою интеллигенцию — маленьких Бебелей, которым принадлежит роль истинных вождей рабочего класса, искренних выразителей его материальных и духовных интересов.

Даже в тяжких условиях полицейского государства, рабочая интеллигенция, не щадя себя, ежедневно рискуя своей свободой, умела с честью и успехом бороться за торжество своих идей, неуклонно внося в темную рабочую массу свет социального самосознания, указывая ей пути к свободе и культуре.

Когда-нибудь беспристрастный голос истории расскажет миру о том, как велика, героична и успешна была работа пролетарской интеллигенции за время с начала 90-годов до начала войны.

Окаянная война истребила десятки тысяч лучших рабочих, заменив их у станков людьми, которые шли работать «на оборону» для того, чтобы избежать воинской повинности. Все это люди, чуждые пролетарской психологии, политически не развитые, бессознательные и лишенные естественного для пролетария тяготения к творчеству новой культуры, — они озабочены только мещанским желанием устроить свое личное благополучие как можно скорей и во что бы то ни стало. Это люди, органически неспособные принять и воплощать в жизнь идеи чистого социализма.

И вот остаток рабочей интеллигенции, не истребленный войною и междоусобицей, очутился в тесном окружении массы, людей психологически чужих, людей, которые говорят на языке пролетария, но не умеют чувствовать по-пролетарски, людей, чьи настроения, желания и действия обрекают лучший, верхний слой рабочего класса на позор и уничтожение.

Раздраженные инстинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологического анархизма, и эти вожди взбунтовавшихся мещан ныне, как мы видим, проводят в жизнь нищенские идеи Прудона, но не Маркса, развивают Пугачевщину, а не социализм и всячески пропагандируют всеобщее равнение на моральную и материальную бедность.

Говорить об этом тяжело и больно, но необходимо говорить, потому что за все грехи и безобразия, творимые силой, чуждой сознательному пролетариату, — отвечать будет именно он.

Недавно представители одного из местных заводских комитетов сказали директору завода о своих же рабочих:

— Удивляемся, как вы могли ладить с этой безумной шайкой!

Есть заводы, на которых рабочие начинают растаскивать и продавать медные части машин, есть очень много фактов, которые свидетельствуют о самой дикой анархии среди рабочей массы. Я знаю, что есть явления и другого порядка: например, на одном заводе рабочие выкупили материал для работ, употребив на это свой заработок. Но факты этого рода считаются единицами, фактов противоположного характера — сотни.

«Новый» рабочий — человек, чуждый промышленности и не понимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стороне. Я уверен, что сознательный рабочий не может сочувствовать фактам такого рода, как арест Софьи Владимировны Паниной. В ее «Народном доме» на Лиговке учились думать и чувствовать сотни пролетариев, точно так же, как и в Нижегородском «Народном доме», построенном при ее помощи. Вся жизнь этого просвещенного человека была посвящена культурной деятельности среди рабочих. И вот она сидит в тюрьме. Еще Тургенев указал, что благодарность никогда не встречается с добрым делом, и не о благодарности я говорю, а о том, что надо уметь оценивать полезный труд.

Рабочая интеллигенция должна обладать этим уменьем.

Бывший министр А. И. Коновалов, человек безукориз-

ненно честный, выстроил у себя на фабрике в Вичуге «Народный дом», который является образцовым зданием этого типа. Коновалов — в тюрьме. Ответственность за эти нелепые аресты со временем будет возложена на совесть рабочего класса.

В среду лиц, якобы «выражающих волю революционного пролетариата», введено множество разного рода мошенников, бывших холопов охранного отделения и авантюристов; лирически настроенный, но бестолковый А. В. Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации.[16] Это значит пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат.

Кадет хотят вышвырнуть из Учред. Собрания. Не говоря о том, что значительная часть населения страны желает, чтобы именно кадеты выражали ее мнения и ее волю в Учр. Собр., и потому изгнание кадет есть насилие над волей сотен тысяч людей, — не говоря уже об этом позоре, я укажу, что партия к.-д. объединяет наиболее культурных людей страны, наиболее умелых работников во всех областях умственного труда. В высшей степени полезно иметь пред собою умного и стойкого врага, — хороший враг воспитывает своего противника, делая его умней и сильней. Рабочая интеллигенция должна понять это. И — еще раз — она должна помнить, что все, что творится теперь — творится от ее имени; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой суровый приговор. Не все же только политика, надобно сохранить немножко совести и других человеческих чувств.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 195,
7 (20) декабря 1917 г.

«Пролетариат — творец новой культуры», — в этих словах заключена прекрасная мечта о торжестве справедливости, разума, красоты, мечта о победе человека над зверем и скотом; в борьбе за осуществление этой мечты погибли тысячи людей всех классов.

Пролетариат — у власти, ныне он получил возможность свободного творчества. Уместно и своевременно спросить — в чем же выражается это творчество? Декреты «правительства народных комиссаров» — газетные фельетоны, не более того. Это — литература, которую пишут

«на воде вилами», и хотя в этих декретах есть ценные идеи, — современная действительность не дает условий для реализации этих идей.

Что же нового даст революция, как изменяет она звериный русский быт, много ли света вносит она во тьму народной жизни?

За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его.

Средние века нашей истории были эпохой отвратительной жестокости, но и тогда, если преступник, приговоренный судом к смертной казни, срывался с виселицы — его оставляли жить.

Как влияют самосуды на подрастающее поколение?

Солдаты ведут топить в Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге, весело кричат:

— Потопили, утопили!

Это — наши дети, будущие строители жизни. Дешева будет жизнь человека в их оценке, а ведь человек — не надо забывать об этом! — самое прекрасное и ценное создание природы, самое лучшее, что есть во вселенной. Война оценила человека дешевле маленького куска свинца, этой оценкой справедливо возмущались, упрекая за нее «империалистов», — кого же упрекнем теперь — за ежедневное, зверское избиение людей?

* * *

В силу целого ряда условий у нас почти совершенно прекращено книгопечатание и книгоиздательство и, в то же время, одна за другой уничтожаются ценнейшие библиотеки. Вот недавно разграблены мужиками имения Худекова, Оболенского и целый ряд других имений. Мужики развезли по домам все, что имело ценность в их глазах, а библиотеки — сожгли, рояли изрубили топорами, картины — изорвали. Предметы науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни, — можно сом-

неваться, имеют ли они цену в глазах городской массы.

Книга — главнейший проводник культуры, и для того, чтобы народ получил в помощь себе умную, честную книгу, работникам книжного дела можно бы пойти на некоторые жертвы, — ведь они прежде всех и особенно заинтересованы в том, чтобы вокруг них создалась идеологическая среда, которая помогла бы развитию и осуществлению их идеалов.

Наши учителя, Радищевы, Чернышевские, Марксы — духовные делатели книг, жертвовали и свободой и жизнью за свои книги. Чем облегчают сейчас физические делатели книг развитие книжного дела?

* * *

Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови. За эти дни истреблено вина на несколько десятков миллионов рублей и, конечно, будет истреблено на сотни миллионов.

Если б этот ценный товар продать в Швецию — мы могли бы получить за него золотом или товарами, необходимыми стране — мануфактурой, лекарствами, машинами.

Люди из Смольного, спохватясь несколько поздно, грозят за пьянство строгими карами, но пьяницы угроз не боятся и продолжают уничтожать товар, который давно бы следовало реквизировать, объявить собственностью обнищавшей нации и выгодно, с пользой для всех, продать.

Во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего.

В «Правде» пишут о пьяных погромах как о «провокации буржуев», — что, конечно, ложь, «красное словцо», которое может усилить кровопролитие.

* * *

Развивается воровство, растут грабежи, бесстыдники упражняются во взяточничестве так же ловко, как делали это чиновники царской власти; темные люди, собравшиеся вокруг Смольного, пытаются шантажировать запуганного обывателя. Грубость представителей «правительства народных комиссаров» вызывает общие нарекания, и они — справедливы. Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью,

относится к гражданину как к побежденному, т. е. так же, как относилась к нему полиция царя. Орут на всех, орут как будочники в Конотопе или Чухломе. Все это творится он имени «пролетариата» и во имя «социальной революции», и все это является торжеством звериного быта, развитием той азиатчины, которая гноит нас.

А где же и в чем выражается тот «идеализм русского рабочего», о котором так лестно писал Карл Каутский?

Где же и как воплощается в жизнь мораль социализма, — «новая» мораль?

Ожидаю, что кто-нибудь из «реальных политиков» воскликнет с пренебрежением ко всему указанному:

— Чего вы хотите? Это — социальная революция!

Нет, — в этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 198,
10 (23) декабря 1917 г.

Не так давно меня обвинили в том, что я «продался немцам» и «предаю Россию», теперь обвиняют в том, что «продался кадетам» и «изменяю делу рабочего класса».

Лично меня эти обвинения не задевают, не волнуют, но — наводят на невеселые и нелестные мысли о моральности чувств обвинителей, о их социальном самосознании.

Послушайте, — господа, — а не слишком ли легко вы бросаете в лица друг друга все эти дрянненькие обвинения в предательстве, измене, в нравственном шатании? Ведь если верить вам — вся Россия населена людьми, которые только тем и озабочены, чтобы распродать ее, только о том и думают, чтобы предать друг друга!

Я понимаю: обилие провокаторов и авантюристов в революционном движении должно было воспитать у вас естественное чувство недоверия друг к другу и вообще к человеку, я понимаю, что этот позорный факт должен был отравить болью острого подозрения даже очень здоровых людей.

Но все же, бросая друг другу столь беззаботно обвинения в предательстве, измене, корыстолюбии, лицемерии, вы, очевидно, представляете всю Россию как страну, сплошь населенную бесчестными и подлыми людьми, а ведь вы тоже русские.

Как видите — это весьма забавно, но еще более — это опасно, ибо постепенно и незаметно те, кто играет в эту грязную игру, могут внушить сами себе, что действительно — вся Русь страна людей бесчестных и продажных, а потому — «и мы не лыком шиты!»

Вы подумайте: революция у нас делается то на японские, то на германские деньги, контрреволюция — на деньги кадет и англичан, а где же русское бескорыстие, где наша прославленная совестливость, наш идеализм, наши героические легенды о честных борцах за свободу, наше донкихотство и все другие хорошие свойства русского народа, так громко прославленные и устной и письменной русской литературой?

Все это — ложь?

Поймите, — обвиняя друг друга в подлостях, вы обвиняете самих себя, всю нацию.

Читаешь злое письмо обвинителя, и невольно вспоминаются слова одного орловского мужичка:

— «У нас все пьяное село: один праведник, да и тот — дурачок».

И вспоминаешь то красивое, законное возмущение, которое я наблюдал у рабочих в то время, когда черносотенное «Русское Знамя» обвинило «Речь» в каком-то прикосновении к деньгам финнов или эскимосов.

— «Нечего сказать негодяям, вот они и говорят самое гадкое, что могут выдумать».

Мне кажется, что я пишу достаточно просто, понятно, и что смыслящие рабочие не должны обвинить меня в «измене делу пролетариата». Я считаю рабочий класс мощной культурной силой в нашей темной мужицкой стране, и я всей душой желаю русскому рабочему количественного и качественного развития. Я неоднократно говорил, что промышленность — одна из основ культуры, что развитие промышленности необходимо для спасения страны, для ее европеизации, что фабрично-заводской рабочий не только физическая, но и духовная сила, не только исполнитель чужой воли, но человек, воплощающий в жизнь свою волю, свой разум. Он не так зависит от стихийных сил природы, как зависит от них крестьянин, тяжкий труд которого невидим, не остается в веках. Все, что крестьянин вырабатывает, он продает и съедает, его энергия целиком поглощается землей, тогда как труд рабочего остается на земле, украшая ее и способствуя дальнейшему подчинению сил природы интересам человека.

В этом различии трудовой деятельности коренится

глубокое различие между душою крестьянина и рабочего, и я смотрю на сознательного рабочего как на аристократа демократии.

Именно: аристократия среди демократии, — вот какова роль рабочего в нашей мужицкой стране, вот чем должен чувствовать себя рабочий. К сожалению, он этого не чувствует пока. Ясно, как высока моя оценка роли рабочего класса в развитии культуры России, и у меня нет основания изменять эту оценку. Кроме того, у меня есть любовь к рабочему человеку, есть ощущение кровной моей связи с ним, любовь и уважение к его великому труду. И, наконец, — я люблю Россию.

Народные комиссары презрительно усмехаются, о конечно! Но это меня не убивает. Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ.

Мы, русские, народ, еще не работавший свободно, не успевший развить все свои силы, все способности, и когда я думаю, что революция нам даст возможность свободной работы, всестороннего творчества, — мое сердце наполняется великой надеждой и радостью даже в эти проклятые дни, залитые кровью и вином.

Отсюда начинается линия моего решительного и непримиримого расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров.

Я считаю идейный максимализм очень полезным для расхлябанной русской души, —он должен воспитать в ней великие и смелые запросы, вызвать давно необходимую дееспособность, активизм, развить в этой вялой душе инициативу и вообще — оформить и оживить ее.

Но практический максимализм анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного — пагубен для России, прежде всего, — для русского рабочего класса.

Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть.

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грезе о всемирной или европейской революции.

В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью,

сделать социалистами 85 % крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников.

От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он — передовой отряд революции и он первый будет истреблен в гражданской войне. А если будет разбит и уничтожен рабочий класс, значит, будут уничтожены лучшие силы и надежды страны.

Вот я и говорю, обращаясь к рабочим, сознающим свою культурную роль в стране: политически грамотный пролетариат должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному творчеству.

Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение; направляя его за пределы разума, они создают неотразимо тяжкие условия для всей будущей работы пролетариата и для всего прогресса страны.

Мне безразлично, как меня назовут за это мое мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазеров, но судьбы рабочего класса в России — небезразличны для меня.

И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию:

— Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 205,
19 декабря 1917 г.
(1 января 1918 г.)

Революция углубляется...

Бесшабашная демагогия людей, «углубляющих» революцию, дает свои плоды, явно гибельные для наиболее сознательных и культурных представителей социальных интересов рабочего класса. Уже на фабриках и заводах постепенно начинается злая борьба чернорабочих с рабочими квалифицированными; чернорабочие начинают утверждать, что токари, слесари, литейщики и т. д. суть «буржуи».

Революция все углубляется во славу людей, производящих опыт над живым телом рабочего народа.

А рабочие, сознающие трагизм момента, испытывают величайшую тревогу за судьбу революции.

«Боюсь, — пишет мне один из них, — что недалек уже тот день, когда массы, не удовлетворившись большевизмом, навсегда разочаруются в лучшем будущем, навсегда потеряют веру в социализм и повернут все взоры опять к прошлому, к черному монархизму, и тогда дело освобождения народов погибнет на сотни лет.

Я думаю, что это будет, ибо большевизм не осуществит всех чаяний некультурных масс, и вот, я не знаю, что нам, находящимся среди этих масс, делать для того, чтоб не дать угаснуть вере в социализм и в лучшую жизнь на земле».

«Положение мало-мальски развитого рабочего в среде обалдевшей массы становится похоже на то, как бы ты стал чужой для своих же», — сообщает другой.

Эти жалобы слышатся все чаще, предвещая возможность глубокого раскола в недрах рабочего класса. А иные рабочие говорят и пишут мне:

— «Вам бы, товарищ, радоваться, пролетариат победил!»

Радоваться мне нечему, пролетариат никого и ничего не победил. Как сам он не был побежден, когда полицейский режим держал его за глотку, так и теперь, когда он держит за глотку буржуазию — буржуазия еще не побеждена. Идеи не побеждают приемами физического насилия. Победители обычно — великодушны, — может быть, по причине усталости, — пролетариат не великодушен, как это видно по делу С. В. Паниной, Болдырева, Коновалова, Бернацкого, Карташева, Долгорукого и других, заключенных в тюрьму неизвестно за что.

Кроме названных людей в тюрьмах голодают тысячи, — да, тысячи! — рабочих и солдат.

Нет, пролетариат не великодушен и не справедлив, а ведь революция должна была утвердить в стране возможную справедливость.

Пролетариат не победил, по всей стране идет междоусобная бойня, убивают друг друга сотни и тысячи людей. В «Правде» сумасшедшие люди науськивают: бей буржуев, бей калединцев! Но буржуи и калединцы ведь это все те же солдаты — мужики, солдаты — рабочие, это их истребляют, и это они расстреливают красную гвардию.

Если б междоусобная война заключалась в том, что

Ленин вцепился в мелкобуржуазные волосы Милюкова, а Милюков трепал бы пышные кудри Ленина.

— Пожалуйста! Деритесь, паны!

Но дерутся не паны, а холопы, и нет причин думать, что эта драка кончится скоро. И не возрадуешься, видя, как здоровые силы страны погибают, взаимно истребляя друг друга. А по улицам ходят тысячи людей и, как будто бы сами над собой издеваясь, кричат: «Да здравствует мир!»

Банки захватили? Это было бы хорошо, если б в банках лежал хлеб, которым можно досыта накормить детей. Но хлеба в банках нет, и дети изо дня в день недоедают, среди них растет истощение, растет смертность.

Междоусобная бойня окончательно разрушает железные дороги; — если бы мужики дали хлеба, его не скоро подвезешь.

Но всего больше меня и поражает, и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда.

Есть, конечно, люди, которые ходят «гоголем», напоминая циркового борца, успешно положившего противника своего «на обе лопатки», — о этих людях не стоит говорить. Но в общем, в массе — не заметно, чтоб революция оживляла в человеке это социальное чувство. Человек оценивается так же дешево, как и раньше. Навыки старого быта не исчезают. «Новое начальство» столь же грубо, как старое, только еще менее внешне благовоспитано. Орут и топают ногами в современных участках, как и прежде орали. И взятки хапают, как прежние чинуши хапали, и людей стадами загоняют в тюрьмы. Все старенькое, скверненькое пока не исчезает.

Это плохой признак: он свидетельствует о том, что совершилось только перемещение физической силы, но это перемещение не ускоряет роста сил духовных.

А смысл жизни и оправдание всех мерзостей ее только в развитии всех духовных сил и способностей наших.

«Об этом — преждевременно говорить, сначала мы должны взять в свои руки власть».

Нет яда более подлого, чем власть над людьми, мы должны помнить это, дабы власть не отравила нас, превратив в людоедов еще более мерзких, чем те, против которых мы всю жизнь боролись.

*«Новая Жизнь» № 207,
21 декабря 1917 г.
(3 января 1918 г.)*

Стоит на берегу Фонтанки небольшая кучка обывателей и, глядя вдаль, на мост, запруженный черной толпою, рассуждает спокойно, равнодушно:

— Воров топят.

— Много поймали?

— Говорят — трех.

— Одного, молоденького, забили.

— До смерти?

— А то как же?

— Их обязательно надо до смерти бить, а то — житья не будет от них...

Солидный, седой человек, краснолицый и чем-то похожий на мясника, уверенно говорит:

— Теперь — суда нет, значит, должны мы сами себя судить...

Какой-то остроглазый, потертый человек спрашивает:

— А не очень ли просто это, — если сами себя?

Седой отвечает лениво и не взглянув на него:

— Проще — лучше. Скорей, главное.

Чу, воет!

Толпа замолчала, вслушиваясь. Издали, с реки, доносится дикий, тоскливый крик.

* * *

Уничтожив именем пролетариата старые суды, г. г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании «улицы» ее право на «самосуд», — звериное право. И раньше, до революции, наша улица любила бить, предаваясь этому мерзкому «спорту» с наслаждением. Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас, на Руси. «Дать в морду», «под душу», «под микитки», «под девятое ребро», «намылить шею», «накостылять затылок», «пустить из носу юшку» — все это наши русские милые забавы. Этим — хвастаются. Люди слишком привыкли к тому, что их «сызмала походя бьют», — бьют родители, хозяева, била полиция.

И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим «правом» с явным сладострастием, с

невероятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневным «бытовым явлением», и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы.

Рабочий Костин попытался защитить избиваемых, — его тоже убили. Нет сомнения, что изобьют всякого, кто решится протестовать против «самосуда» улицы.

Нужно ли говорить о том, что «самосуды» никого не устрашают, что уличные грабежи и воровство становятся все нахальнее?

Но самое страшное и подлое в том, что растет жестокость улицы, а вина за это будет возложена на голову рабочего класса, ведь неизбежно скажут, что «правительство рабочих распустило звериные инстинкты темной уличной массы». Никто не упомянет о том, как страшно болит сердце честного и сознательного рабочего от всех этих «самосудов», от всего хаоса расхлябавшейся жизни.

Я не знаю, что можно предпринять для борьбы с отвратительным явлением уличных кровавых расправ, но народные комиссары должны немедленно предпринять что-то очень решительное. Ведь не могут же они не сознавать, что ответственность за кровь, проливаемую озверевшей улицей, падает на них, и на класс, интересы которого они пытаются осуществить. Эта кровь грязнит знамена пролетариата, она пачкает его честь, убивает его социальный идеализм.

Больше, чем кто-либо, рабочий понимает, что воровство, грабеж, корыстное убийство — все это глубокие язвы социального строя, он понимает, что люди не родятся убийцами и ворами, а — делаются ими. И, — как это само собою разумеется, — сознательный рабочий должен с особенной силой бороться против «самосуда» улицы над людьми, которых нужда гонит к преступлению против «священного института собственности».

ПЛОДЫ ДЕМАГОГИИ

«Новая Жизнь» № 208,
22 декабря 1917 г.
(4 января 1918 г.)

Редакцией «Новой Жизни» получено нижеследующее письмо:

«Пушечный Округ Путиловского Завода.

Постановил вынести Вам, писателям из Новой Жизни

порицание, как Строеву, был когда-то писатель, а также Базарову, Гимер-Суханову, Горькому, и всем составителям Новой Жизни ваш Орган несоответствует настоящей жизни нашей общей, вы идете за оборонцами вслед. Но помните нашу рабочую Жизнь пролетариев не троньте, бывший в Воскресенье демонстрацией, не вами демонстрация проведена не вам и критиковать ее. А и вообще наша партия Большинство и мы поддерживаем своих политических вождей действительных социалистов освободителей народа от гнета Буржуазии и капиталистов, и Впредь если будут писаться такие контрреволюционные статьи то мы рабочие клянемся вот зарубите себе на лбу что закроем вашу газету, а если желательно осведомитесь у вашего Социалиста так называемого нейтралиста он был у нас на путиловском заводе со своими отсталыми речами спросите у него дали ему говорить да нет, да в скором времени вам воспретят и ваш орган он начинает равняться с кадетским, и если вы горькие, отсталые писатели будете продолжать свою полемику и с правительственным органом «Правда» то знайте прекратим в нашем Нарвско-Петергофском районе торговлю, адрес.

Путиловс завод Пушечн. Округ пишите отв. а то будут Репресии».

Свирепо написано!

С такой свирепостью рассуждают дети, начитавшись страшных книг Густава Эмара и воображая себя ужасными индейцами.

Конечно, — детей следует учить. И в поучение автору — или авторам сердитого письма — я скажу:

Нельзя так рассуждать, как рассуждаете вы:

«Демонстрация не вами проведена не вам и критиковать ее».

Политическое и экономическое угнетение рабочего класса тоже «не нами проведено», но мы всегда критиковали и будем критиковать всякую систему угнетения человека, кем бы эта система ни «проводилась».

Люди, имена которых названы в письме, боролись с самодержавием мошенников и подлецов не для того, чтобы оно заменилось самодержавием политических дикарей.

Нам угрожают, что если мы будем «продолжать полемику с правительственным органом «Правда», то...

Да, мы будем продолжать полемику с правительством, которое губит рабочий класс; мы считаем эту полемику нашим долгом, — долгом честных граждан и независимых социалистов.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая жизнь» № 209,
23 декабря 1917 г.
(5 января 1918 г.)

Хотят арестовать Ираклия Церетели, талантливого политического деятеля, честнейшего человека.[17]

За борьбу против монархии, за его защиту интересов рабочего класса, за пропаганду идей социализма, старое правительство наградило Церетели каторгой и туберкулезом.

Ныне правительство, действующее якобы от имени и по воле всего пролетариата, хочет наградить Церетели тюрьмой — за что? Не понимаю. Я знаю, что Церетели опасно болен, но, — само собой разумеется, я не посмел бы оскорбить этого мужественного человека, взывая о сострадании к нему. Да — и к кому бы я взывал? Серьезные, разумные люди, не потерявшие головы, ныне чувствуют себя «в пустыне, — увы! — не безлюдной». Они — бессильны в буре возбужденных страстей. Жизнью правят люди, находящиеся в непрерывном состоянии «запальчивости и раздражения». Это состояние признается законом одною из причин, дающих преступнику право на снисхождение к нему, но — это все-таки состояние «вменяемости».

«Гражданская война», т. е. взаимоистребление демократии к злорадному удовольствию ее врагов, затеяна и разжигается этими людьми. И теперь уже и для пролетариата, околдованного их демагогическим красноречием, ясно, что ими руководят не практические интересы рабочего класса, а теоретическое торжество анархо-синдикалистских идей.[18]

Сектанты и фанатики, постепенно возбуждая несбыточные, неосуществимые в условиях действительности надежды и инстинкты темной массы, они изолируют пролетарскую, истинно социалистическую, сознательно революционную интеллигенцию, — они отрывают у рабочего класса голову.

И если они решаются играть судьбою целого класса, — что им до судьбы одного из старых, лучших товарищей своих, до жизни одного из честнейших рыцарей социализма? Как для полоумного протопопа Аввакума, для них догмат выше человека.

Чем все это кончится для русской демократии, которую так упорно стараются обезличить?

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

*«Новая жизнь» № 210,
24 декабря 1917 г.
(6 января 1918 г.)*

Да, — мы переживаем бурю темных страстей, прошлое вскрыло пред нами свои глубочайшие недра и показывает нам, до чего отвратительно искажен человек, вокруг нас мечется вьюга жадности, ненависти, мести; зверь, раздраженный долгим пленом, истерзанный вековыми муками, широко открыл мстительную пасть и, торжествуя, ревет злопамятно, злорадно.

Но — все подлое и скверное, что есть на земле, сделано и делается нами, и все прекрасное, разумное, к чему стремимся мы, — в нас живет.

Вчерашний раб сегодня видит своего владыку поверженным во прах, бессильным, испуганным, — зрелище величайшей радости для раба, пока еще не познавшего радость более достойную человека — радость быть свободным от чувства вражды к ближнему.

Но и эта радость будет познана, — не стоит жить, если невозможно верить в братство людей, жизнь бессмысленна, если нет уверенности в победе любви.

Да, да — мы живем по горло в крови и грязи, густые тучи отвратительной пошлости окружают нас и ослепляют многих; да, порою кажется, что эта пошлость отравит, задушит все прекрасные мечты, рожденные нами в трудах и мучениях, все факелы, которые зажгли мы на пути к возрождению.

Но человек, все-таки, — человек и, в конце концов, побеждает только человеческое, — в этом великий смысл жизни всего мира, иного смысла нет в ней.

Может быть, мы погибнем?

Лучше сгореть в огне революции, чем медленно гнить в помойной яме монархии, как мы гнили до февраля.

Мы, Русь, очевидно, пришли ко времени, когда все наши люди, возбужденные до глубины души, должны смыть, сбросить с себя веками накопленную грязь нашего быта, убить нашу славянскую лень, пересмотреть все навыки и привычки наши, все оценки явлений жизни, оценки идей, человека, мы должны возбудить в себе все силы и способности и, наконец, войти в общечеловеческую работу устроения планеты нашей, — новыми, смелыми, талантливыми работниками.

Да, наше положение глубоко трагично, но всего выше человек — в трагедии.

Да, жить — трудно, слишком много всплыло на поверхность жизни мелкой злости, и нет священного озлобления против пошлости, озлобления, убийственного для нее.

Но, как сказал Синезий, епископ Птолемаиды:

«Для философа необходимо спокойствие души — искусного кормчего воспитывают только бури».

Будем верить, что те, кто не погибнет в хаосе и буре, — окрепнут и воспитают в себе непоколебимую силу сопротивления древним, зверским началам жизни.

Сегодня — день Рождения Христа, одного из двух величайших символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте.

Христос — бессмертная идея милосердия и человечности и Прометей — враг богов, первый бунтовщик против Судьбы, — человечество не создало ничего величественнее этих двух воплощений желаний своих.

Настанет день, когда в душах людей символ гордости и милосердия, кротости и безумной отваги в достижении цели — оба символа скипятся в одно великое чувство и все люди сознают свою значительность, красоту своих стремлений и единокровную связь всех со всеми.

В эти страшные для многих дни мятежа, крови и вражды не надо забывать, что путем великих мук, невыносимых испытаний, мы идем к возрождению человека, совершаем мирское дело раскрепощения жизни от тяжких, ржавых цепей прошлого.

Будем же верить сами в себя, будем упрямо работать, все в нашей воле, и нет во вселенной иного законодателя, кроме нашей разумной воли.

Всем, кто чувствует себя одиноко среди бури событий, чье сердце точат злые сомнения, чей дух подавлен тяжелой скорбью — душевный привет!

И душевный привет всем безвинно заключенным в тюрьмах.

(БЕЗ ЗАГЛАВИЯ)

«Новая Жизнь» № 214,
21 декабря 1917 г.
(13 января 1918 г.)

Что даст нам Новый год? Все, что мы способны сделать.

Но для того чтоб стать дееспособными людьми, необходимо верить, что эти бешеные, испачканные грязью и кровью дни — великие дни рождения новой России.

Да, вот именно теперь, когда люди, оглушаемые проповедью равенства и братства, грабят на улицах ближнего своего, раздевая его догола, когда борьба против идола собственности не мешает людям зверски истязать и убивать мелких нарушителей закона о неприкосновенности собственности, когда «свободные граждане», занявшись торговлишкой, обирают друг друга безжалостно и бесстыдно, — в эти дни чудовищных противоречий рождается Новая Россия.

Тяжелые роды — в шуме разрушения старых форм жизни, среди гнилых обломков грязной казармы, в которой народ задыхался триста лет и которая воспитала его мелочно злобным и очень бесталанным.

В этом взрыве всей низости и пошлости, накопленной нами под свинцовым колпаком отвратительнейшей из монархий, в этом извержении грязного вулкана погибает старый русский человек, самовлюбленный лентяй и мечтатель, и на место его должен прийти смелый и здоровый работник, строитель новой жизни.

Теперь русский человек не хорош, — не хорош больше, чем когда-либо. Не уверенный в прочности своих завоеваний, не испытавший чувства радости к свободе, он ощетинился мелконькой злостью и все еще пробует — действительно ли свободен он? Дорого стоят эти пробы и ему и объектам его опытов.

Но жизнь, суровая и безжалостная учительница наша, скоро захватит его цепью необходимостей, и они заставят его работать, заставят забыть в дружном труде все то мелочное, рабье и постыдное, что одолевает его сейчас.

Новые люди создаются новыми условиями бытия, — новые условия создают новых людей.

В мир идет человек, не испытавший мучения рабства, не искаженный угнетением, — это будет человек, не способный угнетать.

Будем верить, что этот человек почувствует культурное значение труда и полюбит его. Труд, совершаемый с любовью — становится творчеством.

Только бы человек научился любить свою работу, — все остальное приложится.

ПЛОДЫ ДЕМАГОГИИ

«Новая Жизнь» № 3 (217),
5 (18) января 1918 г.

Группа служащих в Петроградских общественных учреждениях пишет мне нижеследующее:

«Знакомясь с Вашими прежними литературными произведениями, представляешь Вас самым чутким к требованиям момента и особенно добрым душою к угнетенным народам. Зная также, каким авторитетом было Ваше мнение в народе, мы ждали и теперь услышать от Вас сильное слово, объединяющее всех трудящихся, но никак не то, что Вы пишете в Ваших «плодах демагогии» («Новая Жизнь» № 208). Читая эти строки, не понимаешь, что Вы этим хотели сказать «детям» Путиловского завода, нам думается, что многое Вами не досказано по этому важному вопросу, или Вы это сделали сознательно, дабы не сразу понял средний человек в чем дело, или просто Вам не хочется ответить на него яснее и подробнее. Нам думается, что если детей этих Вы хотите учить, и если дитя спрашивает, то учитель должен ответить на все их вопросы ясно, определенно и что особенно важно, — беспристрастно, а Вы как будто этого не сделали, а лишь полемизируете».

Не понимаю недоумения «группы служащих», — мне кажется, я отвечал авторам письма с Путиловского завода вполне вразумительно и ясно.

Они написали мне: «Если вы будете критиковать правительство Народных комиссаров, мы закроем «Новую Жизнь».

Я ответил: «Новая Жизнь» будет критиковать правительство Народных Комиссаров, как и всякое другое правительство». Для вящего поучения я прибавил:

«Люди, работающие в «Новой Жизни», не для того боролись с самодержавием подлецов и мошенников, чтобы оно заменилось самодержавием дикарей».

Ибо угроза физическим насилием есть угроза дикарская, свободные граждане не должны прибегать к таким приемам в идейной борьбе.

Все ясно, как нельзя более, — чего же не понимает «группа служащих»?

Далее «группа служащих» пишет:

«Еще не можем понять, чем по-вашему и как может Правительство Советов, в которых преобладает рабочий класс — «губить рабочий класс».

— Это похоже на то, как взять себя за волосы и поднять до горы».

Из того, что «рабочий класс преобладает в Правительстве», еще не следует, что рабочий класс понимает все, что делается Правительством. «Правительство Советов» внушает рабочим, что в России возможно осуществление социалистического строя.

«Новая Жизнь» целым рядом статей, не встретивших возражений по существу со стороны органов правительства, утверждала — и впредь будет утверждать, — что в нашей стране нет должных условий для введения социализма и что правительство Смольного относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно зажигает хворост для того, чтобы попробовать — не загорится ли от русского костра общеевропейская революция?

Это значит — действовать «на авось», не жалея рабочий класс, не думая о его будущем и о судьбе России — пусть она сгорит бессмысленно, пусть обратится в пепел, лишь бы произвести опыт.

Так действуют фанатики и утописты, но так не может действовать разумная и культурная часть рабочего класса.

Вот я и твержу: с русским пролетариатом производят опыт, за который пролетариат заплатит своей кровью, жизнью и — что хуже всего — длительным разочарованием в самом идеале социализма.

Надо помнить, что если «безрассудство царей способно уничтожать целые поколения», то ведь этого «безрассудства» не лишены все люди, опьяняемые ядом власти.

Письмо «группы служащих» написано злобно и укра-

шено различными экивоками, вроде указания на мою «собственную виллу» и т. д.

Раз навсегда заявляю этой «группе» и другим любителям экивоков, что у меня не было и нет «собственной виллы», я живу на капитал моего жизненного опыта и моих знаний, чего от души и желаю как «группе служащих», так и всем иным людям, которые искренно ненавидят «собственность» до поры, пока не обладают ею. Но если б у меня была собственная вилла, — я не чувствовал бы себя грешником.

Хочется спросить «группу» и всех других авторов злых посланий ко мне: почему вы, граждане, все злитесь: отчего ваши письма насыщены таким раздражением, такими придирочками и колкостями?

Ведь вы теперь уже не «угнетенные народы», а победители, вы должны испытывать радость победы, спокойную уверенность людей, священные надежды которых осуществляются. Вы так долго и терпеливо ждали справедливости в отношении к вам — теперь ваша обязанность быть справедливыми ко всем, заботиться о торжестве желанной справедливости во всем мире.

А вы все злитесь, все кричите и ругаетесь. Зачем же?

Вы не измените отвратительных условий жизни, не изменив ваших чувств, вашего отношения к самим себе и ближнему.

9 ЯНВАРЯ — 5 ЯНВАРЯ

«Новая Жизнь» № 6 (220),
9 (22) января 1918 г.

9-го января 1905 г., когда забитые, замордованные солдаты расстреливали, по приказу царской власти, безоружные и мирные толпы рабочих — к солдатам — невольным убийцам — подбегали интеллигенты, рабочие и в упор, в лицо — кричали им:

— Что вы делаете, проклятые? Кого убиваете? Ведь это ваши братья, они безоружны, они не имеют зла против вас, — они идут к царю просить его внимания к их нужде. Они даже не требуют, а просят, без угроз, беззлобно и покорно! Опомнитесь, что вы делаете, идиоты!

Казалось, что эти простые, ясные слова, вызванные тоской и болью за безвинно убиваемых рабочих, должны бы найти дорогу к сердцу «кроткого» русского мужичка, одетого в серую шинель.

Но кроткий мужичок или бил прикладом совестливых людей, или колол их штыком, или же орал, вздрагивая от злобы:

— Расходись, стрелять будем!

Не расходились, и тогда он метко стрелял, укладывая на мостовую десятки и сотни трупов.

Большинство же солдат царя отвечало на упреки и уговоры унылым, рабским словом:

— Приказано. Мы ничего не знаем, — нам приказано...

И, как машины, они стреляли в толпы людей. Неохотно, может быть, — скрепя сердце, но — стреляли.

5-го января 1918-го безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировала в честь Учредительного Собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания, — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была сорганизована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы».

«Правда» лжет, — она прекрасно знает, что «буржуям» нечего радоваться по поводу открытия Учредительного Собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков.[19]

«Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта.

«Буржуи», может быть, радовались, когда они видели, как солдаты и красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но, возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех «буржуев», ибо ведь и среди них есть честные люди, искренно любящие свой народ, свою страну.

Одним из таких был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверями.[20]

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.

И точно так же, как 9 января 1905 года, люди, не потерявшие совесть и разум, спрашивали стрелявших:

— Что вы делаете, идиоты? Ведь это свои идут! Видите — везде красные знамена, и нет ни одного плаката, враждебного рабочему классу, ни одного возгласа, враждебного вам!

И так же, как царские солдаты — убийцы по приказу, отвечают:

— Приказано! Нам приказано стрелять.

И так же, как 9 января 1905 г., обыватель, равнодушный ко всему и всегда являющийся только зрителем трагедии жизни, восхищался:

— Здорово садят!

И догадливо соображал:

— Эдак они скоро друг друга перехлопают!

Да, скоро. Среди рабочих ходят слухи, что красная гвардия с завода Эриксона стреляла по рабочим Лесного, а рабочие Эриксона подверглись обстрелу красной гвардии какой-то другой фабрики.

Этих слухов — много. Может быть, они — не верны, но это не мешает им действовать на психологию рабочей массы совершенно определенно.

Я спрашиваю «народных комиссаров», среди которых должны же быть порядочные и разумные люди:

Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции?

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай всё и все погибают?

ИНТЕЛЛИГЕНТУ ИЗ НАРОДА[21]

«Новая Жизнь» № 7 (221),
11 (24) января 1918 г.

Вы заканчиваете Вашу статью в «Правде» такими словами:

«Хочется верить, что Горький отвернулся от переживаемой нами социальной революции только потому, что не рассмотрел в первые смутные дни ее подлинного прекрасного лица, но что он уже начинает его видеть и скоро возрадуется и воспечалится вместе со всеми, кто живет радостями и печалями нашей октябрьской революции».

Нет, почтенный товарищ, я не «возрадуюсь» с Вами, да не верю, чтоб и Вы радовались. Чему радоваться? Тому ли, что истинно революционный, но количественно ничтожный российский пролетариат истребляется в междоусобной бойне на юге? Тому ли, что его начали расстреливать на улицах Петербурга? Тому ли, что его рабочая интеллигенция, плоть от плоти его, терроризируется темной массой и тонет в ней, не имея сил влиять на нее? Тому ли, что промышленность страны, — разрушенная в корне, — делает невозможным дальнейший рост рабочего класса?

Социальная революция без пролетариата — нелепость, бессмысленная утопия, а через некоторое время пролетариат исчезнет, перебитый в междоусобице, развращенный той чернью, о которой вы говорите. Пролетариат без демократии висит в воздухе, вы отталкиваете демократию от пролетариата.

С кем будете вы творить социальную революцию — с крестьянством? С солдатом? Штыком и пулей? — Поймите, — сейчас идет не процесс социальной революции, а надолго разрушается почва, которая могла бы сделать эту революцию возможной в будущем. Вожди пролетариата, — как я не однажды говорил, — употребляют его как горючий материал, чтобы зажечь общеевропейскую революцию.

Раньше, чем это нам удастся, русский рабочий народ будет раздавлен европейским солдатом. Неужели Вы верите, что Германия, Англия, Франция, Япония позволят вам, бессильным, безоружным, раздувать пламя, которое может пожрать их?

Не верьте в это, дорогой товарищ.

Мы — одиноки и таковыми пробудем до поры, пока безумие наше не побудит нас истреблять друг друга.

А друзья за рубежом?

За рубежом — прекрасно дисциплинированные и патриотически настроенные те солдаты, которые считают нас — одни: предателями и изменниками, другие — бессильным народом, совершенно неспособным к государственному творчеству.

Нет, радоваться нечему, товарищ, но опомниться — пора! Если — не поздно.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 9 (223),
13 (26) января 1918 г.

«Война, бесспорно, сыграла огромную роль в развитии нашей революции. Война материально дезорганизовала абсолютизм, внесла разложение в армию, привила дерзость массовому обывателю. Но, к счастью для нас, война не создала революции, к счастью, потому что революция, созданная войною, есть бессильная революция. Она возникает на почве исключительных условий, опирается на внешнюю силу, — и, в конце концов, оказывается неспособной удержать захваченные позиции».

Эти умные и даже пророческие слова сказаны в 1905 г. Троцким, я взял их из его книги «Наша революция», где они красуются на 5-й странице. С той поры прошло немало времени, и теперь Троцкий, вероятно, думает иначе — во всяком случае, он уже, наверное, не решится сказать, что «революция, созданная войною, есть бессильная революция».

А, между тем, эти слова не потеряли своего смысла и правды, — текущие события всею силою своею, всем своим ходом подтверждают правду этих слов.

Война — 14—17 годов — дала власть в руки пролетариата, именно — дала, никто не скажет, что пролетариат сам, своею силою, взял в руки власть — она попала в руки его потому, что защитник царя, солдат, замученный трехлетней войною, отказался от защиты интересов Романова, которые он так ревностно отстаивал в 1906 году, истребляя революционный пролетариат. Необходимо помнить, что революция начата солдатами Петроградского гарнизона и что когда эти солдаты, сняв шинели, разойдутся

по деревням, — пролетариат останется в одиночестве, не очень удобном для него.

Было бы наивно и смешно требовать от солдата, вновь преобразившегося в крестьянина, чтоб он принял как религию для себя идеализм пролетария и чтоб он внедрял в своем деревенском быту пролетарский социализм.

Мужик за время войны, а солдат в течение революции кое-что нажил, и оба хорошо знают, что на Руси всего лучше обеспечивают свободу человека — деньги. Попробуйте разрушить это убеждение или хотя бы поколебать его.

Надо помнить, что в 905 году пролетариат был и количественно, и качественно сильнее, чем теперь, и что тогда промышленность не была разрушена до основания.

Революция, созданная войной, неизбежно окажется бессильной, если вместо того, чтобы посвятить всю свою энергию социальному творчеству, пролетариат, повинуясь своим вождям, станет с корнем уничтожать «буржуазные» технические организации, механикою которых он должен овладеть и работу которых ему надлежит контролировать.

Революция погибнет от внутреннего истощения, если пролетариат, подчиняясь фанатической непримиримости народных комиссаров, станет все более и более углублять свой разрыв с демократией. Идеология пролетариата не есть идеология классового эгоизма, лучшие учителя его, Маркс, Каутский и др., возлагают на его честную силу обязанность освободить людей от социального и экономического рабства.

Жизнью мира движет социальный идеализм — великая мечта о братстве всех со всеми — думает ли пролетариат, что он осуществляет именно эту мечту, насилуя своих идейных врагов? Социальная борьба не есть кровавый мордобой, как учат русского рабочего его испуганные вожди.

Революция — великое, честное дело, дело, необходимое для возрождения нашего, а не бессмысленные погромы, разрушающие богатство нации. Революция окажется бессильною и погибнет, если мы не внесем в нее все лучшее, что есть в наших сердцах, и если не уничтожим или хотя бы не убавим жестокость, злобу, которые, опьяняя массы, порочат русского рабочего-революционера.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 11 (225),
17 (30) января 1918 г.

Все, что заключает в себе жестокость или безрассудство, всегда найдет доступ к чувствам невежды и дикаря.

Недавно матрос Железняков[22], переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей.

Я не считаю это заявление хвастовством, и хотя решительно не признаю таких обстоятельств, которые смогли бы оправдать массовые убийства, но — думаю, — что миллион «свободных граждан» у нас могут убить. И больше могут. Почему не убивать?

Людей на Руси — много, убийц — тоже достаточно, и когда дело касается суда над ними — власть народных комиссаров встречает какие-то таинственные препятствия, как она, видимо, встретила их в деле по расследованию гнуснейшего убийства Шингарева и Кокошкина. Поголовное истребление несогласномыслящих, — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди — почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема?

Он и не отказывается, откровенно заявляя, что не побрезгует ничем для искоренения врагов.

Но я думаю, что в результате таких заявлений мы получим длительную и жесточайшую борьбу всей демократии и лучшей части рабочего класса против той зоологической анархии, которую так деятельно воспитывают вожди из Смольного.

Вот чем грозят России упрощенные переводы анархо-коммунистических лозунгов на язык родных осин.

* * *

Пр. — прапорщик или профессор? — Роман Петкевич пишет мне: «Ваш спор с большевизмом глубочайшая ошибка, вы боретесь против духа нации, стремящегося к возрождению. В большевизме выражается особенность русского духа, его самобытность. Обратите же внимание: каждому свое! Каждая нация создает свои особенные,

индивидуальные, только ей свойственные приемы и методы социальной борьбы. Французы, итальянцы — анархо-синдикалисты, англичане наиболее склонны к тред-юнионам, а казарменный социал-демократизм немцев как нельзя более соответствует их бездарности.

Мы же, по пророчеству великих наших учителей — напр., Достоевского и Толстого, — являемся народом — Мессией, на который возложено идти дальше всех и впереди всех. Именно наш дух освободит мир из цепей истории».

И т. д. в тоне московского неославянофильства, которое так громко визжало в начале войны.

До чего же бесприютен русский человек!

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 13 (227),
19 января (1 февраля) 1918 г.

Всякое правительство — как бы оно себя ни именовало — стремится не только «управлять» волею народных масс, но и воспитывать эту волю сообразно своим принципам и целям. Наиболее демагогические и ловкие правительства обычно прикрашивают свое стремление управлять народной волей и воспитывать ее словами: «мы выражаем волю народа».

Это, разумеется, не искренние слова, ибо, в конце концов, интеллектуальная сила правительства одолевает инстинкты масс, если же это не удается правящим органам, они употребляют для подавления враждебной их целям народной воли физическую силу.

Резолюцией, заранее удуманной в кабинете, или штыком и пулей, но правительство всегда и неизбежно стремится овладеть волею масс, убедить народ в том, что оно ведет его по самому правильному пути к счастью.

Эта политика является неизбежной обязанностью всякого правительства; будучи уверенным, что оно разум народа, оно принуждает позицией своей внушать народу убеждение в том, что он обладает самым умным и честным правительством, искренно преданным интересам народа.

Народные комиссары стремятся именно к этой цели, не стесняясь — как не стесняется никакое правительство — расстрелами, убийствами и арестами несогласных с ним, не стесняясь никакой клеветой и ложью на врага.

Но, воспитывая доверие к себе, народные комиссары,

вообще плохо знающие «русскую стихию», совершенно не принимают в расчет ту страшную психическую атмосферу, которая создана бесплодными мучениями почти четырехлетней войны и благодаря которой «русская стихия» — психология русской массы — сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной.

Г. г. народные комиссары совершенно не понимают того факта, что когда они возглашают лозунги «социальной» революции — духовно и физически измученный народ переводит эти лозунги на свой язык несколькими краткими словами:

— Громи, грабь, разрушай...

И разрушает редкие гнезда сельскохозяйственной культуры в России, разрушает города Персии, ее виноградники, фруктовые сады, даже оросительную систему[23], разрушает все и повсюду.

А когда народные комиссары слишком красноречиво и панически кричат о необходимости борьбы с «буржуем», темная масса понимает это как прямой призыв к убийствам, что она доказала.

Говоря, что народные комиссары «не понимают», какое эхо будят в народе их истерические вопли о назревающей контрреволюции, я сознательно делаю допущение, несколько объясняющее безумный образ их действий, но отнюдь не оправдываю их. Если они влезли в «правительство», они должны знать, кем и при каких условиях они управляют.

Народ изболел, исстрадался, измучен неописуемо, полон чувства мести, злобы, ненависти, и эти чувства все растут, соответственно силе своей организуя волю народа.

Считают ли себя г. г. народные комиссары призванными выражать разрушительные стремления этой больной воли? Или они считают себя в состоянии оздоровить и организовать эту волю? Достаточно ли сильны и свободны они для выполнения второй, настоятельно необходимой работы?

Этот вопрос они должны бы поставить перед собою со всей прямотой и решительностью честных людей. Но нет никаких оснований думать, что они способны поставить на суд разума и совести своей этот вопрос.

Окруженные взволнованной русской стихией, они ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бессильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбуженного ими зверя.

«ВЕСЕЛЕНЬКОЕ»

«Новая Жизнь» № 15 (229),
21 января (3 февраля) 1918 г.

Приехал человек из Москвы и, посмеиваясь, рассказывает:

«Идет ночью по улице некий рабочий, вдруг — из-за угла, навстречу ему два героя в солдатских шинелях с винтовками:

— Стой, — кричат. — Оружие есть?

Он выхватил револьвер из кармана и, не оплошав, нацелился на них.

— Есть, — говорит. — Руки вверх!

Герои испугались — винтовки то у них, видимо, не заряжены были, а он — командует:

— Клади винтовки на землю. Снимайте шинели. Теперь — сапоги снимайте. А теперь — штаны. Ну, а теперь — бегите вдоль улицы и кричите — «караул».

Герои все это покорно исполнили, бегут босые и без штанов по снегу и добросовестно орут:

— Караул!

А рабочий платье их оставил на панели, винтовки снес в комиссариат и рассказал там это веселенькое приключение.

...Другой случай, подобный этому, разыгрался около Пушкина; напали двое воров на артельщика, который шел с завода к станции, напали — приказывают:

— Давай оружие!

Отдал он им незаряженный револьвер, а другой, с патронами, в заднем кармане брюк лежит. Сняли с него шубу, отобрали 52 тысячи денег и хотят идти своим путем, сказав ему:

— Благодари Бога, что цел остался.

С другим бы тем и кончилось, но артельщик был парень не дурак, взмолился он к ним:

— Братцы. Я человек служащий, деньги это не мои, а — заводские, хозяйские, жалованье рабочим, не поверят мне, что меня ограбили, скажут — сам я украл деньги. Знаков на мне никаких нет — прошу я вас: вот у меня еще две тысячи своих денег есть, я их отдаю вам, а вы мне постреляйте в пиджак, чтобы видно было — нападали на меня.

Воры — добрые ребята, поняли его затею, даже развеселились и давай ему пиджак расстреливать, он отведет

полу в сторону, а они бац-бац в упор по пиджаку, так что даже материя тлеет.

— Ну, — говорят, — довольно.

А он просит их:

— Еще разик.

— Больше, — говорят, — патронов нет.

— Нет?

— Ни одного.

— Ну, когда так, — сказал артельщик, вынув заряженный револьвер, — давайте назад деньги, шубу, а то я вас...

Что делать? Струсили ребята, отдали все назад ему, а он, усмотрев в стороне около сторожки какие-то сани, говорит им:

— Тащите сани — везите меня на станцию.

Они повезли. Повезешь, коли затылок пули ждет».

* * *

Таких и подобных анекдотов становится все больше; их рассказывают почти без возмущения, веселеньким тоном. Хотят ли за этим скрыть то страшное, чем насыщен анекдот, или скрывают смутно чувствуемое собственное одичание?

Этого я не понимаю, но для меня ясно, что грабители, буйствующие на улицах, — самые обыкновенные русские люди и даже, может быть, милые люди, из тех, что привыкли жить «на авось». И вот именно то, что это люди «обыкновенные» — самое страшное.

Я думаю, что уличные подвиги рождаются так: сидят где-нибудь в уголке двое обыкновенных людей и, не торопясь, рассуждают:

— Однако — дожили до полной свободы.

— Н-да, полиции — нет, судов нет...

— Чудно.

И, поговорив об этом новом, непривычном быте, люди, у которых нет никаких представлений о праве, культуре, о ценности жизни, люди, которые воспитывались в государстве, где министры вели себя, как профессиональные воры, эти люди соображают:

— А что, если пойти на улицу, да облегчить какого-нибудь буржуя?

— Выходи из своей шубы?

— Да?

— Что ж, я в газете читал — их раздевать можно!

— Айда?

— Идем. Авось — заработаем.

Выходят и — работают. Иногда им приходится убить непокорного буржуя, иногда их ловят и «самосудом» избивают насмерть.

И оба факта — убийство, самосуд — поражают своей ужасающей «простотой».

Так и мчится жизнь: одни грабят, убивают, другие — топят и расстреливают грабителей, третьи говорят и пишут об этом. И все — «просто». Даже — весело порою.

Но когда вспомнишь, что все это происходит в стране, где жизнь человека до смешного дешева, где нет уважения к личности и труду ее, когда подумаешь, что «простота» убийства становится «привычкой», «бытовым явлением» — делается страшно за Россию. И становятся как-то страшно понятны такие случаи. Пришло трое людей в гости к знакомому, но что-то не понравилось гостям в хозяине, и они разрубили его на двенадцать частей, собрали кусочки в мешки и бросили в Обводный канал. Просто.

А убийство Шингарева и Кокошкина. Есть что-то невыразимо гнусное в этом убийстве больных людей, измученных тюрьмою.

Пусть они понимали благо родины более узко, чем это понимают другие, но никто не посмеет сказать, что они не работали для народа, не страдали за него. Это были честные русские люди, а честных людей накоплено нами немного.

И вот их убили, убили гнусно и «просто».

Я спрашиваю себя: если бы я был судьею, мог бы я судить этих «простецов»?

И, мне кажется, — не мог бы. А защищать их? Тоже не мог бы.

Нет у меня сил ни для суда, ни для защиты этих людей, созданных проклятой нашей историей на позор нам, на глумление всему миру.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 43 (258),
16 (3) марта 1918 г.

Известная часть нашей интеллигенции, изучая русское народное творчество по немецкой указке, тоже очень быстро дошла до славянофильства, панславизма, «мессианства», заразив вредной идеей русской самобытности

другую часть мыслящих людей, которые, мысля по-европейски, чувствовали по-русски, и это привело их к сентиментальному полубожанию «народа», воспитанного в рабстве, пьянстве, мрачных суевериях церкви и чуждого мечтам интеллигенции.

Русский народ, — в силу условий своего исторического развития, — огромное дряблое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты; русская интеллигенция — болезненно распухшая от обилия чужих мыслей голова, связанная с туловищем не крепким позвоночником единства желаний и целей, а какой-то еле различимой тоненькой нервной нитью.

Забитый до отупения жестокой действительностью, пьяненький, до отвращения терпеливый и по-своему хитренький московский народ всегда был и остается совершенно чужд психологически российскому интеллигенту, богатому книжными знаниями и нищему знанием русской действительности. Тело плотно лежит на земле, а голова выросла высоко в небеса, — издали же, как известно, все кажется лучше, чем вблизи.

Конечно, мы совершаем опыт социальной революции, — занятие, весьма утешающее маньяков этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликов. Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное!»

Грабят — изумительно, артистически; нет сомнения, что об этом процессе самоограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом.

Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдок и продают их по 25 руб. за штуку. Это очень «самобытно», и мы можем гордиться — ничего подобного не было даже в эпоху Великой Французской революции.

Честные люди, которых у нас всегда был недостаток, ныне почти совсем перевелись; недавно я слышал приглашение такого рода:

— Поезжайте к нам, товарищ, а то у нас, кроме трех рабочих, ни одного честного человека нет!

И вот этот маломощный, темный, органически склонный

к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией Европы.

Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народных комиссаров. Но «вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси.

Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил?

А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так — вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное. Вы не любите, не умеете работать? Тогда, при всех иных ваших качествах, как бы они ни были превосходны, вы — лишний человек в мастерской мира. Вот и все.

А так как россияне работать не любят и не умеют, и западно-европейский мир это их свойство знает очень хорошо, то — нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...

* * *

Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышей монархии, и, в то же время, она отбросила в сторону от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны. Мы видим, что среди служителей Советской власти то и дело ловят взяточников, спекулянтов, жуликов, а честные, умеющие работать люди, чтоб не умереть от голода, торгуют на улицах газетами, занимаются физическим трудом, увеличивая массы безработных.

Это — кошмар, это чисто русская нелепость, и не грех сказать — это идиотизм!

Все условия действительности повелительно диктуют необходимость объединения демократии, для всякого разумного человека ясно, что только единство демократии позволит спасти революцию от полной гибели, поможет ей одолеть внутреннего врага и бороться с внешним. Но Советская власть этого не понимает, будучи занята исключительно делом собственного спасения от гибели, неизбежной для нее.

Устремив взоры свои в даль грядущего, она забывает о том, что будущее создается из настоящего. В настоящем страна имеет дезорганизованный рабочий класс, истребляемый в междоусобной бойне, разрушенную до основания промышленность, ощипанное догола государство, отданное на поток и разграбление людям звериных инстинктов.

Власть бессильна в борьбе с этими людьми, бессильна, сколько бы она ни расстреливала «нечаянно» людей, ни в чем не повинных.

И она будет бессильна в этой борьбе до поры, пока не решится привлечь к делу строительства жизни все интеллектуальные силы русской демократии.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 44 (259),
17 (4) марта 1918 г.

Сегодня «Прощеное Воскресенье».

По стародавнему обычаю в этот день люди просили друг у друга прощения во взаимных грехах против чести и достоинства человека. Это было тогда, когда на Руси существовала совесть; когда даже темный, уездный русский народ смутно чувствовал в душе своей тяготение к социальной справедливости, понимаемой, может быть, узко, но все-таки — понимаемой.

В наши кошмарные дни совесть издохла. Все помнят, как русская интеллигенция, вся, без различия партийных уродств, возмущалась бессовестным делом Бейлиса и подлым расстрелом ленских рабочих, еврейскими погромами и клеветой, обвинявшей всех евреев поголовно в измене России. Памятно и возбуждение совести, вызванное процессом Половнева, Ларичкина и других убийц Иоллоса, Герценштейна.

Но вот убиты невинные и честные люди Шингарев, Кокошкин, а у наших властей не хватает ни сил, ни совести предать убийц суду.

Расстреляны шестеро юных студентов, ни в чем не повинных, — это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей.

Десятками избивают «буржуев» в Севастополе, в Евпатории, — и никто не решается спросить творцов «социальной» революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?

Издохла совесть. Чувство справедливости направлено на

дело распределения материальных благ, — смысл этого «распределения» особенно понятен там, где нищий нищему продаст под видом хлеба еловое полено, запеченное в тонкий слой теста. Полуголодные нищие обманывают и грабят друг друга — этим наполнен текущий день. И за все это — за всю грязь, кровь, подлость и пошлость — притаившиеся враги рабочего класса возложат со временем вину именно на рабочий класс, на его интеллигенцию, бессильную одолеть моральный развал одичавшей массы. Где слишком много политики, там нет места культуре, а если политика насквозь пропитана страхом перед массой и лестью ей — как страдает этим политика советской власти — тут уже, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, об уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именует «сентиментальностью», но без чего — нельзя жить.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 47 (262), 21 (8) марта 1918 г.

Гражданин Мих. Надеждин спрашивает меня в «Красной Газете»:

«Скажите, — при крепостном праве, когда мужиков сотнями запарывали насмерть, — была ли жива тогда совесть?.. И чья?»

Да, в ту проклятую пору, вместе с тем, как расширялось физическое право насилия над человеком, вспыхнул и ярко осветил душный мрак русской жизни прекрасный пламень совести. Вероятно, Мих. Надеждину памятны имена Радищева и Пушкина, Герцена и Чернышевского, Белинского, Некрасова, огромного созвездия талантливейших русских людей, которые создали исключительную по оригинальности своей литературу, исключительную потому, что вся она целиком и насквозь была посвящена вопросам совести, вопросам социальной справедливости. Именно эта литература воспитала революционную энергию нашей демократической интеллигенции, влиянию этой литературы русский рабочий обязан своим социальным идеализмом.

Так что «совесть вколачивалась» не только «палками и нагайками», как утверждает М. Надеждин, она была в душе народа, как утверждали это Толстые, Тургеневы, Григоровичи и целый ряд других людей, которым надо верить, — они знали народ и, по-своему, любили его, даже несколько прикрашивая и преувеличивая его достоинства.

Гр. Надеждин тоже, очевидно, любит свой народ, той несколько сентиментальной и льстивой любовью, которая вообще свойственна российским народолюбцам. Ныне эта любовь у нас еще более испорчена бесшабашной и отвратительной демагогией.

Надеждин упрекает меня:

«Непростительно именно вам, Алексей Максимович, как учителю народа, вышедшему из народа, взваливать такие обвинения на своих же братьев».

Я имею право говорить обидную и горькую правду о народе, и я убежден, что будет лучше для народа, если эту правду о нем скажу я первый, а не те враги народа, которые теперь молчат да копят месть и злобу для того, чтобы в удобный для них момент плюнуть этой злостью в лицо народа, как они плевали после 905 и 6 гг.

Нельзя полагать, что народ свят и праведен только потому, что он — мученик, даже в первые века христианства было много великомучеников по глупости. И не надо закрывать глаза на то, что теперь, когда «народ» завоевал право физического насилия над человеком, — он стал мучителем не менее зверским и жестоким, чем его бывшие мучители.

Способ рассуждений Мих. Надеждина вводит его в безвыходный круг: так как народ мучили — он тоже имеет право мучить. Но ведь этим он дает право отмстить ему за муки — мукой, за насилие — насилием. Как же выйти из этого круга?

Нет, лучше будем говорить правду, — она целебна, и только она может вылечить нас.

Нехорош народ, который, видя, что его соседи по деревне голодают, не продает им хлеба, а варит из него кумышку и ханжу, потому что это выгоднее. Нельзя похвалить народ, который постановляет: всякий односельчанин, кто продает те или иные продукты не в своей деревне, а в соседней — подлежит аресту на три месяца.

Нет, будем говорить просто и прямо: большевистская демагогия, раскаляя эгоистические инстинкты мужика, гасит зародыши его социальной совести.

Я понимаю, что «Красной Газете», «Правде» и другим, иже с ними, неприятно слышать это, особенно неприятно теперь, когда большевизм постепенно кладет руль направо, стремясь опереться на «деревенскую бедноту» и забывая об интересах рабочего класса.

Напомню Мих. Надеждину несколько фраз московской речи Ленина:

«Заключая мир, мы предаем эстляндских рабочих, украинский пролетариат и т. д. Но неужели же, если гибнут наши товарищи, то мы должны гибнуть вместе с ними? Если отряды наших товарищей окружены значительными силами врагов и не могут сопротивляться, то мы тоже должны бороться? Нет и нет!»

Наверное, Мих. Надеждин согласится, что это не политика рабочего класса, а древнерусская, удельная, истинно суздальская политика.

Далее Ленин говорит еще более цинично:[25]

«Мартов дрожащим надрывающимся голосом звал нас к борьбе. Нет, он звал нас не к борьбе, он звал нас к смерти, он звал нас умирать за Россию и революцию. Большинство съезда — крестьянская масса — полторы тысячи человек (рабочих на съезде незначительное количество) была совершенно равнодушна к призывам Мартова. Она не хотела умирать за Россию и революцию, она хотела жить, чтобы заключить мир».

В этих словах полное подчинение всего «народа» и — смертный приговор рабочему классу.

Вполне достойный конец отвратительной демагогии, развратившей «народ».

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 48 (263),
22 (9) марта 1918 г.

Право критики налагает обязанность беспощадно критиковать не только действия врагов, но и недостатки друзей. И морально, и тактически для развития в человеке чувства социальной справедливости гораздо лучше, если мы сами честно сознаемся в наших недостатках и ошибках раньше, чем успеет злорадно указать на них враг наш. Конечно, и в этом случае враг не преминет торжествующе воскликнуть:

— Ага!

Но злость торжества будет притуплена и яд злости бессилен.

Не следует забывать, что враги часто бывают правы, осуждая наших друзей, а правда усиливает удар врага; — сказать печальную и обидную правду о друзьях раньше, чем скажет ее враг, значит обессилить нападение врага.

* * *

Птенцы из большевиков почти ежедневно говорят мне, что я «откололся» от «народа». Я никогда не чувствовал себя «приколотым» к народу настолько, чтоб не замечать его недостатков, и, так как я не лезу в начальство, — у меня нет желания замалчивать эти недостатки и распевать темной массе русского народа демагогические акафисты.

Если я вижу, что моему народу свойственно тяготение к равенству в ничтожестве, тяготение, исходящее из дрянненькой азиатской догадки: быть ничтожными — проще, легче, безответственней; — если я это вижу, я должен сказать это.

Если я вижу, что политика советской власти «глубоко национальна» — как это иронически признают и враги большевиков, — а национализм большевистской политики выражается именно «в равнении на бедность и ничтожество», — я обязан с горечью признать: враги — правы, большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов.

Мы все немножко побаиваемся критики, а самокритика — внушает нам почти отвращение.

Оправдывать у нас любят не меньше, чем осуждать, но в этой любви к оправданию гораздо больше заботы о себе, а не о ближнем, — в ней всегда заметно желание оправдать свой личный будущий грех; — очень предусмотрительно, однако — скверно.

Любимым героем русской жизни и литературы является несчастненький и жалкий неудачник, герои — не удаются у нас; народ любит арестантов, когда их гонят на каторгу, и очень охотно помогает сильному человеку своей среды надеть халат и кандалы преступника.

Сильного — не любят на Руси, и отчасти поэтому сильный человек не живуч у нас.

Не любит его жизнь, не любит литература, всячески исхищряясь запутать крепкую волю в противоречиях, загнать ее в темный угол неразрешимого, вообще — низвести пониже, в уровень с позорными условиями жизни, низвести и сломать. Ищут и любят не борца, не строителя новых форм жизни, а — праведника, который взял бы на себя гнусненькие грешки будничных людей.

Из этого материала — из деревенского темного и дряблого народа, — фантазеры и книжники хотят создать но-

вое, социалистическое государство, — новое не только по формам, но и по существу, по духу. Ясно, что строители должны работать применительно к особенностям материала, а главнейшей и наиболее неустранимой особенностью деревенского люда является свирепый собственнический индивидуализм, который неизбежно должен будет объявить жестокую войну социалистическим стремлениям рабочего класса.

Парижскую коммуну зарезали крестьяне, — вот что нужно помнить рабочему.

Вожди его забыли об этом.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 51 (266), 26 (13) марта 1918 г.

Среди распоряжений и действий правительства, оглашенных на днях в некоторых газетах, я с величайшим изумлением прочитал громогласное заявление «Особого Собрания Моряков Красного Флота Республики» — в этом заявлении моряки оповещают:

«Мы, моряки, решили: если убийства наших лучших товарищей будут впредь продолжаться, то мы выступим с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч богачей, которые живут в светлых и роскошных дворцах, организовывая контрреволюционные банды против трудящихся масс, против тех рабочих, солдат, крестьян, которые в октябре вынесли на своих плечах революцию».

Это что же — крик возмущенной справедливости?

Но тогда я, как всякий другой гражданин нашей республики, имею право спросить граждан моряков:

Какие у них данные утверждать, что Мясников и Забелло погибли от «предательской руки тиранов»? И — если таковые данные имеются — почему они не опубликованы?

Почему правительство нашло нужным включить в число своих «действий и распоряжений» грозный рев «красы и гордости» русской революции?[26]

Что же, правительство согласно с методом действий, обещанных моряками?

Или оно бессильно воспрепятствовать этому методу?

И, — наконец, — не само ли оно внушило морякам столь дикую идею физического возмездия?

Думаю, что на последний вопрос правительство, по совести, должно ответить признанием своей вины.

Вероятно, все помнят, что после того, как некий шалун или скучающий лентяй расковырял перочинным ножиком кузов автомобиля, в котором ездил Ленин, — «Правда», приняв порчу автомобильного кузова за покушение на жизнь Владимира Ильича, грозно заявила:

«За каждую нашу голову мы возьмем по сотне голов буржуазии».

Видимо, эта арифметика безумия и трусости произвела должное влияние на моряков, — вот они уже требуют не сотню, а тысячи голов за голову.

Самооценка русского человека повышается. Правительство может поставить это в заслугу себе.

Но для меня, — как, вероятно, и для всех, еще не окончательно обезумевших людей, — грозное заявление моряков является не криком справедливости, а диким ревом разнузданных и трусливых зверей.

* * *

Я обращаюсь непосредственно к морякам, авторам зловещего объявления.

Нет сомнения, господа, в том, что вы, люди вооруженные, можете безнаказанно перебить и перерезать столько «буржуев», сколько вам будет угодно. В этом не может быть сомнения, — ваши товарищи уже пробовали устраивать массовые убийства буржуазной «интеллигенции», — перебив несколько сот грамотных людей в Севастополе, Евпатории, они объявили:

«Что сделано, — то сделано, а суда над нами не может быть».

Эти слова звучат как полупокаяние, полуугроза, и в этих словах, господа моряки, целиком сохранен и торжествует дух кровавого деспотизма той самой монархии, внешние формы которой вы разрушили, но душу ее — не можете убить, и вот она живет в ваших грудях, заставляя вас рычать зверями, лишая образа человечьего.

Вам, господа, следовало бы крепко помнить, что вы воспитаны насилием и убийствами и что когда вы говорите «суда над нами — не может быть», — вы говорите это не потому, что сознали ваше право на власть, а только потому, что знаете: при монархии за массовые убийства никого не судили, не наказывали. Никого не судили за убийство тысяч людей 9 января 1905 г., за рас-

стрел ленских и златоустовских рабочих, за избиение ваших товарищей Очаковцев, за все те массовые убийства, которыми была так богата монархия.

Вот в этой атмосфере безнаказанных преступлений вы и воспитаны, эта кровавая отрыжка старины и звучит в вашем реве.

Точно так же монархическое правительство, избивая сотнями рабочих, матросов, крестьян, солдат, свидетельствовало о своем моральном бессилии, точно так же, грозным заявлением своим, моряки красного флота признаются, что кроме штыка и пули у них нет никаких средств для борьбы за социальную справедливость. Разумеется, убить проще, чем убедить, и это простое средство, как видно, очень понятно людям, воспитанным убийствами и обученным убийствам.

Я спрашиваю вас, господа моряки: где и в чем разница между звериной психологией монархии и вашей психологией? Монархисты были искренно убеждены, что счастье России возможно только при поголовном истреблении всех инакомыслящих, — вы думаете и действуете точно так же.

Повторяю: убить — проще и легче, чем убедить, но — разве не насилия над народом разрушили власть монархии? Из того, что вы разделите между собой материальные богатства России, она не станет ни богаче, ни счастливее, вы не будете лучше, человечнее. Новые формы жизни требуют нового духовного содержания — способны ли вы создать эту духовную новизну? Судя по вашим словам и действиям, вы еще не способны к этому, — вы, дикие русские люди, развращенные и замученные старой властью, вам она привила в плоть и кровь все свои страшные болезни и свой бессмысленный деспотизм.

Но, действуя так, как вы действуете, вы даете будущей реакции право ссылаться на вас, право сказать в лицо вам: при социалистическом правительстве, когда власть была в ваших руках, вы точно так же, как мы, до революции, массами убивали народ.

И этим вы дали нам право убивать вас.

Господа моряки! Надобно опомниться. Надо постараться быть людьми. Это трудно, но — это необходимо.

«Новая Жизнь» № 53 (268),
28 (15) марта 1918 г.

Все чаще разные люди пишут мне: «Мы не верим в народ». «Я потерял веру в народ». «Я не могу верить в народ, не верю партиям и вождям».

Все это искренние вопли людей, ошеломленных тяжкими ударами фантастической и мрачной русской жизни, это крики сердца людей, которые хотят любить и верить.

Но — да простят мне уважаемые корреспонденты! — их голоса не кажутся мне голосами людей, желающих знать и работать. Это вздыхает тот самый русский народ, в способность которого к духовному возрождению, к творческой работе отказываются верить мои корреспонденты. Уважаемые мои корреспонденты должны признать, что они плоть от самого народа, который всегда, а ныне особенно убедительно, обнаруживал — и обнаруживает — полное отсутствие веры в самого себя. Это народ, вся жизнь которого строилась на «авось» и на мечтах о помощи откуда-то извне, со стороны — от Бога и Николая Угодника, от «иностранных королей и государей», от какого-то «барина», который откуда-то «приедет» и «нас рассудит». Даже теперь, когда народ является физическим «хозяином жизни», он, все-таки, продолжает надеяться на «барина»; для одной части его этот барин — «европейский пролетариат», для другой — немец, устроитель железного порядка; некоторым кажется, что их спасет Япония, и ни у кого нет веры в свои собственные силы.

Вера — это всегда хорошо для удобств души, для спокойствия ее, она несколько ослепляет человека, позволяя ему не замечать мучительных противоречий жизни, — естественно, что все мы стремимся поскорее уверовать во что-нибудь, в какого-нибудь «барина», способного «рассудить» и устроить добрый порядок внутри и вне нас. Мы очень легко веруем: народники расписали нам деревенского мужика, точно пряник, и мы охотно поверили — хорош у нас мужик, настоящий китаец, куда до него европейскому мужику.

Было очень удобно верить в исключительные качества души наших Каратаевых — не просто мужики, а всечеловеки! Глеб Успенский «Властью земли» нанес этой вере серьезный удар, но верующие не заметили его. Чехов, столь нежно любимый нами, показал нам «Мужиков» в освещении еще более мрачном, — его поругали за неверие

в народ. Иван Бунин мужественно сгустил темные краски — Бунину сказали, что он помещик и ослеплен классовой враждой к мужику. И, конечно, не заметили, что писатели-крестьяне — Ив. Вольный, Семен Подъячев и др. — изображают мужика мрачнее Чехова, Бунина и даже мрачнее таких уже явных и действительных врагов народа, как, напр., Родионов, автор нашумевшей книги «Наше преступление»[27].

У нас верят не потому, что знают и любят, а именно — для спокойствия души, — это вера созерцателей, бесплодная и бессильная, она — «мертва есть». Верой, единственно способной горы сдвигать, мы не обладаем. Теперь, когда наш народ свободно развернул пред миром все богатства своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, звериной жестокости, мы начинаем кричать:

— Не верим в народ!

Уместно спросить неверов:

— А во что же и почему вы раньше верили? Ведь все то, что теперь отталкивает вас от народа, было в нем и при Степане Разине, и Емельяне Пугачеве, в годы картофельных бунтов и холерных, в годы еврейских погромов и во время реакции 907—8 гг. Во что верили вы?

Хороший честный мастер, прежде чем сделать ту или иную вещь, изучает, знает материал, с которым он хочет работать.

Наши социальных дел мастера затеяли построение храма новой жизни, имея, может быть, довольно точное представление о материальных условиях бытия народа, но совершенно не обладая знанием духовной среды, духовных свойств материала.

Нам необходимо учиться и особенно нужно выучиться любви к труду, пониманию его спасительности.

Вера — это очень приятно, но необходимо знание. Политика — неизбежна, как дурная погода, но, чтобы облагородить политику, необходима культурная работа, и давно пора внести в область злых политических эмоций — эмоции доброты и добра. Верить нужно в самого себя, в свою способность к творческой работе, остальное приложится.

«Мы в мир пришли, чтобы не соглашаться», чтобы спорить с мерзостями жизни и преодолеть их.

Верить — это удобно, но гораздо лучше иметь хорошо развитое чувство собственного достоинства и не стонать по поводу того, в чем все мы одинаково виноваты.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 56 (271), 31 (18) марта 1918 г.

Приехал ко мне из провинции человек — один из тех неукротимых оптимистов, которые, «хоть им кол на голове теши», не унывают, не охают и которых, к сожалению, мало у нас на Руси.

Спрашиваю его:

— Ну, что у вас нового, интересного?

— Не мало, государь мой, не мало; а самое интересное и значительное — буржуй растет! Удивляетесь, смеетесь? Я тоже сначала удивлялся, но не смеясь, а печально, ибо — как же это? Социалистическое отечество и вдруг — буржуй растет! И такой, знаете, урожай на него, как на белый гриб сырым летом. Мелкий такой буржуй, но — крепкий, ядреный, вижу. Присмотрелся внимательнее и решил: что ж поделаешь? Игра судьбы, которую на кривой не объедешь, рожон истории, против которого не попрешь.

— Но — позвольте! Откуда же буржуй?

— Отовсюду: из мужика, который за время войны нажил немножко деньжат, немножко — тысячи три, пяток, а кто и двадцать! Помещика пограбил — тоже доход не безгрешен, а — хорош. И все это неверно говорится и пишется у вас, что мужик, будто, стал пьяницей, картежником, — пьют те, которые похуже, кому не жить; пьет сор деревенский, пустой народишко, издавна отравленный водкой, — ему все равно, при всяком режиме вырождение суждено и смерть! Он, действительно, пьет разные мерзости, отчего и умирает весьма быстро, тем самым освобождая деревню от хулиганства и всякой дряни. Тут действует один суровенький закончик: как холера является экзаменом на обладание хорошим желудком, так алкоголизм — экзамен общей стойкости организма. Нет, дрянцо человечье вымирает; конечно — жаль, но, все-таки, — утешительно! А что в карты играют жестоко — это верно! Денег очень много у всех, ну и — балуются. Но примите во внимание, что выигрывает всегда наиболее хладнокровный и расчетливый игрок, так и в этом нет беды. Идет законный подбор: сильный одолевает слабого.

Пришел солдат, он тоже принес не мало деньжонок и довольно успешно увеличивает их, пуская в оборот. Солдаты образовали свои секции, и это им очень выгодно: у

нас содержание волостного комитета стоило 1.500 р., а солдаты взимают теперь 52 тысячи. И вообще, если говорить просто, — грабеж идет в деревне невероятный, но, как увидите, это не очень страшно... Прибавьте сюда бабу — она стала невероятно ловкой и умной стяжательницей.

Явился матрос, тоже человек денежный, я видел двух, которые не скрывая говорят, что у них «накоплено» по 30 тысяч. Каким образом? А они, видите ли, после того, как армия ушла, турецких армян перевозили на миноносцах в русские порты, за что взималось по тысяче рублей с каждой армянской головы.

— Но чего же стоят теперешние деньги?

— Не беспокойтесь, это учтено! Деньгами не дорожат, их не прячут: мелкие, разменные бумажки держат при себе, а крупные суммы обращают в имущество, покупают все, что имеет более или менее устойчивую цену. А посмотрели бы вы, как заботится новый мужик о приобретении и размножении скота! Особенно бабы! О, это удивительный народ по жадности своей к накоплению! Мало того, — есть уже настолько проницательные люди, что уже начинают учитывать возможные потребности будущего. Так, например, в волости, соседней с моей, девять человек солдат, крестьян и какой-то матрос затеяли кирпичный завод. Губерния у нас не очень лесная, но, все-таки, и не безлесная, — к чему бы им завод, вдали от железной дороги? «А, видите ли, товарищ, мы так рассчитываем, что, когда все утихомирится, народ станет кирпичные дома строить, потому что теперь у многих имущества дорогого довольно накоплено, так изба-то уж не годится!» У нас в городе вахмистр случный пункт для лошадей устроил, трех жеребцов завел, думает расширить дело до настоящего конского завода. И таких начинаний не мало, о них слышишь повсюду.

— Ну, да, конечно, до социализма отсюда далеко, но ведь было бы наивно рассчитывать на деревенский социализм у нас, на Руси. Рассчитывали? Что ж — ошиблись, а «ошибка в фальшь не ставится». А суть в том, что деревня родит буржуя, очень крепкого и знающего себе цену. Это, государь мой, будет, видимо, настоящий хозяин своей земли, человек с «отечеством». Попробуйте-ка у этого господина отнять то, что он считаем своим! Он вам покажет, он ведь теперь вооруженный человек. И если он первое время, может быть, набросится на дешевый немецкий товар, так это не надолго: пройдет лет десяток, он поймет

настоящую культурную ценность своего дешевого товара и не постесняется снова вступить с немцем в драку.

— Да, вот как вышло: социализм родил буржуя! Конечно — много разбито и ограблено, однако, награбленное пока еще не ушло из России, а только распределилось среди большего количества ее жителей. «Буржуя» стало больше на земле нашей, и я говорю вам, что хотя это и мелкий, но очень крепкий буржуй — он себя покажет!

— А рабочий класс?

— И рабочему классу он покажет себя, если рабочий не пойдет по путям крестьянской политики, не захочет понять всей важности деревенских интересов.

... Все это звучит несколько иронически и карикатурно, однако, мне кажется, что в этом рассказе есть весьма значительная доля правды, а всякая правда должна быть сказана вслух на поучение наше.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 59 (274),
4 апреля (22 марта) 1918 г.

Моя статейка по поводу заявления группы матросов о их готовности к массовым убийствам безоружных и ни в чем не повинных людей вызвала со стороны единомышленников этой группы несколько писем, в которых разные бесстыдники и безумцы пугают меня страшнейшими казнями.

Это — глупо, потому что угрозами нельзя заставить меня онеметь, и чем бы мне ни грозили, я всегда скажу, что скоты — суть скоты, а идиоты — суть идиоты и что путем убийств, насилий и тому подобных приемов нельзя добиться торжества социальной справедливости.

Но вот письмо, которое я считаю необходимым опубликовать, как единственный человеческий отклик на мою статейку.

«Прочитавши вашу статью «Несвоевременные мысли» в газете «Новая Жизнь» № 51 (266) я хочу верить, что вы далеко не всех носителей матросской шинели считаете разнузданными дикарями. Но позвольте спросить, что должен делать я при встрече с вами или вообще с гражданином в штатском костюме, согласным с вашим мнением и взглядом на моряков, и не только я, а сотня лиц, сейчас живущих в темном кругу со мною, которых я отлично знаю, знаю, что в них как и во мне никогда даже не было

мысли об убийстве и даже о малейшем озорстве. Как же будем смотреть в глаза, ведь мы носим матросские шинели.

Читая Вашу статью, я болел душою не только за себя, но и за тех моих товарищей, которые невинно пригвождены к позорному столбу общественного мнения. Я живу с ними, я знаю их, как самого себя, знаю как незаметных, но честных тружеников, чьи мысли не проникают на суд широкой публики, а потому я прошу Вас сказать о них Ваше громкое, задушевное слово, так как мои и их страдания — не заслуженные.

Матрос: подпись неразборчива.
Кронштадт, 27 марта с.г.»

Само собой разумеется, что я далек от желания обвинять в склонности к зверским убийствам всех матросов. Нет, я имел в виду только тех, которые заявили о себе убийствами в Севастополе и Евпатории, убийством Шингарева и Кокошкина, и ту группу, которая сочинила и подписала известное безумное заявление, опубликованное среди «Распоряжений и действий Правительства».

* * *

Я не стану отрицать, что на Руси, даже среди профессиональных воров и убийц, есть очень много «совестливых» людей — это всем известно; ограбит человек или убьет ближнего, а потом у него «душа скучает» — болит совесть. Очень многие добрые русские люди весьма утешаются этой «скукой души», — им кажется, что дрябленькая совестливость — признак духовного здоровья, тогда как, вероятнее всего, это просто признак болезненного безволия людей, которые, перед тем как убить, восхищаются скромной красотой полевого цветка и могут совмещать в себе искреннего революционера с не менее искренним провокатором, как это бывало у нас слишком часто.

Я думаю, что мы все — матросы и литераторы, «буржуа» и пролетарии — одинаково безвольны и трусливы, что отнюдь не мешает нам быть жесточайшими физическими и моральными истязателями друг друга. В доказательство этой печальной правды я предлагаю читателю сравнить психологию уличных самосудов с приемами газетной «полемики» — в обоих случаях — и в газетах и на

улицах — он увидит одинаково слепых и бешеных людей, главная цель и высочайшее наслаждение которых в том, чтобы как можно больнее и жесточе нанести ближнему удар «в морду» или в душу.

Это — психика людей, которые все еще не могут забыть, что 56 лет тому назад они были рабами — и что каждый из них мог быть выпорот розгами, что они живут в стране, где безнаказанны возможные массовые погромы и убийства и где человек — ничего не стоит. Ничего.

Где нет уважения к человеку, там редко родятся и недолго живут люди, способные уважать самих себя.

А откуда оно явится, это уважение?

В «Правде» различные зверюшки науськивают пролетариат на интеллигенцию. В «Нашем Веке» хитроумные мокрицы науськивают интеллигенцию на пролетариат. Это называется «классовой борьбой», несмотря на то что интеллигенция превосходно пролетаризирована и уже готова умирать голодной смертью вместе с пролетариатом. Не саботируй? Но моральное чувство интеллигента не может ему позволить работать с правительством, которое включает в число своих «действий и распоряжений» известную угрозу группы матросов и тому подобные гадости. Что бы и как бы красноречиво ни говорили мудрецы от большевизма о «саботаже» интеллигенции, — факт, что русская революция погибает именно от недостатка интеллектуальных сил. В ней очень много болезненно раздраженного чувства и не хватает культурно-воспитанного, грамотного разума.

Теперь большевики опомнились и зовут представителей интеллектуальной силы к совместной работе с ними. Это — поздно, а все-таки не плохо.

Но, — наверное, начнется некий ростовщичий торг, в котором одни будут много запрашивать, другие — понемножку уступать, а страна будет разрушаться все дальше, а народ станет развращаться все больше.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 61 (276),
7 апреля (25 марта) 1918 г.

«Лежачего не бьют» — очень хорошее правило, и все мы были бы гораздо приятнее сами себе и друг другу, если бы честно держались этого правила.

Но когда лежачий поднимает голову и тихонько ползет сзади вас, имея коварное намерение дать вам по затылку, — необходимо побеседовать о лежачем тем тоном, который заслуживают его иезуитские поползновения. Занятие так же неприятное, как отвратительна причина, возбуждающая к нему.

Спору нет — в процессе социального боя лежачий потерпел не только по заслугам, но сверх заслуг. Что делать? Как солдата воспитывает казарма, так каждого из нас та классовая позиция, на которую он поставлен историей. Безвольно подчиняясь внушению фактов, мы всегда слишком мало заботились о самовоспитании, о культуре нашей воли, наших чувств. Мы все много хуже и грубее, чем могли бы быть, некоторые же особенно заботятся показать как можно больше грубости и жестокости, надеясь, что этим они скроют свою бездарность и бессилие свое.

Итак — лежачий поднимает голову, ползет и шипит, это очень ясно слышится не только в статье Изгоева о «Трагедии и вине»[28], не только во всех писаниях «Нового Века», «Современного Слова» и других, иже с ними, это злое мстительное шипение все более громко звучит в среде «кадет». «Кадеты» — самые превосходные политики в России, они убеждены в этом, а также и в том, что они — единственная сила, способная спасти Россию от грозящей гибели. В тяжелой борьбе за свободу, они играли роль крыловской мухи, которая, как известно, несколько переоценивала свой труд. Это очень умные люди, кадеты, они не только остерегаются резко критиковать действия Советской власти, но даже несколько мироволят ей, за что неоднократно и удостаивались лестных одобрений со стороны Советской печати. Они превосходно знают, что советский «коммунизм» все более и более компрометирует не только идеи социал-демократии, но вообще надежды демократии радикальной, и они уже не хотят скрывать своей искренней ненависти к демократической России.

Хороший кадет прежде всего политик, точнее — политикан; он такой же фанатик своей идеи, как большевик-«коммунист», он так же сектантски слепо верит в возможность полного уничтожения социализма, как верит большевик в необходимость немедленного осуществления социалистических идей.

Лидер партии к.-д. П. Н. Милюков с гордостью говорил в 1905 г. Петко Тодорову, болгарскому литератору:

«Я организовал в России первую политическую партию, которая совершенно чиста от социализма».

Этой «чистотой от социализма» кадеты и теперь гордятся, а так как демократия не может быть не социалистична, то естественно, что кадетизм и демократия — органически враждебны.

После 906 года конституционно-демократическая партия была той духовной язвой страны, которая десять лет разъедала ее интеллигенцию своим иезуитским политиканством, оппортунизмом и бесстыднейшей травлей побежденных рабочих. «Оппозиция Его Величества», она не брезговала ничем для того, чтобы пробраться к власти. Тогда этого не случилось — кадеты надеются, что это случится теперь. Они начинают свою работу с того же, с чего начали ее в 907 г. — с травли демократии, и, как тогда, теперь они снова стремятся организовать всех ренегатов и трусов, всех врагов народа и ненавистников социализма. Постепенно распуская языки, они снова намерены возобновить тот отвратительный вой мести и обиды, которым оглушали Русь после первой революции. Этот вопль «униженных и оскорбленных» уже начинается, и скоро демократии будет предъявлен длиннейший, тщательно и злорадно составленный обвинительный акт, в котором все преступления будут преувеличены и все ошибки поставятся в фальшь. Эти люди прекрасно знают, что клевета есть увеличительное стекло, сквозь которое можно видеть насекомое — чудовищем и комариный укус — глубокой раной.

«Кадеты» считают себя мыслящим аппаратом буржуазии и языком ее, но на самом деле они просто группа интеллигенции, переоценивающая свои силы, свое значение в стране и совершенно утратившая живой дух демократизма.

Люди, «услужающие» буржуазии, опаснее самой буржуазии, они более властолюбивы и менее деловиты. Между торговлей и политиканством разница в том, что торговец включает в свой оборот все, что можно купить и продать — в том числе и совесть, — а политикан торгует людьми и своей совестью. Они грамотны, изощрены в политиканских хитростях, не очень брезгливы в выборе приемов борьбы и могут запутать в сетях иезуитского красноречия людей менее грамотных, но более искренних и способных к положительной работе. Они вполне способны снова создать тот мрачный круг настроений, угнетаю-

щих душу, настроений, которые так прочно поддерживали жуткую реакцию 908—916 гг.

Это тем более опасные люди, что нельзя понять, что именно дорого им, кому их любовь, их сердце?

У демократии два врага: г. г. «коммунисты», которые разбили её физически, и кадеты, которые уже начинают работу убиения духа демократии.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 62 (277), 9 апреля (27 марта) 1918 г.

На днях я получил нижеприведенное письмо — очень рекомендую его вниманию товарищей, убежденных, что они строят «социалистическое отечество»:

«В последней Вашей статье вы пишите, что очень много денег привозят солдаты в деревню и вы удивляетесь откуда у них такой капитал. А вот Вам пример, мой брат, солдат на войне не был, службу нес легкую в Петрограде, а потом устроился в охране на железной дороге, и там проходили поезда со спиртом который он с другими должен был охранять. И вот прослужив там два месяца он привез домой 5 тысяч руб. А заработал он честно: когда поезд стоял они открывали вагон сверлили бочку (а может быть как нибудь по другому делали), только набирали в бутылки спирту (он был не один) опять запирали вагон пломбировщик пломбировал вагон, и все было в порядке. Деньги делили постаршенству, и так было месяца 2—3. Вернулся он домой в неделе назад, положил деньги в банк, все были так довольны, все соседи наперерыв приглашали его к себе и сосватал он себе богатую невесту, ведь деньга деньгу любит. Ни один человек не осудил его, только мне сестре его простой крестьянке стыдно и больно, что у меня брат вор — казнокрад. А таких как он сотни тысяч.

Крестьянка Н губ., Н-го уезда а деревни не пишу».

«Простая крестьянка» — честный человек, — деревню «не пишет», очевидно, потому, что боится, как бы соседи не оторвали ей голову.

Товарищи строители социалистического рая на Руси: «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, не жнут, но собирают в житницы своя», воззрите и скажите по совести — это ли птицы райские? Не черное ли это воронье и не заклюет ли оно насмерть городской пролетариат?

Знаю, что письмо «простой крестьянки» не может поколебать каменную уверенность «немедленных социалистов» в их правоте. Ее не поколеблют и десятки, и сотни подобных показаний о современности настроений «деревенской бедноты», не поколеблют и такие свидетельства, как сценка Ив. Вольного, напечатанная в 12 № «Дела Народа».

Ив. Вольный, — сам крестьянин, участник событий 5-го — 6-го годов, человек битый, мученый, человек, которого конвоировали в тюрьму его школьные товарищи. Он много претерпел, но сохранил живую, страстно любящую душу и умел беззлобно, правдиво написать мрачную эпопею черносотенного движения в деревне после 906 года. Это — честный, правдивый свидетель, и я знаю, как тяжело ему говорить горькую правду о своих людях, — сердце его горит искренней любовью к ним. Это — человек, которому и можно, и должно верить.

А действительность, которая всегда правдивее и талантливее всех, даже и гениальных писателей, рисует русскую деревню наших дней еще более жестоко.

Я особенно рекомендую эти источники для понимания современной жизни г. Горлову из «Правды», — он очень горячий человек и, будучи — вероятно — человеком честным, должен хорошо знать, о чем говорит, что защищает. Он не знает этого.

У него нет никакого права болтать ерунду о моих якобы «презрительных плевках в лицо народа». То, что ему угодно называть «презрительными плевками», есть мое убеждение, сложившееся десятками лет. Если г. Горлов грамотен, он обязан знать, что я никогда не восхищался русской деревней и не могу восхищаться «деревенской беднотой», органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата.

Разумеется, вполне естественно, что, отталкивая все далее от себя рабочий класс, «немедленные социалисты» должны опереться на деревню, они первые и заревут от ее медвежьих объятий, заревут горькими слезами и многочисленные Горловы, которым необходимо учиться и слишком рано учить.

Г. Зиновьев сделал мне «вызов» на словесный и публичный поединок. Не могу удовлетворить желание г. Зиновьева, — я не оратор, не люблю публичных выступлений, недостаточно ловок для того, чтобы состязаться в красноречии с профессиональными демагогами.

Да и зачем необходим этот поединок? Я — пишу, вся-

кий грамотный человек имеет возможность читать мои статьи, так же как имеет право не понимать их или делать вид, будто не понимает.

Г. Зиновьев утверждает, что, осуждая творимые народом факты жестокости, грубости и т. п., я тем самым «чешу пятки буржуазии».

Выходка грубая, не умная, но — ничего иного от г.г. Зиновьевых и нельзя ждать. Однако он напрасно умолчал пред лицом рабочих, что, осуждая некоторые их действия, я постоянно говорю — что:

рабочих развращают демагоги, подобные Зиновьеву;

что бесшабашная демагогия большевизма, возбуждая темные инстинкты масс, ставит рабочую интеллигенцию в трагическое положение чужих людей в родной среде;

и что советская политика — предательская политика по отношению к рабочему классу.

Вот о чем должен бы рассказать г. Зиновьев рабочим.[29]

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 80 (295),
30 (17) апреля 1918 г.

Естественно, что внимание мыслящих людей приковано к политике, — к области насилия и деспотизма, злобы и лжи, где различные партии, группы и лица, сойдясь якобы на «последний и решительный бой», цинически попирают идеи свободы, постепенно утрачивая облик человечий в борьбе за физическую власть над людьми. Это внимание естественно, однако оно одностороние, а потому уродливо и вредно. Содержание процесса социального роста не исчерпывается только одним явлением классовой, политической борьбы, в основе которой лежит грубый эгоизм инстинктов — рядом с неизбежной борьбой все мощнее развивается иная, высшая форма борьбы за существование, — борьба человека с природой, и только в этой борьбе человек разовьет до совершенства силы своего духа, только здесь он найдет возвышающее сознание своего значения, здесь завоюет ту свободу, которая уничтожит в нем зоологические начала и позволит ему стать умным, добрым, честным, — поистине свободным.

Мне хочется сказать всем, кто истерзан жестокими пытками действительности и чей дух угнетен, — мне хочется сказать им, что даже в эти дни, дни, грозящие ги-

белью России, интеллектуальная жизнь страны не иссякла, даже не замерла, а, напротив, энергично и широко развивается.

Напряженно работает высшее ученое учреждение страны — Академия Наук, непрерывно идет руководимое ею исследование производительных сил России, подготовляется к печати и печатается ряд ценнейших докладов и трудов, скоро выйдет обзор успехов русской науки — книга, которая даст нам возможность гордиться великими трудами и достижениями русского таланта.

Университет предполагает осуществить свободные научные курсы в духе Сорбонны, работают многочисленные ученые общества, невзирая на грубые помехи, которые ставит им невежество политики и политика невежд.

Скромные подвижники чистого знания, не упуская из виду ничего, что может быть полезно разоренной, измученной родине, составляют проекты организации различных институтов, необходимых для возрождения и развития русской промышленности. В Москве принимается за работу «Научный Институт», основанный на средства г. Марк и руководимый профессором Лазаревым, в Петрограде организует исследовательские институты по химии, биологии и т. д. «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук».

Размеры газетной статьи не дают возможности перечислить все начинания, которые возникли среди наших ученых за время революции, — но, не преувеличивая значения этих начинаний, можно с уверенностью сказать, что научные силы России развивают энергичную деятельность, и эта чистая, великая работа лучшего мозга страны — залог и начало нашего духовного возрождения.

Если б люди, считающие себя политическими вождями России, правильно поняли нужды народа, интересы государства, если б они нашли достаточно такта для того, чтоб не мешать великому делу научного творчества, и нашли немного ума, чтоб помочь трудам ученых!

* * *

Но, к сожалению, процесс творчества в области чистой и прикладной науки остается почти неизвестен широким слоям демократической интеллигенции, а для нее необходимо следить за развитием этого процесса, — знание вполне способно оздоровить изболевшие души, утешить замученных людей и поднять их рабочую энергию.

Академия Наук сделала бы прекрасное и полезное дело, предприняв издание небольшого журнала, который осведомлял бы грамотных людей обо всем, что творится в области русской науки. Такой информационный журнал несомненно имел бы глубокое социально и национально воспитательное значение; — я не обмолвился, сказав «национальное» значение, ибо нахожу, что нам, народу, силы которого так ловко и широко использовали наши «друзья» для борьбы с их врагами, — нам пора понять, что у нас нет иных друзей, кроме самих себя.

Наконец для нас, людей глубоко некультурных, пора также понять и то, что мы давно живем в условиях, созданных наукой, без участия которой не сделаешь ни хорошего кирпича, ни пуговицы, и ничего, что облегчает нашу жизнь, украшает ее, стремится сохранить нашу энергию от бесполезной траты и преоборот начала, разрушающие жизнь; — нам пора понять, что научное знание — сила, без которой невозможно возрождение страны.

«Мы ленивы и не любопытны», но надо же надеяться, что жестокий, кровавый урок, данный нам историей, стряхнет нашу лень и заставит нас серьезно подумать о том, почему же, почему мы, Русь — несчастнее других? Повторяю, — Академия Наук, взяв на себя издание информационного журнала, который в кратких очерках и сообщениях давал бы сведения обо всем, что совершается в таинственной, скрытой от непосвященных, области науки — предприняв это издание, Академия совершила бы национально важное и необходимое дело образумления, очеловечения страны, теряющей веру в свои силы, озверевшей от цинических пыток глупости, — самого страшного врага людей.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 81 (296),
1 мая (18 апреля) 1918 г.

Наиболее культурные группы рабочего класса начинают сознавать необходимость для рабочего научно-технических знаний. Интеллигентные рабочие чувствуют, что промышленность — это их дело, что она — основа культуры, залог благосостояния страны и что для возрождения и развития промышленности необходим рабочему солидный запас научного опыта. Об этой новой для нас оценке знания и труда говорят такие факты, каковы составляемые рабочи-

ми, членами профессиональных союзов, докладные записки, в которых утверждается необходимость организации в стране музеев и институтов по разным отраслям производств, например, по стеклянному, керамическому, фарфоровому.

Очень характерно, что прежде всего рабочие указывают на необходимость скорейшего развития промышленности художественной, — можно думать, что здесь сказывается эмоциональная талантливость народа и его природная «смекалка», — люди, как будто, понимают, что немец, готовый завалить Россию дрянным и дешевым товаром, будет не в состоянии конкурировать с ней на почве промышленности художественной.

«Дисциплинированный до совершенства механического аппарата, послушный инструмент в руках силы, управляющей им, немец может чудесно подделать все от философии до каучука, но он плохо понимает поэзию труда» — сказано о немце, и в этом есть немало правды.

Мы, Русь — анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь — ядовитое наследие татарского и крепостного ига — что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека, — кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, воем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю.

Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и, в то же время, непонятно добродушный, — в конце всего — это талантливый народ.

Теперь, когда вскрылся гнилостный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекся по всей стране, — теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого — за нашу азиатскую косность, за эту пассивность, с которой мы терпели насилия над нами.

Но этот взрыв душевной гадости, эта гнойная буря — не надолго, ибо это процесс очищения и оздоровления больного организма — «болезнь вышла наружу» — явилась во всем ее безобразии.

Но — отказываешься верить, что это смертельная болезнь и что мы погибнем от нее. Нет, не погибнем, если дружно и упорно начнем лечиться. Русская интеллигенция снова должна взять на себя великий труд

духовного врачевания народа. Теперь она может и работать в условиях большей свободы, и нет сомнения, что труд духовного возрождения страны разделит вместе с нею и рабочая, пролетарская интеллигенция, та наиболее культурная часть ее, которая ныне тонет и задыхается среди темной массы.

Задача демократической и пролетарской интеллигенции — объединение всех интеллектуальных сил страны на почве культурной работы. Но для успеха этой работы следует отказаться от партийного сектантства, следует понять, что одной политикой не воспитаешь «нового человека», что путем превращения методов в догматы мы служим не истине, а только увеличиваем количество пагубных заблуждений, раздробляющих наши силы.

Сил у нас немного, их нужно беречь, нужно экономить трату энергии, координировать разрозненные затеи и усилия отдельных лиц, групп, организаций и создать единую организацию, которая встала бы во главе всей культурно-просветительной работы, имеющей целью духовное оздоровление и возрождение страны.

Кажется, что та часть интеллигенции, которая настроена наименее сектантски и еще не насмерть изуродована партийной и фракционной «политикой», — кажется, что эта часть интеллигенции начинает чувствовать необходимость широкой культурной работы, повелительно диктуемой трагическими условиями действительности.

Об этом говорит попытка представителей различных политических взглядов организовать внепартийное общество под девизом: «Культура и Свобода»,[30] и нет сомнения, что если это общество поймет задачу момента достаточно глубоко, — оно может исполнить трудную роль организатора всех лиц и групп наиболее дееспособных, искренно желающих работать на благо страны.

Но и здесь, как первое условие успешной работы, должно осуществить издание информационного журнала, который давал бы более или менее точную картину всего хода культурно-просветительных начинаний. Необходим подсчет сил, необходимо знать кто, что и где делает или намерен делать, — у нас часто случается, что люди трудящиеся на одной и той же почве ничего не знают друг о друге.

Если страна будет иметь два органа, из которых один поставит себе целью подробно оповещать обо всем, что творится в области чистой и прикладной науки, а другой возьмет на себя обязанность рассказывать о работе куль-

турно-просветительной, эти органы окажут огромную пользу делу воспитания мысли и чувства. Надо работать, почтенные граждане, надо работать, — только в этом наше спасение и ни в чем ином.

Садическое наслаждение, с которым мы грызем глотки друг другу, находясь на краю гибели — подленькое наслаждение, хотя оно и утешает нас в бесконечных горестях наших.

Но, право же, не стоит особенно усердно предаваться делу взаимного истязания и истребления — надо помнить, что есть достаточно людей, которые и желают и, пожалуй, могут истребить нас.

Будем же работать спасения нашего ради, да не погибнем «яко обри, их же несть ни племени, ни рода».

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 82 (297),
3 мая (20 апреля) 1918 г.

На днях какие-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилетнего юношу на семнадцать лет общественных работ за то, что этот юноша откровенно и честно заявил: «Я не признаю Советской власти!»

Не говоря о том, что людей, которые не признают авторитета власти комиссаров, найдется в России десятки миллионов и что всех этих людей невозможно истребить, я нахожу полезным напомнить строгим, но не умным судьям о том, откуда явился этот честный юноша, столь нелепо — сурово осужденный ими.

Этот юноша — плоть от плоти тех прямодушных и бесстрашных людей, которые на протяжении десятилетий, живя в атмосфере полицейского надзора, шпионства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархии, внося, с опасностью для свободы и жизни своей, в темные массы рабочих и крестьян идеи свободы, права, социализма. Этот юноша — духовный потомок людей, которые, будучи схвачены врагами и изнывая в тюрьмах, отказывались на допросах разговаривать с жандармами из презрения к победившему врагу.

Этот юноша воспитан высоким примером тех лучших русских людей, которые сотнями и тысячами погибали в ссылке, в тюрьмах, в каторге и на костях которых мы ныне собираемся строить новую Россию.

Это — романтик, идеалист, которому органически

противна «реальная политика» насилия и обмана, политика фанатиков догмы, окруженных — по их же сознанию — жуликами и шарлатанами.

Чтоб воспитать мужественного и честного юношу в подлых условиях русской жизни, требовалась огромная затрата духовных сил, почти целый век напряженной работы.

И вот теперь те люди, ради свободы которых совершалась эта работа, не понимая, что честный враг лучше подлого друга, осудили мужественного юношу за то, что он, — как это и следует, — не может и не хочет признавать власть, попирающую свободу. Есть очень умная басня о свинье под дубом вековым, — может быть, премудрые судьи найдут время прочитать ее? Им необходимо ознакомиться с моралью этой басни.

* * *

В Москве арестован И. Д. Сытин, человек недавно отпраздновавший пятидесятилетний юбилей книгоиздательской деятельности. Он был министром народного просвещения гораздо более действительным и полезным для русской деревни, чем граф Дм. Толстой и другие министры царя. Несомненно, что сотни миллионов Сытинских календарей и листовок по крайней мере наполовину сокращали рецидивы безграмотности. Он всю жизнь стремился привлечь к своей работе лучшие силы русской интеллигенции, и не его вина, что он был плохо понят ею в своем искреннем желании «облагородить» сытинскую книгу. Все-таки он сумел привлечь к своему делу внимание и помощь таких людей, как Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Н. А. Рубакин, Вахтеров, Клюжев, А. М. Калмыкова и десятки других. Им основано книгоиздательство «Посредник», он дал Харьковскому Комитету грамотности мысль издать многотомную и полезную «Сельско-Хозяйственную Энциклопедию». За пятьдесят лет Иван Сытин, самоучка, совершил огромную работу неоспоримого культурного значения. Во Франции, в Англии, странах «буржуазных», как это известно, Сытин был бы признан гениальным человеком и по смерти ему поставили бы памятник, как другу и просветителю народа.

В «социалистической» России, «самой свободной стране мира», Сытина посадили в тюрьму, предварительно разрушив его огромное, превосходно налаженное технически дело и разорив старика. Конечно, было бы умнее и полез-

нее для Советской власти привлечь Сытина, как лучшего организатора книгоиздательской деятельности, к работе по реставрации развалившегося книжного дела, но — об этом не догадались, а сочли нужным наградить редкого работника за труд его жизни — тюрьмой. Так матерая русская глупость заваливает затеями и нелепостями пути и тропы к возрождению страны, так Советская власть расходует свою энергию на бессмысленное и пагубное и для нее самой, и для всей страны возбуждение злобы, ненависти и злорадства, с которым органические враги социализма отмечают каждый ложный шаг, каждую ошибку, все вольные и невольные грехи ее.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 86 (301),
10 мая (27 апреля) 1918 г.

В «Нашем Веке» от 3-го мая гражданин Д. Философов напечатал статейку о Горьком, который «старается привлечь ученых, писателей и художников на службу совдепам».

Событие — ничтожное; однако статейка так странно написана, что обязывает меня поставить ее автору несколько вопросов и дать читателю некоторые пояснения.

Прежде всего — чем вызваны следующие утверждения гр. Философова:

«Спорить с Горьким очень трудно. Он не выносит, чтобы ему «перечили». Но нельзя же такие страшные и сложные вопросы, как «культурное соглашательство», ставить на личную почву. И неужели же мы для того пережили революцию, чтобы вернуться к старым самодержавным замашкам, когда было запрещенно свое суждение иметь? Горький выступает и действует публично. Неужели надо с ним во всем соглашаться, чтобы не «обидеть» его? Пора бы эти замашки бросить. Всякое мнение, всякое действие подлежит свободной критике».

Откуда взял гр. Философов, что я не выношу, чтобы мне «перечили»?

Поскольку я выступаю публично, я никому не дал права утверждать, что «не выношу» честной критики моих мнений, как бы эта критика ни была резка. Я люблю учиться, а спор с врагом часто бывает более полезен, чем беседа с другом.

Почему же гр. Философов находит возможным утверждать, что я «ставлю вопросы общественные на личную почву»?

Но если гр. Философов считает «личным» то чувство органического отвращения, которое я всегда питал и питаю к болезненно надутому самолюбию принципиальных саботажников, к людям, у которых «на грош амуниции, да на рубль амбиции», тогда гр. Философов прав — я терпеть не могу «бездельников по принципу». Мне всегда были враждебны злобные жалобы бездарных неудачников, которые не имеют силы и великодушия забыть или простить толчки и царапины, нанесенные им в суете житейской неосторожным или одичавшим ближним.

Философов говорит о «плане Горького превратить Академию Наук в Университет Шанявского».

Это ложь. Ничего подобного я не говорил, хотя и являюсь убежденным сторонником необходимости демократизировать науку. Но, как это само собою разумеется, свободное развитие науки должно предшествовать свободному распространению ее, и существенно необходимо, чтобы высшее ученое учреждение страны было совершенно независимо в своем творчестве.

Философов указывает, что профессора Кравков и Павлов ушли из Ассоциации, но — не говорит, когда они ушли, ибо это ему невыгодно. Ему нужно, чтобы читатель думал, что профессора ушли после того, как Горький начал «сватать» Свободную Ассоциацию Совету Комиссаров, Философов молчит о том, что уважаемый И. П. Павлов ушел несколько месяцев тому назад, а Кравков ушел до основания Ассоциации еще из Организационного Комитета.

Он говорит, например: проект Горького «заставить академию издавать нечто вроде «Вестника Самообразования» очень мил и свидетельствует о добром его намерении обучать «товарищей» грамоте. Но можем ли мы, при нашей бедности, так расточительно обращаться с подлинными учеными?

Своими работами академик Павлов заслужил благодарное удивление всей европейской науки, послужил всему человечеству. А Горький хочет заставить его читать «краткий курс по физиологии», что может сделать с успехом каждый студент. И выходит так, что заботясь о распространении наук, Горький выказывает очень мало уважения к самой науке и ее верным служителям».

Это ловко сделано. Дважды употребив совершенно не-

уместный глагол «заставлять», г. Философов как бы нашептывает почтенным представителям свободной и чистой науки:

— Вы подумайте — Горький «заставляет» вас, а?Каков? Он — вас!

Я не «заставляю» Академию Наук издавать «нечто вроде «Вестника Самообразования», я только говорю, что если бы Академия взяла на себя труд знакомить широкую публику с ходом ее работ по «развитию науки» — она совершила бы этим дело и национально и социально важное. Предлагать не значит заставлять.

Откуда Философов взял, что я хочу «заставить» И. П. Павлова читать краткий курс физиологии? Он ставит эти слова в кавычки, как будто я действительно сказал их.

Он нарочито подчеркивает, что я забочусь только «о распространении наук», и молчит о развитии оных, это умолчание необходимо ему для того, чтобы сказать, что Горький «готов продать свободу и культуру за чечевичную похлебку» народного университета и что я «зову русскую интеллигенцию к предательству?»

Вот, до чего дошло! Призыв к работе на пользу государства и народа есть призыв к предательству. Что это — ослепление злобы или обывательская глупость?

Но — чего же смотрел Философов раньше? Ведь я уже давно, многие годы, призываю интеллигенцию к работе во что бы то ни стало и при всех условиях. Безумство храбрых, это безумство тех людей, которые, не взирая на все и всяческие сопротивления действительности, на все мучительные пытки ее, неуклонно стремятся утвердить свою волю, осуществить свои идеи в условиях действительности, как бы тяжка она ни была. Это не только безумство Гарибальди, но и безумство Джордано Бруно и других великомучеников мысли. Наука — наиболее грандиозное и поразительное изо всех безумств человечества, это самое возвышенное безумство его!

Пусть это звучит как парадокс, но, подумав об условиях, в которых развивалась чистая наука, даже г. Философов поймет, надеюсь, как много здесь правды, может быть — печальной.

Не стоило бы говорить о выходках г. Философова, не так уж он значителен в своих выдумках, чтобы опровергать их.

Но ведь его статья напечатана в «Нашем Веке» не «по недосмотру» редактора, а, вероятно, по солидарности взглядов.

Какова же суть этих взглядов?

Суть их — злоба против демократии и, как видно из статейки г. Философова, эта злоба становится все более наглой. Я уже указывал, что социалистическая демократия не имеет более злого врага, чем тот, который ежедневно шипит со строк «Нашего Века». Сотрудники этого органа все более откровенно выбалтывают свое отношение к революции, все более твердо становятся на почву реакции, и несомненно, что они снова готовятся сыграть ту предательскую, развращающую роль организаторов политической и духовной реакции, которая удалась им после 905 г.

Снова набухает гнойный нарыв на теле измученной России.

Революционная демократия должна знать, что наиболее враждебным для нее является политическое течение, организуемое «Нашим Веком». Это враг непримиримый, ибо это — враг по духу.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 89 (304),
14 (1) мая 1918 г.

Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей.[31]

Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами — не честен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо понятия о честности и нечестности, очевидно, вне компетенции и вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старой — произволе и насилии.

Но вот какие, — не новые, впрочем, — соображения вызывают новый акт государственной мудрости комиссаров.

Уничтожение неприятных органов гласности не может иметь практических последствий, желаемых властью, этим актом малодушия нельзя задержать рост настроений, враждебных гг. комиссарам и революции.

Г. г. комиссары бьют с размаха, не разбирая, кто является противником только их безумств, кто — принципиальным врагом революции вообще. Хватая за горло первых, они ослабляют голос революционной демократии,

голос чести и правды; зажимая рот вторым, они творят мучеников в среде врагов.

Украшая растущую реакцию ореолом мученичества, они насыщают ее притоком новой энергии и создают оправдание подлостям будущего, подлостям, которые обратятся не только против всей демократии, а главным образом против рабочего класса; он первый и всех дороже заплатит за глупости и ошибки своих вождей.

Итак, уничтожая свободу слова, г.г. комиссары не приобретут этим пользы для себя и наносят великий вред делу революции.

Чего они боятся, чего малодушничают? Реальные политики, способные, казалось бы, правильно учесть значение сил, творящих жизнь, неужели они думают, что сила слова может быть механически уничтожена ими? Люди опытные в делах подпольных, они не могут не знать, что запрещенное слово приобретает особую убедительность.

И, наконец, неужели они до такой степени потеряли веру в себя, что их страшит враг, говорящий открыто, полным голосом, и вот они пытаются заглушить его хоть немножко?

Гонимая идея, хотя бы и реакционная, приобретает некий оттенок благородства, возбуждает сочувствие.

Дайте свободу слову, как можно больше свободы, ибо когда враги говорят много — они, в конце концов, говорят глупости, а это очень полезно.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 91 (306), 16 (3) мая 1918 г.

Статья Н. Н. Глебова — искренний крик сердца, глубоко возмущенного мрачной путаницей жизни, и я знаю, что сейчас на Руси уже немало людей, которые так же страстно, как Глебов, рвутся из плена грязной и оскорбительной действительности «под культуру» — к истинной свободе, к свету.

Но мне кажется, что Глебов, как и подобные ему люди, мучительно тоскующие о лучшей жизни, представляют себе не совсем ясно, недостаточно широко содержание понятия «культура», «культурность».

От них как-то ускользает гуманитарное, глубоко идеалистическое содержание этих понятий; о чем, собст-

венно, думают они, какие формы чувства и мыслей представляют себе, мечтая о новой культуре?

Вот — вокруг нас мы видим немало так называемых «культурных людей», это люди очень грамотные политически, очень насыщенные различными знаниями, но их житейский опыт, их знания не мешают им быть антисемитами, антидемократами и даже искренними защитниками государственного строя, основанного на угнетении народных масс, на угнетении свободы личности. Эти люди, персонально порядочные и даже, иногда, очень чуткие в частных отношениях, в борьбе за торжество своих идей, в общественной деятельности нимало не брезгают прибегать к приемам нечестным, ко лжи и клевете на врага, к подленьким иезуитским хитростям, даже к жестокости — защите смертной казни, к оправданию расстрелов и т. д. И все это не мешает им считать себя «культурными» людьми. Или, возьмем германскую социал-демократическую партию, она считалась очень культурной и, действительно, ее организации немало послужили делу развития внешней культуры Германии.

Но — вот уже четыре года сотни тысяч социал-демократов Германии, вооруженные мерзейшими орудиями истребления, убивают себе подобных на земле, на воде, в воздухе, под водою, убивают мирное население, женщин и детей, уничтожают города, виноградники, плодовые сады, огороды, пашни, храмы и пароходы, фабрики, уничтожают великий, священный, веками накопленный, труд Бельгии, Франции и т. д.

Я потому говорю о немцах, что их отвратительная деятельность во время войны протекает на чужих землях, но, само собой разумеется, что в этой подлой войне невинных — нет. В ней повинны все, и мы не менее других, только на нашу долю выпало страдать от нее более других, потому что мы оказались всех слабее в отношении внутренней и внешней культуры.

В чем же дело и как должно быть воспринято истинное содержание понятия культура, дабы невозможны стали такие позорные противоречия, каковы указанные?

Очевидно, что мы только тогда получим возможность уничтожить эти позорные противоречия, когда сумеем культивировать свои чувства и волю.

Нужно помнить, что все — в нас, все — от нас, это мы творим все факты, все явления. Можем ли мы воспитать в самих себе органическое отвращение к звериной половине нашего существа, к тем зоологическим началам

в нашей психике, которые позволяют нам быть грубыми и жестокими друг к другу? Можем ли мы внушить сами себе и друг другу отвращение к страданию, преступлению, ко лжи, жестокости и всей той подлой пыли, которой так много в душе каждого из нас, кто бы он ни был, сколь бы высоко «культурным» ни считался?

Истинная суть и смысл культуры — в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страдание, только тогда мы уничтожим его. Нужно научиться хоть немножко любить человека, такого, каков он есть, и нужно страстно любить человека, каким он будет.

Сейчас человек измотался, замучился, на тысячу кусков разрывается сердце его от тоски, злости, разочарований, отчаяния; замучился человек и сам себе жалок, неприятен, противен. Некоторые, скрывая свою боль из ложного стыда, все еще форсят, орут, притворяясь сильными людьми, но они глубоко несчастны, смертельно устали.

Что же излечит нас, что воскресит наши силы, что может изнутри обновить нас?

Только вера в самих себя и ничто иное. Нам необходимо кое-что вспомнить, мы слишком много забыли в драке за власть и кусок хлеба.

Надо вспомнить, что социализм — научная истина, что нас к нему ведет вся история развития человечества, что он является совершенно естественной стадией политико-экономической эволюции человеческого общества, надо быть уверенными в его осуществлении, уверенность успокоит нас.

Рабочий не должен забывать идеалистическое начало социализма, — он только тогда уверенно почувствует себя и апостолом новой истины, и мощным бойцом за торжество ее, когда вспомнит, что социализм необходим и спасителен не для одних трудящихся, но что он освобождает все классы, все человечество из ржавых цепей старой, больной, изолгавшейся, самое себя отрицающей культуры.

Цензовые классы не принимают социализма, не чувствуют в нем свободы, красоты, не представляют себе, как высоко он может поднять личность и ее творчество.

А многие рабочие понимают это? Для большинства их социализм — только экономическое учение, построен-

ное на эгоизме рабочего класса, так же как другие общественные учения строятся на эгоизме собственников.

В борьбе за классовое не следует отметать общечеловеческое стремление к лучшему.

Истинное чувствование культуры, истинное понимание ее возможно только при органическом отвращении ко всему жестокому, грубому, подлому как в себе самом, так и вне себя.

Вы пробуете воспитать в себе это отвращение?

Глебов, в ответ на мой план издания научно и культурно-информационных журналов, восклицает:

«Неужели оттого у нас происходит все нехорошее, что страна не имеет еще двух органов?»

Это восклицание не гармонирует с умным началом его статьи, где он сокрушается об «анархо-бунтарской струе насмешливого отношения к книге».

То, что мы не понимаем или недооцениваем силы знания, является величайшей помехой «на пути под культуру». Без знания и самосознания мы никуда не уйдем из гнилого болота современности. Именно сейчас необходимы органы, которые давали бы нам более или менее точное представление о том, что у нас есть хорошего, именно — хорошего. Подсчет отрицательных свойств и фактор сделан и делается ежедневно, с удовольствием, и пора присмотреться — нет ли вокруг нас явлений и фактов положительных?

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 92 (307),
17 (4) мая 1918 г.

Отрицательные явления всегда неизмеримо обильнее тех фактов, творя которые, человек воплощает свои лучшие чувства, свои возвышенные мечты — истина, столь же очевидная, сколь печальная. Чем более осуществимыми кажутся нам наши стремления к торжеству свободы, справедливости, красоты, — тем более отвратительным является пред нами все то скотски подлое, что стоит на путях к победе человечески прекрасного. Грязь и хлам всегда заметнее в солнечный день, но, часто бывает, что мы, слишком напряженно останавливая свое внимание на фактах, непримиримо враждебных жажде лучшего, уже перестаем видеть лучи солнца и как бы не чувствуем его живительной силы.

О том, что Русь стоит на краю гибели, мы начали кричать — с тоскою, страхом и гневом, — три года тому назад, но — уже задолго до этого мы говорили о неизбежной гибели родины шепотом, вполголоса, языком, искаженным пытками монархической цензуры. Три года мы непрерывно переживаем катастрофу, все громче звучат крики о гибели России, все грознее слагаются для нее внешние условия ее государственного бытия, все более — как будто — очевиден ее внутренний развал и, казалось бы, ей давно уже пора рухнуть в пропасть политического уничтожения. Однако, до сегодня она все еще не рухнула — не умрет и завтра, если мы не захотим этого. Надо помнить, что все отвратительное, как и все прекрасное, творится нами, надо зажечь в себе все еще незнакомое нам сознание личной ответственности за судьбу страны.

Что мы живем скверно, позорно, — об этом излишне говорить, это известно всем — мы давно живем так, а, все-таки, при монархии мы жили еще сквернее и позорнее! Мы тогда мечтали о свободе, не ощущая в себе живой, творческой силы ее, ныне весь народ — наконец ощущает эту силу. Он пользуется ею эгоистически и скотски, и уродливо, все это так, однако — пора понять и оценить тот, огромного значения факт, что народ, воспитанный в жесточайшем рабстве, освобожден из тяжких, уродующих цепей. Внутренно мы еще не изжили наследия рабства, еще не уверены в том, что свободны, не умеем достойно пользоваться дарами свободы, и от этого, — главным образом, от неуверенности — мы так противно грубы, болезненно жестоки, так смешно и глупо боимся и пугаем друг друга.

А, все-таки, вся Русь — до самого дна, до последнего из ее дикарей, не только внешне свободна, но и внутренно поколеблена в своих основах и основе всех основ ее — азиатской косности, восточном пассивизме.

Те муки, те страдания, от которых зверем воет и мечется русский народ — не могут не изменить его психических навыков, его предрассудков и предубеждений, его духовной сущности. Он скоро должен понять, что как ни силен и жаден внешний враг, страшнее для русского народа враг внутренний — он сам своим отношением к себе, человеку, ценить и уважать которого его не учили, к родине — которую он не чувствовал, к разуму и знанию, силы которых он не знал и не ценил, считая их барской выдумкой, вредной мужику.

Он жил древней азиатской хитростью, не думая о завт-

рашнем дне, руководясь глупой поговоркой: «День прошел и — слава Богу!» Теперь враг внешний показал ему, что хитрость травленого зверя — ничто перед спокойной, железной силой организованного разума. Теперь он должен будет посвятить шестимесячные зимы мыслям и трудам, а не полусонному, полуголодному безделью. Он принужден понять, что родина его не ограничивается пределами губернии, уезда, а — огромная страна, полная неисчерпаемых богатств, способных вознаградить его честный и умный труд сказочными дарами. Он поймет, что:

Лень есть глупость тела,
Глупость — лень ума,

и захочет учиться, чтобы оздоровить и ум, и тело.

Революция — судорога, за которою должно следовать медленное и силомерное движение к цели, поставленной актом революции. Великая революция Франции сотрясала и мучила героический народ ее десять лет, прежде чем весь этот народ почувствовал всю Францию своей родиной, и мы знаем, как мужественно он отстоял ее свободу против всех сил европейской реакции. Народ Италии на протяжении сорока лет совершил десяток революций, прежде чем создал единую Италию.

Там, где народ не принимал сознательного участия в творчестве своей истории, он не может иметь чувства родины и не может сознавать своей ответственности за несчастия родины. Теперь русский народ весь участвует в созидании своей истории — это событие огромной важности, и отсюда нужно исходить в оценке всего дурного и хорошего, что мучает и радует нас.

Да, народ полуголоден, измучен, да, он совершает множество преступлений, и не только по отношению к области искусства его можно назвать «бегемотом в посудной лавке». Это неуклюжая, не организованная разумом сила — сила огромная, потенциально талантливая, воистину способная к всестороннему развитию. Те, кто так яростно и без оглядки порицают, травят революционную демократию, стремясь вырвать у нее власть и снова, хотя бы на время, поработить ее узкоэгоистическим интересам цензовых классов, забывают простую, невыгодную им истину: «Чем больше количество свободно и разумно трудящихся людей, — тем выше качество труда, тем быстрее совершается процесс создания новых, высших форм социального бытия. Если мы заставим энергично работать всю массу мозга каждой страны — мы создадим страну чудес!»

Не привыкшие жить всеми силами сердца и ума, мы устали от революции — усталость преждевременная и опасная для всех нас. Я лично не верю в эту смертельную усталость, и я думаю, что она исчезнет, если в стране раздастся бодрый, воскресающий голос — он должен прозвучать!

В одной из битв на Западе француз-капитан вел свою роту в атаку на позиции врага. Он с отчаянием видел, как падают один за другим его солдаты, убиваемые свинцом, а того больше — страхом, неверием в свои силы, отчаянием перед задачей, которая казалась им невыполнимой. Тогда капитан, как и следует французу, человеку воспитанному героической историей, крикнул:

— Встаньте, мертвые!

Убитые страхом воскресли, и враг был побежден.

Страстно верю, что близок день, когда нам тоже кто-то очень любящий нас, кто умеет все понять и простить, крикнет:

— Встаньте, мертвые!

И мы встанем. И враги наши будут побеждены.

Верю.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 93 (308), 18 (5) мая 1918 г.

Мы плохо знаем, как живет современная деревня, лишь изредка и случайно доносятся «из глубины России» голоса ее живых людей — вот почему я нахожу нужным опубликовать нижеприводимое письмо, полученное мною на днях.

«Глубокоуважаемый друг и товарищ!» Затем следует несколько строк дружеских излияний, а суть письма — вот какова:

«Нового у нас в селе за последнее время очень много, в особенности за прошлую неделю. 3 и 4 апреля пришлось пережить нам всем, Басьцам, весьма тяжелое время в нашей жизни, а именно: 3 апреля к нам, в село Баську, приезжали красногвардейцы, около 300 человек, которые ограбили всех состоятельных домохозяев, т. е. взяли контрибуцию, с кого тысячу, с кого две и до шести тысяч рублей, всего с нашего села собрали 85.350 руб., которые и увезли с собой; а сколько, кроме того, ограбили разного добра у наших граждан, хлебом, мукою, одеждой

и проч., то тем и подсчета вести нет возможности, а у Сергея Тимофеевича взяли жеребца, но только не пришлось им воспользоваться, только доехали до села Толстовки, он и пал, около церкви. А сколько пороли нагайками людей, трудно и описать, и так сильно пороли, что от одного воспоминания волосы дыбом становятся, это прямо ужасно! Эти два дня провели наши Басьцы в таком страхе, что всех ужасов описать не хватит сил. Всем казалось, что легче пережить муки ада, нежели истязания этих разбойников.

Больше особых новостей в нашем селе нет, а в Барановке, Болдасьеве и Славкине, после отъезда красной гвардии, по примеру этих разбойников, сами, беднейший класс, начали грабить состоятельных граждан своего села, даже делают набеги на другие села в ночное время. Словом, здесь жизнь становится невыносимой. Затем до свиданья, ждем вас в гости, а пока — будьте здоровы».

Эпическая простота рассказа как нельзя убедительнее свидетельствует о правдивости автора, изобличая в нем настоящего русского человека из тех, которые издавна ко всему притерпелись и если говорят о «муках ада», так это больше для красного словца, чем из чувства возмущения грабежом и побоями. Это человек, который видел, как «беднейший крестьянин», послужив в солдатах, возвратился в деревню крестьянином «богатейшим»; теперь он наблюдает как этого «богатейшего» снова превращают в «беднейшего», он знает, что когда красногвардейцы, обеднив «богатейших», встанут на их место, то и красногвардейцев можно будет пограбить.

Он считает эту чехарду «невыносимой», однако не настолько, чтобы отказаться видеть своего приятеля в гостях у себя. Чехарда возмущает его ум, но, кажется, не очень глубоко задевает чувство справедливости, и весьма возможно, что он с уверенностью ждет своей очереди превращать богатейших в беднейших. Все это похоже на карикатуру, на фарс, но — к сожалению, это «правда жизни», вызванная из недр деревенской зоологии лозунгом «грабь награбленное!»

Вот и грабят усердно «эти бедные селенья», с которых можно собирать по 85 тысяч рублей, грабят, ибо очень твердо запомнили неглупую поговорку, созданную цинизмом хищников и тупым отчаянием неудачников: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Каторжный мужицкий труд, целиком зависимый от благорасположения стихии и руководимый древними навыками, а не но-

вейшими успехами знания, не способен развить вкус к «праведному», упорному и честному труду, а ход истории экономического развития России даже и кретина способен убедить в том, что поистине «собственность — есть кража».

И вот грабят, воруют, поощряемые свыше премудрой властью, возгласившей народу и миру якобы новейший лозунг социального благоустройства:

— Сарынь на кичку! — что в переводе на язык текущего дня и значит:

— Грабь награбленное!

Вспоминаются стихи из фарса Шумахера:

Винить ли мужика за то, что он мужик?
От колыбели он быть таковым привык.

Винить следует не мужика — от только послушно идет по пути, предуказанному его темной воле людьми мудрыми, людьми разума.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 94 (309),
19 (6) мая 1918 г.

По вопросу о том, кто разрушил армию, в некоторых кругах существует вполне определенный ответ: армию разрушили социалисты. Это один из основных припевов к бесконечно длинной песне о гибели России, которая еще не погибла и, видимо, не хочет погибать, это одно из коренных обвинений, выдвигаемых против социалистов патриотами, которые любят Россию любовью голодных волков, и это одно из тех обвинений, которые наименее искренни, наиболее фальшивы.

О том, что армия неизбежно должна развалиться, говорила еще докладная записка Комитета обороны, поданная в 16-ом году на имя царя, но это забыто, ибо это невыгодно помнить усердным составителям обвинительного акта против социалистов.

Недавно мне попала под руку связка писем, полученных мною с фронта в 16-ом и 17-ом годах: некоторые из них должны быть опубликованы, ибо они очень определенно говорят о причинах разложения армии. Вот, например, письмо солдата, относящееся к марту 16-го года:

«Это письмо посылаю секретно с товарищем, уехавшим на побывку, а то в обыкновенных письмах ни о

чем писать нельзя, т. к. их просматривает военная цензура и, если найдут 2—3 слова о чем-либо таком, то сейчас же допытываются: кто писал, какой роты, взвода, и 25 розог всыпят, а то ставят под ружье на окопы, чтобы германец стрелял, этой практики было много, но ему спасибо, не стреляет, а кричит: «не бойся, русс, стрелять не будем, потому что тебя поставило начальство».

Стоим от него на 100 шагов, так что вообще-то выйти никак нельзя, жарит вовсю; у нас без боя выбыло за 40 дней из полка 112 человек. Грязь по колено, холод, снег, болезни... А кормят одной несчастной кашицей, иногда с мясом, а чаще всего без оного, станешь говорить — голодно, отвечают: не поспевают нам возить хлеба. А чего — на 48 чел. дают в день 7 хлебов по 11 фунтов. А ведь всю ночь работаешь — роем окопы. Правда, хлеб можно купить в обозе, но черный стоит 20 коп. фунт, а белый 45, вот и поешь».

В другом письме, от июня того же года, унтер-офицер, доброволец, трижды награжденный орденом Георгия, жалуется:

«Я простой солдат, воюю не ради эгоизма, а по любви к родине, по злобе на врага, ну, все-таки ж и я понимать начал, что дело плохо, не выдержать нам. Теперь, возвратившись из лазарета, из России, я вижу, в чем беспорядок, потому что на фронте люди выбились из сил и не хватает их, а в тылу десятки тыщ остаются зря, болтаются без дела, только жрут, объедая Россию. Кто это распоряжается так безобразно?»

Распоряжались не социалисты.

Юноша артиллерист сообщает:

«Корпусный командир А. говорит офицерам, которые нравятся ему:

— Берите сколько угодно этой сволочи и — действуйте. Чего ждать!

Его любимчики брали роту, две и вели солдат на окопы немцев без артиллерийской подготовки, солдат били, офицеры получали ордена. Один раненый пехотинец сказал мне:

— Бьют нас, как вошь — беда! То холеру напустят, то войну затеят, эх, Господи, бежать бы!»

Причем тут социалисты?

Я спросил георгиевского кавалера, раненого:

— Трудно в окопах?

Он ответил:

— Солдатам трудно, не понимаю, как они терпят! Вот

я, например, я был одеялом, а не подстилкой, а солдат — подстилка. Видите ли, в непогоду, когда в окопах скопилась вода, на дно окопа, в грязь, ложились рядовые, а мы, офицеры, покрывали их сверху. Они получали ревматизм, а мы — обмораживались.

Известный писатель Г-в писал в 16-ом году: «С утра до вечера порют за уклонение от работ в окопах, порют солдат, беженцев, евреев. А они не могут работать — истощены».

Тыловые солдаты знали о положении дел на фронте, им говорили об этом раненые, калеки, обмороженные, туберкулезные воины. И в тылу создавалось определенно безнадежное настроение, с которым — не побеждают.

Вся тыловая масса распевала частушки, вроде следующих:

Не горюйте, новобранцы:
Все равно убьют германцы!

Что ты, белый царь, наделал —
Безо время войну сделал!
Безо время, без поры
Нас на бойню повели.

Ох, не хочется к Романову
В работнички идти:
У Романова работников
Сажают на штыки.

И, провожая на смерть обреченных парней, девицы озлобленно выкрикивали:

Найди, туча, найди, гром,
Разрази казенный дом!
В том дому убей того,
Кто отнял друга моего.

Пополнения из тыла приходили плохо вооруженными, плохо обученными и уже подавленные тем, что они знали о фронте.

Во всем этом социалисты нимало не повинны.

Вот отрывок из письма интеллигента-офицера, настроенного в общем очень бодро:

«Эта масса так темна, что для многих из них совершенно непонятно, что происходит кругом. Они не доверяют никому — ни Керенскому, ни С. Р. и С. Д., ни Вр. Пр. Все это для них пустые звуки. Я собственными ушами слышал такие рассуждения, что буквально язык прилипал к устам и не знаешь, что можно ответить на такие заяв-

ления: «Бог его знает, кто этот Керенский, может, он еще три года хочет воевать».

С.Р. и С.Д., это, по их мнению, тыловые солдаты, которые не хотят идти на фронт, а кричат: «война до победы!»

Другой офицер пишет:

«А все-таки, у этих слепых великомучеников есть что-то вроде государственного инстинкта, иначе нельзя объяснить, почему они не разбегутся, воткнув штыки в землю».

В конце концов — они разбежались, потому что не хватило терпения, потому что армия знала и помнила такие факты, как хождение в атаку с дубинками, вместо ружей, и отбитие атак камнями, вместо шрапнели.

В четырнадцатом и пятнадцатом годах вся пресса громогласно и ежедневно пела дифирамбы мужеству русского солдата, в 16-ом, когда социалисты еще молчали, тон дифирамбов значительно понизился, к концу года некоторые журналисты весьма мужественно начали сомневаться в боевых качествах победоносной армии — сомнение, не очень уместное после того, как почти весь кадровый состав армии был уничтожен боями, болезнями и отвратительным отношением к солдату.

Я пишу это не ради защиты социалистов, не нахожу, чтобы они нуждались в защите, но уж очень противно наблюдать, как ложь, будучи повторена тысячекратно, приобретает для многих облик правды.

А настоящая суровая и беспристрастная правда в том, что вся Русь, а не только ее армия, начала разрушаться задолго до того, как социалисты получили в ней право голоса, и что теперь на ответственность социалистов историей возложена гигантская работа оздоровления и возрождения России.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 95 (310),
21 (8) мая 1918 г.

У нас, на Руси, о культуре следует говорить бесконечно — и еще столько же.

Пришел ко мне поэт-самоучка, такой здоровый, гладкий молодец лет 20-ти, с добрыми — не без хитрецы — глазами, прочитал мне полсажени довольно немудрых стихов, и вдруг в ушах моих звучит следующее двустишие:

Лукавый тевтон, под искусною маской,
Задумал в Россию культуру ввести!

Спрашиваю поэта:

— Не объясните ли вы мне — что такое, по-вашему, культура?

Он придал недоделанному лицу своему выражение снисходительное и объяснил:

— Я понимаю культуру как всякое стеснение человека, примерно: организации, партии и вообще все, что против свободы личности.

— Вы анархист?

— Нет, я с ними поссорился, они тоже — партия и заставляют книги читать.

— А вы не любите читать?

— Романы и стихи читаю, только не очень, это мне мешает свои стихи сочинять, начитаешься, а у самого ничего уж и не выходит. Поэт должен беречь себя, никому не поддаваться, а черпать вдохновение из своей души.

— Какие же вы стихи читали?

— Северянина, потом еще некоторых... много! Только согласен с одним — не помню имя — который говорит:

Не учись по этим книгам,
Что лежат перед тобой,
Лицемеры их писали,
Вознесенные толпой...

— Это очень верно сказано — вы согласны?

— Разные книги есть...

Он живо перебил меня:

— Нет, для поэта всякое чужое — вредно, он должен жить только своим. Да и вообще русские должны жить своим, мы народ особенный, вот, — никто не может отказаться воевать, а мы отказались!

— Ну, где же отказались? Друг друга-то бьем и прежестоко!

— Это наше внутреннее дело. А немецкой или французской культуры, все-таки, не примем — вот, они дерутся, как звери, все одно! Срам!

— Вы — крестьянин?

— Да. Только я не считаю себя никем, я не люблю деревню и мужиков тоже, это люди чужие мне, понять меня они не могут.

Круглое полудетское лицо его стало грустно, светлые глаза обиженно прищурились, он погладил чистенько вымытой рукой волосы, завитые на концах в колечки, и тя-

жело вздохнул. Совсем — страдалец. Непонятная душа.

Когда я сказал ему, что, на мой взгляд, он не умеет писать стихов и что ему нужно учиться, он не поверил мне, но, кажется, не очень обиделся.

— Учиться, — сказал он, задумчиво хмурясь, — значит — быть, как все? Не гожусь я для этого, я хочу жить сам по себе. Гимназисты, студенты — все одинаковы. Нет, уж я как-нибудь добьюсь...

Он ушел огорченный, и я знаю, что года два-три, а, может, и пять он бесполезно для себя убьет, «добиваясь» неосуществимой для него возможности быть непохожим на других.

А через пять лет он приткнется к какому-нибудь сытному делу и будет делать его неглупо, не очень охотно, будет жить с великой обидой на людей вообще и с презрением ко всем, кто — так или иначе — будет зависим от него.

* * *

Г-жа З. Г.[32] пишет мне:

«Я могу представить себе десятки, даже сотни мужиков, способных принять культуру, но когда я подумаю, что все мужики и бабы научатся чистить ногти или сморкаться в платки — это кажется мне смешной утопией».

* * *

Ветеринар А. Н. рассуждает о культуре так:

«В самом слове «культура» ясно виден ее смысл — культ, религия. Культура может развиваться только на религиозной почве и это будет истинная культура, а все остальное — культура вещей, внешнее и от лукавого. В эти дни, когда человек озверел, спасти его может только возвращение к Богу, ко Храму, к наивной вере: «Будьте, как дети», вот, что надо сказать людям, вот, чему надо их учить, а вы учите — будьте, как звери. Это — влияние германское, влияние поганых книг Ницше, Маркса, Канта и других иезуитов, придумавших все эти идеи специально только для нас, русских, ибо немец знает, что мы падки на идеи, как жерех на навозных червей».

* * *

«Противно и гадко говорить о культуре, когда мужики сыты, а интеллигенция голодает», — пишет учительница, а «группа молодежи» убеждена:

«Это к лучшему, что с людей сходит все внешнее, возложенное ими на себя по долгу, по учению святых отцов литературы, философии и науки, — слиняет, сойдет все это и человек действительно будет свободен. Может быть, он примет то же самое, что отверг, но на время ему необходимо пожить без идей, принципов и всяких традиций — довольно уж литературы, культуры, социализма и всего этого».

* * *

Можно привести еще десяток столь же самобытных мнений о культуре, мнений, свидетельствующих о развитии мысли в родных Тамбовско-Калуцких школах философии, но и цитированные с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что ощущение жизни у нас становится острее, а понимание ее смысла и целей — тупеет. Ну, а те правила общественного поведения, те навыки взаимоотношений, которые могут быть построены на остром зоологическом ощущении жизни, не обещают нам радостей, они еще более усугубят всеобщее одичание, которому, не сопротивляясь, подчиняется не только деревня, но и город, не только народ, но и так называемые «полуинтеллигенты».

Отсюда еще раз, с полной очевидностью вытекает необходимость культурно-просветительной работы — немедленной, планомерной, всесторонней и упорной.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 97 (312),
23 (10) мая 1918 г.

Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает: «В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусств, вывезенных из России. В Христиании таких магазинов я насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. На некоторых магазинах надписи: «Аникварные и художественные вещи из России», «Русские древности». В газетах часто встречаются объявления: «Предлагают ковры и другие вещи из русских императорских дворцов».

Нет сомнения, что этот рассказ — печальная истина, печальная в такой же степени, как и позорная для нас. Чтобы убедиться в этой истине, стоит только посвятить два-три дня на обзор того, что творится в галереях Александровского рынка, в антикварных лавках Петрограда и бесчисленных комиссионных конторах, открытых на всех улицах города. Всюду неутомимо ходят хорошо выбритые, но плохо говорящие по-русски люди американской складки и — без конца покупают, покупают все, что имеет хотя бы ничтожное художественное значение. Особенно усердно и успешно охотятся за восточными вещами — китайским и японским фарфором, бронзой, старинным лаком, вышивками по шелку, рисунками, финифтью, клуазоннэ и т. д. Иностранцам хорошо известно, что Россия густо насыщена предметами восточного искусства — особенно после похода на Пекин, где наши воины вели себя весьма бесцеремонно по отношению к собственности китайцев и откуда наши воеводы возили ценные вещи вагонами. Манчьжурская авантюра еще значительнее усилила приток восточных вещей, немало вывезено их в Россию и за время японской войны. Но, разумеется, больше всего способствовало насыщению России восточным искусством наше непосредственное соседство с Китаем.

Знатоки дела, изучавшие историю восточного искусства, и коллекционеры утверждают, что у нас можно найти в чудесном изобилии такие редкие и древние вещи Востока, каких нет уже ни в Китае, ни в Японии. Очень многие иностранцы удивляются, что, несмотря на такое богатство художественными сокровищами Востока, несмотря на духовную связь русского искусства с восточным, у нас нет музея восточных древностей и восточного искусства.

Конечно — это удивление наивных людей, разуму которых совершенно недоступно понимание нашей русской оригинальности, нашей самобытности. Эти люди, видимо, не знают, что у нас — лучший в мире балет и — самая отвратительная постановка книгоиздательского дела, несмотря на то, что Русь — обширнейший в мире книжный рынок. Им неизвестно, что газеты Сибири, изобилующей лесами, печатаются на бумаге, производимой из Финляндии, и что мы возим хлопок из Туркестана в Москву для того, чтобы, обработав оный, отвезти обратно из Москвы в Туркестан.

Вообще иностранцы народ наивный и невежественный, и Русь для них — загадка. Для некоторых русских она

тоже является загадкой и притом весьма глупой, но эти русские — просто люди, лишенные чувства любви к родине, патриотизма и прочего, это — еретики, а по мнению людей, обладающих волчьим патриотизмом, это — Хамы, не щадящие наготы отца своего, будто бы потому, что нагота отвратительна, когда она уродлива и грязна.

Но — шутки прочь. Дело в том, что Россию грабят не только сами русские, а иностранцы, что гораздо хуже, ибо русский грабитель остается на родине вместе с награбленным, а чужой — улепетывает к себе, где и пополняет, за счет русского ротозейства, свои музеи, свои коллекции, т. е. — увеличивает количество культурных сокровищ своей страны, сокровищ, ценность которых — неизмерима, так же как неизмеримо их эстетическое и практическое значение. Они не только воспитывают вкус и любовь к изящному, не только возбуждают уважение к творческим силам человека, но служат возбудителями стремления к созданию новых вещей, новых форм красоты и, таким образом, влияют на развитие художественной промышленности. А вместе с неизбежным изменением социальных условий, вместе с приобщением демократии к культуре, воспитательная роль художественной промышленности будет огромна и развитие ее быстро.

Мы и тут поплетемся сзади других, а мудрецы наши будут охать, высказывая запоздалые и бессмысленные сожаления:

— «Ведь сколько было у нас, в России, прекрасных вещей величайшего значения, и художественного, и научного, а вот — все исчезло! Так жаль, что не догадались своевременно собрать их, устроить музей — как бы хорошо было это!»

Поохают и — успокоятся.

А, между тем, время еще не ушло и можно бы сохранить много ценного и необходимого для культуры России.

* * *

Умирает от голода Вера Алексеевна Петрова, врач первого выпуска «Женских медицинских курсов». Мне пишут о ней:

«Я не знаю, кого просить за старого, больного человека, фактически умирающего от голода — врача, всю жизнь свою посвятившего народу, земской работе. Теперь она умирает беспомощная, покрытая грязью, в пыльной, ужасной комнате. Если бы Вы слышали ее слова, уже потустороннего человека. — «Какой ужас голод!» Умирает

смертью медленной и верной, не имея ни одного человека, который принес бы ей кипятку или кусок хлеба. Говорили так много о кротости и любви... где она? Равнодушного зверя, без добрых начал и порывов, голодное брюхо — вот, что из нас сделали...»

Необходима помощь. Адрес В. А. Петровой: 6-ая Рождественская, д. 8, комната 46. Деньги можно направлять и в редакцию «Новой Жизни».

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 100 (315), 26 (13) мая 1918 г.

В десятках писем, отовсюду присылаемых мне, наиболее интересными являются письма женщин. Посвященные впечатлениям бурной действительности, эти письма насыщены тоской, гневом, негодованием; но чувство беспомощности и апатии звучит в них реже, чем в письмах мужчин, каждое женское письмо — крик души, терзаемой многообразными пытками суровых дней.

Прочитав их, ощущаешь сердцем, что все они написаны как бы единой женщиной — матерью жизни, той, из лона которой пришли в мир все племена и народы, той, которая родила и родит всех гениев, той, которая помогла мужчине переродить грубо зоологический позыв животного в нежный и возвышенный экстаз любви. Эти письма — гневный крик существа, которое вызвало к жизни поэзию, служило и служит возбудителем искусств и которое вечно страдает неутомимою жаждою красоты, любви, радости.

Женщина, в моем представлении, прежде всего — мать, хотя бы физически она была девушкой: она — мать не только по чувству к своим детям, но также — к мужу, любовнику, и вообще к человеку, исшедшему в мир от нее и через нее. Существо, непрерывно пополняющее убыль, наносимую жизни смертью и разрушением, она должна и более глубоко и более остро, чем я, мужчина, чувствовать ненависть и отвращение ко всему, что усиливает работу смерти и разрушения. Такова, на мой взгляд, психофизиология женщины.

«Идеализм!»

Может быть. Но если это идеализм — он из круга тех верований, которые органически свойственны мне и тоже являются, очевидно, основою моей психофизиологии. Во всяком случае, эти мнения я не вчера выдумал, они со

мною от юности, но — меня не смутило бы, если бы они явились у меня и вчера, ибо я нахожу, что социальный идеализм как нельзя более необходим именно в эпоху революции — я подразумеваю, конечно, тот здоровый, облагораживающий чувство идеализм, без которого революция потеряла бы свою силу делать человека более социально сознательным, чем он был до революции, потеряла бы свое моральное и эстетическое оправдание. Без участия этого идеализма, революция — и вся жизнь — превращается в сухую, арифметическую задачу распределения материальных благ, задачу, решение которой требует слепой жестокости, потоков крови и, возбуждая звериные инстинкты, убивает насмерть социальный дух человека, как мы видим это в наши дни.

* * *

Письма, о которых я веду речь, переполнены воплями матери о гибели людей, о том, что среди них растет жестокость, о том, что люди становятся все более дикими, подлыми, бесчестными, о том, что нравы со страшной быстротою грубеют. Эти письма наполнены проклятиями большевикам, мужикам, рабочим — женщина призывает на головы их все козни, бичи и ужасы.

«Перевешать, перестрелять, уничтожить» — вот, что требует женщина, мать и нянька всех героев и святых, гениев и преступников, подлецов и честных людей, мать Христа, а также Иуды, Ивана Грозного и бесстыдного Макиавелли, кроткого и милого святого Франциска из Ассизи, мрачного врага радостей Савонаролы, мать короля Филиппа II, который радостно смеялся только однажды в жизни, когда он получил известие об успехе Варфоломеевской ночи, — о величайшем из преступлений Екатерины Медичи, которая тоже рождена женщиной, была матерью и, по-своему, искренно заботилась о благе множества людей.

Отрицая жестокость, органически ненавидя смерть и разрушение, женщина-мать, возбудитель лучших чувств мужчины, объект его восхищения, источник жизни и поэзии — кричит:

— Перебить, перевешать, расстрелять...

Тут есть страшное и мрачное противоречие, в корне способное уничтожить тот ореол, которым окружила женщину история. Может быть, основа его в том, что женщина не сознает своей великой культурной роли, что она не чувствует своих творческих сил и слишком поддается отча-

янию, вызванному в ее душе матери хаосом революционных дней?

Я не стану рассматривать этот вопрос, но я позволю себе указать на следующее:

Вы, женщины, прекрасно знаете, что роды всегда сопровождаются муками, что новый человек рождается в крови — такова злая ирония слепой природы. Вы по-звериному кричите в момент родов и — счастливо, улыбкою Богоматери улыбаетесь, прижимая новорожденного к груди.

Я не могу упрекать вас за ваш звериный крик — мне понятны муки, вызвавшие этот вопль нестерпимой боли — я сам издыхаю от этой муки, хотя я не женщина.

И я всем сердцем, всей душой хочу, чтобы вы скорее улыбались улыбкою Богоматери, прижимая к груди своей новорожденного человека России!

* * *

Вы, женщины, можете ускорить тяжкий процесс родов, вы можете сократить ужас мук, переживаемых страною, для этого вам нужно вспомнить, что вы — матери и неисчерпаема живая сила любви в ваших сердцах. Не поддавайтесь злым внушениям жизни, станьте выше фактов. Это требует силы — вы найдете ее, теперь, в России, вы свободны более, чем где-либо в мире, — что мешает вам проявить ваше лучшее, ваше материнское?

Надо вспомнить, что революция не только ряд жестокостей и преступлений, но также ряд подвигов мужества, чести, самозабвения, бескорыстия. Вы не видите этого? Но, может быть, вы только потому не видите, что ослеплены ненавистью и враждой?

А если, присмотревшись внимательнее, вы, все-таки, не найдете ничего светлого и бодрого в хаосе и буре наших дней, — создайте сами светлое и доброе! Вы — свободны, вы сильны обаянием вашей любви, вы можете заставить нас, мужчин, быть более людьми, более детьми.

Сорокалетние гражданские войны XVII века вызвали во Франции отвратительное одичание нравов, развили хвастливую жестокость — вспомните, какое благодетельное, оздоровляющее значение имела тогда для всей страны Юлия Рекамье. Таких примеров влияния женщины на развитие человеческих чувств и мнений вы можете вспомнить десятки. Вам, матерям, надлежит быть неумеренными в любви к человеку и сдержанными в ненависти к нему.

Большевики? Представьте себе, — ведь это тоже люди, как все мы, они рождены женщинами, звериного в них не больше, чем в каждом из нас. Лучшие из них — превосходные люди, которыми со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут и восхищаться их энергией. Их действия подлежат жесточайшей критике, даже злому осмеянию, большевики награждены всем этим в степени, быть может, большей, чем они заслуживают. Их окружает атмосфера удушливой ненависти врагов, и, еще хуже, еще пагубнее для них — лицемерная, подленькая дружба тех людей, которые, пробиваясь ко власти лисой, пользуются ею, как волки, и — будем надеяться! — издохнут, как собаки.

Я защищаю большевиков? Нет, я, по мере моего разумения, борюсь против них, но — я защищаю людей, искренность убеждений которых я знаю, личная честность которых мне известна точно также, как известна искренность их желания добра народу. Я знаю, что они производят жесточайший научный опыт над живым телом России, я умею ненавидеть, но предпочитаю быть справедливым.

О, да, они наделали много грубейших, мрачных ошибок, — Бог тоже ошибся, сделав всех нас глупее, чем следовало, природа тоже во многом ошиблась — с точки зрения наших желаний, противных ее целям или бесцельности ее. Но, если вам угодно, то и о большевиках можно сказать нечто доброе, — я скажу, что, не зная, к каким результатам приведет нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически — большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы.

Она не погибнет теперь, ибо народ — ожил и в нем зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фанатизированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости.

* * *

Русь не погибнет, если вы, матери, жертвенно вольете все прекрасное и нежное ваших душ в кровавый и грязный хаос этих дней.

Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите любя, — вам ли, рождающим страдая, не понимать удивительной силы сострадания к человеку! У вас есть все для

того, чтобы смягчать и очеловечивать — в сердцах матерей всегда больше солнечного тепла, чем в сердце мужчины. Вы только вспомните этих проклятых мужчин — большевиков и прочих, — одичавших, огрубевших в работе разрушения гнилой храмины старого строя, вспомните их, когда они были новорожденными младенцами, — как всем младенцам, им тоже нужно было вытирать носы, и беспомощны они были, как все младенцы. И — разве есть человек, который не был бы обязан вам лучшими днями своей жизни?

Вам, матери, надо вспомнить все то, что вносит в жизнь ваша любовь — это избавит вас от мучительного гнета ненависти, которая убивает величайшее из чувств, — чувство матери.

Разве вы пробовали — пробуйте — смягчать жестокость обостренной борьбы, разве вы пытались пересоздать нравы, облагородить отношения, пробуждающие ваш справедливый гнев? Вы увлекаетесь бесплодной ненавистью ко взрослым, но, может быть, полезнее, достойнее было бы предохранить юношество и детей от растлевающего влияния современности? Вы тратите ваше внимание и чувство на подбор фактов, которые, действительно, порочат человека, возбуждают отвращение к нему, но — не лучше ли будет, если вы поищете или попытаетесь своей силою создать явления, возвышающие человека в его и в ваших глазах?

Физически матери людского мира, вы могли бы быть и духовными матерями его, — ведь если вы порицаете, значит — вы стоите на высоте, позволяющей вам видеть больше, чем видят другие. Поднимайте же и других на эту высоту!

Россия судорожно бьется в страшных муках родов, — вы хотите, чтобы скорее родилось новое, прекрасное, доброе, красивое, человеческое?

Позвольте же сказать вам, матери, что злость и ненависть — плохие акушерки.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 103, (318),
30 (17) мая 1918 г.

Уже не раз ко мне обращались представители домашней прислуги с просьбами «похлопотать» о разрешении печатать в газетах объявления о спросе на труд и предложения труда.

Вот одна из таких просьб, изложенная в письме:

«Постарайтесь разъяснить теперешней власти, чтобы она избрала какую ей угодно газету и разрешила бы публикации, по которым мы могли бы найти себе занятие, как это было прежде. Прежде, бывало, возьмешь газету и можешь выбрать по своей специальности предложение, а теперь обобьешь пороги всех союзов и видишь подлые улыбки и грубые шутки, а работы нет. Пусть советская власть выбирает газету для публикаций о труде. Публикации принесут ей большие доходы и это тем важно для нее, ведь у совета денег нет».

Не знаю, верно ли, что ищущие труда встречают в правлениях профессиональных союзов «подлые улыбки», но невольно, — ввиду единодушия жалоб, — приходится верить, что «грубые шутки» и вообще грубость уже вошли в привычку новой бюрократии. Об этом немало писали «буржуи», но буржуям не принято верить даже и тогда, когда они вполне искренно утверждают, что все брюнеты — черноволосы. Однако начинают жаловаться рабочие:

«Я, — пишет один из них, — имею перед революцией не меньше заслуг, чем те мальчишки на Гороховой, которые лают на меня собаками. Я большевик с 904-го года, а не с октября, я два года семь месяцев торчал в тюрьмах, отбыл пять лет голодной ссылки. По должности председателя волостного комитета, я прихожу к начальству с мужиками, на нас орут и мне стыдно взглянуть в глаза товарищей-крестьян, вдруг они спросят меня: «Чего же это кричат как будто при царе?» Действуйте на этих людей как-нибудь, чтоб они опамятовались!»

Рабочий, арестованный за то, что упрекнул пьяного красногвардейца в грубости, был обвинен в «контрреволюционном настроении», и на допросе ему, по его словам, «совали в рыло револьвертом, приговаривая: отвечай! Я им ответил: товарищи мы али нет? А они — таких по зубам нужно бить товарищей. Позвольте заявить, что по зубам били достаточно в старину, а если и нынче так, то — не стоит овчинка выделки».

Такие обвинения раздаются все чаще, и я не вижу, чем могут оправдать себя люди, вызывающие столь постыдные обвинения и жалобы. При старом режиме презрение к человеку рабочего класса объяснялось психологией свиньи, пожравшей правду, после 905 г. свинья хрюкала особенно грубо и нагло, чувствуя себя победившей, она торжествовала.

Но в наши дни — победителей нет, хотя мы и деремся

непрерывно, торжествовать — некому и — над кем издеваться? Неужели мы издеваемся друг над другом только по привычке, потому, что над нами издевались в свое время?

«Я не отвечаю за армию!» — ответил один солдат на известные упреки штатской улицы.

Представители власти, юнцы, вчерашние политические блондины, сегодня интенсивно рыжие, не могут воспользоваться ответом солдата для своего оправдания. Ведь каждый из них, наверное, считает себя носителем новой, социально-гуманной, справедливой власти, и каждый обязан отвечать и лично за себя, и за всю армию строителей новой жизни. Ведь таково их идеальное назначение, не правда ли? Ведь это именно они сменили старых сеятелей «разумного, доброго, вечного»? Что же именно нового, много ли разумного и доброго вносят они непосредственно в быт, в тяжкую жизнь голодных буден?

Если у них нет ума — то, может быть, найдется немножко совести, и она заставит их подумать над обвинениями, выдвинутыми против них со стороны представителей того класса, интересам которого они, якобы, служат.

С жадностью голодного — психологически очень понятной — «Петроградская Правда» отмечает каждое доброе слово, сказанное по адресу «большевиков». Говорит ли о них Изгоев — с иронией иезуита — или Клара Цеткин, со множеством пояснений, уничтожающих хвалу, «Правда» немедленно перепечатывает на своих страницах эти сомнительные похвалы, очевидно, полагая, что они касаются и ее. Перепечатала она и несколько слов из моего ответа на письма женщин и сопроводила их таким вопросом:

«Не согласится ли теперь Горький, что многие из «мыслей», высказывающихся им ранее, были, действительно, «несвоевременными»?»

Нет, не соглашусь. Все то, что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевиков, восходящей до садизма, о некультурности их, о незнании ими психологии русского народа, о том, что они производят над народом отвратительный опыт и уничтожают рабочий класс — все это и многое другое, сказанное мною о «большевизме» — остается в полной силе.

«Новая Жизнь» № 105 (320),
1 июня (19 мая) 1918 г.

В мужскую Обуховскую больницу поступил «с явлениями резкого истощения на почве плохого питания» профессор Технологического Института физик Николай Александрович Гезехус. В свое время профессор Гезехус был настолько популярен как ученый, что талантливые преподаватели физики именовались в честь его «гезехусами». Ныне ему 72 года, он лежит в Обуховской больнице, распухший от голода, с отеками на ногах.

Я думаю, что этот факт не нуждается в пояснениях и ламентациях, я только напомню, что Великая французская революция, отрубив голову химику Лавуазье, не морила голодом своих ученых. Так как у нас, при всеобщем моральном отупении, все возможно, то, может быть, какой-нибудь циник скажет:

— Профессору 72 года...

Но и самый гнуснейший циник будет обезоружен, если узнает, что в мужском отделении одной Обуховской больницы лежит 134 человека «больных от голода», «заболевших вследствие недостаточного или ненормального питания», и 59 человек из них моложе 30, а человек 30 — моложе 20. Все это люди физического труда, люди, которым для нормальной жизни необходимо питание, которое давало бы организму 3000 тепловых калорий и которые при современном продовольственном пайке получают 500—600 тепловых единиц, т. е. менее четверти количества, необходимого человеку. При этом надо помнить, что далеко не все, вводимое в желудок, может быть усвоено организмом, полусоломенный хлеб, головы селедок, дуранда и прочее в этом роде не столько на пользу, сколько во вред людям.

Голод в Петрограде начался и растет с грозной силой. Почти ежедневно на улицах подбирают людей, падающих от истощения: то слышишь, свалился ломовой извозчик, то генерал-майор, там подобрали офицера, торговавшего газетами, там модистку.

Но, может быть, страшнее физического умирания от голода — все более заметное духовное истощение. Недавно внимание врачей было остановлено фактами резкого понижения веса среди лиц интеллектуального труда. Люди этой категории питаются, все-таки, лучше рабочих, да и

тепловых единиц им нужно на тысячу меньше, чем людям физического труда, однако — исхудание среди них все прогрессирует. Медицинское исследование показало, что эти люди выделяют огромное количество фосфора, что указывает на ненормальное сгорание нервной ткани и что должно, в конце концов, привести людей к истощению духовной, творческой силы, необходимой нашей стране больше, чем когда-либо раньше.

Умирает Петроград как город, умирает как центр духовной жизни. И в этом процессе умирания чувствуется жуткая покорность судьбе, российское пассивное отношение к жизни.

Я был глубоко взволнован единодушием, с которым люди разных классов оказали помощь забытой всеми, умиравшей от голода и грязи женщине-врачу В. А. Петровой. Но г-жа З. Введенская и М. А. Беренс извещают меня, что Петрова «жила в этих ужасных условиях несколько лет». Несколько опоздали мы с помощью. А до чего дожила В. А. Петрова, об этом сообщает мне г-жа Ек. Пуговко:

«Вчера еще раз перед глазами предстал кошмарный ужас — старческое тело, измученное голодом и вшами, целыми стаями кишащих в струпьях.

Если бы можно было передать, что отразилось в глазах врачей и даже видавших виды служанок, присутствовавших при ванне Петровой.

Одна из служанок обратилась ко мне с вопросом: «Где вы ее нашли?»

Я сказала где.

«Кто она?»

На мой ответ, что это женщина-врач, служанка посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и, указав пальцем на Петрову, сидевшую в ванне, почти крикнула, не веря:

— Кто? — Она врач?

Горьким упреком прозвучало замечание одной из врачей, здесь находившихся:

— Не все доктора, очевидно, богато живут».

Надо что-то делать, необходимо бороться с процессом физического и духовного истощения интеллигенции, надо почувствовать, что она является мозгом страны, и никогда еще этот мозг не был так нужен и дорог, как в наши дни.

Интеллектуальные силы Петрограда должны немедленно организоваться, в целях самосохранения, в целях защиты от голода и нервного истощения. Начать можно бы

с малого дела — организации столовых, а на этой работе искать средств и путей к более важному.

Нельзя относиться к самим себе и друг другу так апатично и пассивно, ведь если голод вызывает апатию, то апатия, в свою очередь, может усилить голод до размеров стихийной катастрофы.

Идя к свободе, невозможно оставлять любовь и внимание к человеку где-то в стороне.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 106 (321),
2 июня (20 мая) 1918 г.

Мне прислана пачка юдофобских прокламаций, одна из них — издана «Центральным Комитетом Союза христианских социалистов» в Москве 6-го мая, другая — «Петроградским Отделом» того же союза. Не знаю, существует ли такой «Союз», но если существует, то члены его уж, конечно, не христиане, не социалисты, а обыкновенные русские люди, из тех одичавших бездельников и лентяев, которые, будучи сами виноваты во всех своих несчастьях, бесстыдно обвиняют за свое ничтожество и неумение жить всех, кого угодно, только не себя. Что они не христиане и, — тем более, — не социалисты, об этом свидетельствует их подленькая прокламация.

Вот ее начальные фразы:

«Антисемиты всех стран, всех народов и всех партий, объединяйтесь!» «Союз Христианских Социалистов» обращается ко всем русским гражданам с призывом очистить себя от той скверны иудейской, которой насквозь пропитана наша родина от самых верхов до народных низин. Особенно поражена этой скверной наша интеллигенция, наше так называемое образованное общество, воспитанное на иудейской прессе, проповедующей ложные принципы равенства и братства всех народов и племен. Но каждый разумный человек знает, что ни равенства, ни братства нет и не может быть, а, следовательно, не может быть и одинакового отношения ко всем людям, ко всем национальностям».

Не правда ли — это истинные последователи любвеобильного Христа, для которого не было «ни эллина, ни иудея», который сам, вместе с первоапостолами, был иудеем и страдал, и принял мучительную смерть за человека вообще, за людей всех рас и племен? И — не правда ли —

хороши эти «социалисты», считающие принцип равенства — «ложным» и — «скверной иудейской»?

Глупые и жалкие люди, несчастные люди! Утверждая, что русские граждане «насквозь, от верхов до низин» пропитаны «иудейской скверной», т. е. принципами равенства и братства всех племен и народов — священными принципами, которые проповедуются почти всеми религиями и величайшими мыслителями всех веков и стран — авторы прокламаций обнаруживают слишком лестное, но — увы! — совершенно неверное представление о русских гражданах. Пример — сами граждане-члены «Союза Христианских Социалистов», они не только не «пропитаны насквозь» высокими принципами равенства, но просто, как большинство граждан русских, не имеют никакого представления о планетарной, общекультурной ценности этих принципов.

Далее они пишут:

«Арийская раса — тип положительный как в физическом, так и в нравственном отношении, иудеи — тип отрицательный, стоящий на низшей ступени человеческого развития. Если наша интеллигенция, наша «соль земли русской», поймет это и уразумеет, то отбросит, как старую, негодную ветошь, затрепанные фразы о равенстве иудеев с нами и о необходимости одинакового отношения как к этим париям человечества, так и к остальным людям».

Вы подумайте — «и к остальным людям», кроме евреев, нельзя относиться одинаково! Кто же эти остальные люди? Может быть, германцы, представители «арийской расы», тип, «положительный в нравственном отношении», что не мешает этому «типу» расстреливать массами безоружных русских мужиков, а также и евреев? А, может быть, кроткие славяне, те русские люди, которые ныне так бессмысленно и жестоко грабят и убивают друг друга?

Или эти «остальные люди» вообще все люди, способные так или иначе помешать спокойному развитию волчьего патриотизма авторов прокламации? Ибо — нет сомнения, что прокламация исходит из кругов русских хищников, которые привыкли наживать сто на сто, сдирая со своего горячо любимого ими народа по семи шкур.

Конечно, «остальные люди» невольная обмолвка, подсказанная «христианским социалистам» их социальным одичанием, а также моральной и всяческой безграмотностью. Однако местами эта безграмотность очень подозрительна, а, пожалуй, и сугубо фальшива.

Петроградская прокламация адресована «рабочим, сол-

датам, крестьянам» и составлена в явном расчете на темноту ума и чувства адресатов.

Она спрашивает:

«Много ли вы знаете евреев — кузнецов, дворников, молотобойцев, хлебопашцев, прачек, кухарок, судомоек? Видели ли вы наших евреев, выпрашивающих гроши на улицах городов? Нет».

Разумеется — нет, никто не видел в Петрограде и Москве евреев-дворников, ибо — полицейская должность эта уже никоим образом не могла быть занимаема евреями, ясно — почему. В Одессе же большинство ломовых извозчиков — евреи; 92 проц. евреев, живущих в черте оседлости, ремесленники и бедняки.

Совершенно верно, что вне черты оседлости — евреевнищих никто не видал, это объясняется прекрасным развитием у еврейства общественной помощи тем, что полиция не позволила бы еврею нищенствовать, и — думаю — тем еще, что православные и любвеобильные христиане, наверное, совали бы в руку нищего еврея не хлеб, а камень, или змею. Как все это лживо, как отвратителен этот антисемитизм ленивой клячи!

Когда читаешь все эти глупые мерзости, подсказанные русским головотяпам бессильной и гаденькой злобой, становится так стыдно и страшно за Русь, страну Льва Толстого, создавшую самую гуманную, самую человечную литературу мира.

Третья прокламация является провокационной выдумкой, еще более жульнической и глупой.

Она озаглавлена:

«Секретно. Председателям отделов «Всемирного Израильского Союза», и в ней «председателям» рекомендуется соблюдать всяческую «осторожность». «Мы твердо и неуклонно должны идти по пути разрушения чужих алтарей и тронов», «мы заставим Россию стать на колени», «мы делаем все, чтобы возвеличить великий еврейский народ», но — не торопясь, соблюдая «осторожность».

Кого хотят идиоты напугать этими выдумками? Хоть бы то сообразили, что ведь циркуляр такой исключительной важности, адресованный «Председателям Всемирного Израильского Союза», был бы напечатан на еврейском языке, а не по-русски. Или хоть бы догадались добавить — «перевод с еврейского».

Как все это бездарно и постыдно!

Остальные прокламации не остроумнее цитированных.

Я уже несколько раз указывал антисемитам, что если

некоторые евреи умеют занять в жизни наиболее выгодные и сытые позиции, это объясняется их умением работать, экстазом, который они вносят в процесс труда, любовью «делать» и способностью любоваться делом. Еврей почти всегда лучший работник, чем русский, на это глупо злиться, этому надо учиться. И в деле личной наживы, и на арене общественного служения, еврей носит больше страсти, чем многоглаголивый россиянин, и, в конце концов, какую бы чепуху ни пороли антисемиты, они не любят еврея только за то, что он явно лучше, ловчее, трудоспособнее их.

Теперь, когда мы со страшной очевидностью убедились в том, до какой степени монархия сгноила нас, обессилила, духовно оскопила, мы должны особенно ценить умелых работников, людей инициативы, влюбленных в труд, а мы — дико орем:

— «Бей их — потому что они лучше нас!»

Только по этому, г. г. антисемиты, только поэтому, чтобы вы ни говорили!

Прокламации, конечно, уделяют немало внимания таким евреям, как Зиновьев, Володарский и др. евреям, которые упрямо забывают, что их бестактности и глупости служат материалом для обвинительного акта против всех евреев вообще. Ну, что же! «В семье не без урода», — но не вся же семья состоит из уродов и, конечно, есть тысячи евреев, которые ненавидят Володарских ненавистью, вероятно, столь же яростной, как и русские антисемиты. Это, разумеется, не убедит антисемитов в том, что не все евреи одинаковы и что классовая вражда среди еврейства не менее остра, как и среди других наций; это не убедит их, ибо им необходимо быть убежденными в противном.

Но, может быть, те, кого хотят натравить, как собак, на еврейство, может быть, им — пора уже возмутиться этой новой попыткой организации погромов? Может быть, они найдут необходимым и своевременным сказать авторам прокламаций, «Каморрам Народной Расправы» и другим организациям темных авантюристов:

— Прочь! Хозяева страны — мы, мы завоевали ей свободу, не скрывая своих лиц, и мы не допустим каких-то темных людей управлять нашим разумом, нашей волей. Прочь!

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 107 (322),
4 июня (22 мая) 1918 г.

Завоевав политические права, народ получил возможность свободного творчества новых форм социальной жизни, но он все еще находится — и внешне, и внутренне — под влиянием плесени и ржавчины старого быта. В массах народа нет признаков сознательного стремления коренным образом изменить отжившие отношения человека к себе самому, к своему ближнему, к жизни вообще.

Жизнь насыщена множеством ценных идей, совершенно новых для масс, но эти идеи попадают в сферу инстинктов и чувств грубых качественно, ограниченных количественно, в этой сфере они усваиваются с трудом — если только усваиваются, в чем, к сожалению, и можно, и следует сомневаться.

Революция, творимая силами наиболее энергичных людей, истощает и поглощает эти ценнейшие силы очень быстро, а процесс накопления и организации новых сил идет угрожающе медленно.

Необходимо ускорить рост и развитие этих сил, необходимо тотчас же создавать условия для воспитания нового человека, для быстрейшего накопления активных резервов, способных уверенно и грамотно продолжать работу реорганизации России.

Очевидно, что одной политической пропаганды недостаточно для создания нового человека, недостаточно организовать мысль, необходима организация воли, воспитание, развитие и углубление чувства.

Мы должны озаботиться, чтобы рядом с политическим воспитанием народа непрерывно развивалось его моральное и эстетическое воспитание — только при этом условии наш народ будет совершенно освобожден из-под гнета своей несчастнейшей истории, только этим путем от уйдет из плена старого быта, только при наличии новых чувств, новых идей — он поймет и сознательно поставит воле своей ясные, разумные, осуществимые цели.

Надо вспомнить, что народ века воспитывался угнетающим волю, суровым и безотрадным учением церкви о ничтожестве человека пред таинственной силой, произвольно и безответственно правящей его судьбою, и что это учение как нельзя более ярко и крепко подтверждалось всеми условиями социального бытия, созданными бессмысленным гнетом русской монархии.

Это учение, утверждая бессилие разума и воли человека, предъявляет к его разуму и воле наивысшие требования подвигов добродетели и, грозя вечным осуждением на казнь в огне геенны, не могло и не может быть возбудителем активной энергии, обращенной на устроение земной жизни, на создание счастья и радости по воле и разуму человека. Погружая человека в темную пропасть сознания им своего ничтожества пред Богом, это учение находило превосходные иллюстрации своей формальной логики во всех условиях политико-социального быта, возглавляемого царем. Это учение, принижая человека, не только связывало активность, инициативу, самодеятельность народа, оно глубоко просочилось и в душу интеллигенции, насытило русскую литературу в ее лучших образцах и окутало всю нашу жизнь флером безнадежности, тихой печали, элегической покорности року.

Теоретическое бунтарство и практическая борьба, которую мужественно и геройски вела наша интеллигенция против изжитого строя жизни и мысли — велась ею не по внушению церковно-монархических идей, якобы гуманитарных, но, разумеется, вопреки им, по инстинкту самосохранения — инстинкту языческому, который создал Возрождение и всегда служит возбудителем бунта человека против его же, человеческого, представления о непобедимости судьбы.

Продолжить этот бунт, усилив и углубив его, вот священная и героическая задача интеллигенции. Революция, единственно способная освободить и облагородить человека, должна совершиться внутри его, и она будет совершена только путем очищения его от плесени и пыли изжитых идей. Поскольку народ усвоил некоторые идеи — они обратились у него в эмоции, поработившие свободу его мысли и его волю. Чтобы побороть эти эмоции, необходимо возбудить иные, более активного характера.

Мы живем в эпоху катастрофальную, в эпоху героизма, и мы должны дать народу зрелища, книги, картины, музыку, — которые воспитали бы в массах умение чувствовать пафос борьбы. Трагедия наиболее возбуждает чувство, пафос трагедии легко вырывает человека из грязных сетей быта, наконец, — трагедия гуманизирует.

Лицезрение трагического не может не поднять восприимчивого зрителя над хаосом будничного, обычного, подвиги героев трагедии являют собою зрелище исключительное, праздничное зрелище игры или битвы великих сил человека против его судьбы.

* * *

Исходя из этих соображений, схематичность которых не мешает, надеюсь, их ясности, я позволю себе сказать несколько слов о практике культурно-просветительной деятельности, которую ныне развивают различные организации и группы. Начну с факта.

Один из рабочих районов Петрограда устроил театр, обрамление для сцены было написано весьма даровитым художником и изображало мускулистых рабочих с засученными рукавами, фабрики, фабричные трубы, — все это сделано в стиле кубизма.

Рабочие, посмотрев на это искусство, решительно заявили:

— «Уберите это, этого нам не нужно! Нам нужно, чтобы в нас поддержали и развили любовь к природе, к полю, лесу, к широким пространствам, наполненным живой игрою красок и солнца. Поддержите в нас любовь к красоте, нам не нужно скуки, ежедневности!»

Это буквально так было сказано, и это сказано рабочими. В этих словах определенно звучит законное и естественное требование здорового человека, который ищет в искусстве контраста той действительности, которая утомляет и истязует душу. Отвратительные явления буден он знает лучше художника, и если художник не лирик, умеющий осветить серые сумерки жизни рабочего ласковым и ярким огнем своей души, если он не сатирик, имеющий силу изобразить грязный ад буден так, чтобы его картина, стихотворение или рассказ возбудили активное отвращение к будничной жизни, органическое стремление к празднику, если он не в состоянии вскрыть в обычном и привычном героическое и значительное, — если художник не может этого дать, — его искусство не нужно рабочему, человеку, который привык создавать из бесформенных масс сырого материала тончайшие вещи, сложные аппараты, мощные машины. Рабочий — тоже художник, ибо он дает бесформенному законченные формы.

Ему не может нравиться и ничего нового ему не скажет кубизм и вся так называемая «линейная живопись». Очень вероятно, что у новых течений живописи есть будущее, но пока они представляют собою кухню техники, которая может быть интересна только людям изощренного вкуса, художественным критикам и историкам искусства. Показывать же всю эту кухонную работу людям, жаждущим совершенной красоты, значит — давать им читать «Войну и Мир»

Л. Толстого по его стократно перечеркнутым черновым корректурам.

Переходя от живописи к сценическому зрелищу, я ставлю парадоксальный — с виду — вопрос: что полезнее для социально-эстетического воспитания масс — «Дядя Ваня» Чехова или — «Сирано де Бержерак» Ростана, «Сверчок на печи» Диккенса или любая из пьес Островского?

Я стою за Ростана, Диккенса, за Шекспира, греческих трагиков и остроумные, веселые комедии французского театра. Я стою за этот репертуар потому, что — смею сказать — я знаю запросы духа рабочей массы. В ней достаточно глубоко развито сознание классовой вражды и социальных различий, она хочет видеть и понять явления общечеловечности и единства, она уже чувствует, что сознание единства, чувств, мыслей — основа культуры человека, признак общечеловеческого стремления к радости, счастью — к созданию на земле праздника.

Она хочет, чтобы души ее коснулось самое лучшее, что создано чувством и мыслью человека, хочет изумиться гению человека, понять и полюбить его.

* * *

Ядовитый туман буден, отравленных непрерывной враждою за кусок хлеба, во все века, у всех народов скрашивался и смягчался творчеством науки, искусства — только наука и искусство облагораживают наш звериный быт. И как нельзя более своевременно, необходимо внести в нашу фантастически дикую современность высочайшие достижения творцов науки, искусства, все драгоценное мира, все сокровища его духа, все, что имеет силу перевоспитать человека, поднять его, творца фактов, над фактами.

Человечеством создано много прекрасного, люди ежедневно создают массу хлама и гадостей, и под этой грудою неизбежных пустяков, прекрасное становится невидимым.

Нужно жить так, чтобы оно было всегда пред глазами у нас — тогда оно явится возбудителем чувств, мыслей и поступков, достойных человека.

А поместив человека в свиной хлев — глупо требовать, чтобы он был ангелом.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 109 (324),
6 июня (24 мая) 1918 г.

Наблюдая работу революционеров наших дней, ясно различаешь два типа: один — так сказать, вечный революционер, другой — революционер на время, на сей день.

Первый, воплощая в себе революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей, двигающих человечество к совершенству, и эти идеи воплощены не только в разуме его, но и в чувствах, даже в области подсознательного. Он — живое, трепетное звено бесконечной цепи динамических идей, и при любом социальном строе он, всей совокупностью своих чувств и мнений, принужден на всю жизнь остаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечество имеет силу бесконечно создавать из хорошего — лучшее.

Он жарко любит вечно юную истину, но не настолько чувственно и физически, чтобы вбивать ее кулаком в сердце и головы людей, которые порабощены мертвой правдой прошлого или неизлечимо влюблены в отжившее. Вообще же люди для него — неисчерпаемая живая, нервная сила, вечно творящая новые ощущения, мысли, идеи, вещи, формы быта. Он хотел бы оживить, одухотворить весь мозг мира, сколько его имеется в черепах всех людей земли, но, преследуя эту его единственную и действительно революционную цель, он не способен прибегать к тем или иным приемам насилия над человеком иначе, как в случаях неустранимой необходимости и с чувством органического отвращения ко всякому акту насилия.

Он твердо знает, что, по верному слову одного из замечательных русских мыслителей, «ужас истории и величайшее ее несчастье заключается в том, что человек жестоко оскорблен» — оскорблен природой, которая, создав его, бросила в пустыню мира зверем среди зверей, предоставив ему для развития и совершенствования те же условия, как и всякому другому зверю; оскорблен богами, которых он, в страхе и радости пред силами природы, создал слишком поспешно, неумело и слишком «по образу и подобию своему»; бесконечно оскорблен хитрым или сильным ближним и — всего горше — самим собою, своими колебаниями между древним зверем и новым человеком.

Но у революционера вечного нет чувства личной оби-

ды на людей, он всегда умеет встать выше личного и побороть в себе мелкое, злое желание мести людям за пытки и муки, нанесенные ему.

Его идеал — человек, физически сильный, красивый зверь, но эта красота физическая в полной гармонии с духовной мощью и красотой. Человеческое — это духовное, то, что создано разумом, из разума — наука, искусство и смутно ощущаемое все большим количеством людей сознание единства их целей, интересов. Вечный революционер стремится всеми силами духа своего углубить и расширить это сознание, чтобы оно охватило все человечество, и, расширив и разрушив все, дробящее людей на расы, нации и классы, создало в мире единую семью работников-хозяев, создающих все сокровища и радости жизни для себя.

Изменения социальных условий бытия к лучшему для вечного революционера — только ступень бесконечной лестницы, возводящей человечество на должную высоту, и он не забывает, что именно в этом — смысл исторического процесса, в котором он лично является одною из бесчисленных необходимостей.

Вечный революционер — это дрожжа, непрерывно раздражающая мозги и нервы человечества, это — или гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые, или — скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, сгорающий тихим, иногда почти невидимым огнем, освещая пути к будущему.

Революционер на время, для сего дня, — человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления — страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остается консерватором, являя собой печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей.

Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда он сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта. Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его. Идеи, принятые им только в разум, но не вросшие в душу ему, находятся в прямом и непримиримом противоречии с его деяниями, его приемы борьбы с врагом те же

самые, что применялись врагами к нему, иных приемов он не вмещает в себе.

Взбунтовавшийся на время раб карающего, мстительного бога, он не чувствует красоты бога милосердия, всепрощения и радости. Не ощущая своей органической связи с прошлым мира, он считает себя совершенно освобожденным, но внутренно скован тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов, опутан густой сетью мелких, обидных впечатлений, подняться над которыми у него нет сил. Навыки его мысли понуждают его искать в жизни и в человеке прежде всего явления и черты отвратительные; в глубине души он исполнен презрения к человеку, ради которого однажды или стократно пострадал, но который сам слишком много страдает для того, чтобы заметить или оценить мучения другого. Стремясь изменить внешние формы социального бытия, революционер сего дня не в состоянии наполнить новые формы новым содержанием и вносит в них те же чувства, против которых боролся. Если бы — чудом или насилием — ему удалось создать новый быт, он первый почувствовал бы себя чуждым и одиноким в атмосфере этого быта, ибо, в сущности своей, он не социалист, даже не пресоциалист, а — индивидуалист.

Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов, с тою, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животных бесполезно, делает это ради интересов человека, тогда как революционер сего дня далеко не постоянно искренен в своих опытах над людьми.

Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возвышается до протеста против чисто внешней, формальной революционности, революционер сего дня, не стесняясь, угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа.

Это — холодный фанатик, аскет, он оскопляет творческую силу революционной идеи и, конечно, не он может быть назван творцом новой истории, не он будет ее идеальным героем.

Может быть, его заслуга в том, что, разбудив в человеческой массе древнего жестокого зверя, он этим приблизил смерть звериного начала?

Жестокость утомляет и может, наконец, внушить органическое отвращение к ней, а в этом отвращении — ее гибель.

Мы, кажется, начинаем воспитывать в себе именно физиологическое отвращение ко всему кровавому, жестокому, грязному — нужно, чтобы это отвращение росло, чтобы оно стало идиосинкразией большинства.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 113 (328), 11 июня (29 мая) 1918 г.

Истерически настроенные люди пишут мне истерические письма — грозят убить.

Намерение, я думаю, не серьезное и не столько преступное, сколько безграмотное. Убийством ничего не докажешь, кроме того, что убийца — глуп. Наказание смертью не делает людей лучше того, каковы они есть. Сколько ни умерщвляй людей, оставшиеся в живых, все-таки, идут по путям, предуказанным историей, — смерть не властна остановить развитие исторических сил.

Разве мало убивали у нас, на Руси, во всех городах, в тысячах сел и деревень, убивали для того, чтобы прекратить рост революционных настроений? А революция, все-таки, доросла до своей победы. И в наши дни, когда людей убивают не менее, чем убивали раньше, все равно, в конце концов, победит — наиболее разумное, наиболее здоровое. Физическое же насилие всегда будет неоспоримым доказательством морального бессилия — это тоже давно известно и пора понять.

А грозить человеку смертью за то, что он таков, каков есть, — безграмотно и глупо.

* * *

Меня обвиняют в том, что я «продался евреям». Тоже глупо. Конечно, я понимаю, что в стране, где все издавна привыкли подкупать и продаваться, человек, защищающий безнадежное дело, должен быть признан продажным человеком. Психология большинства требует, чтобы каждый человек был так или иначе опорочен, на каждом лежало бы темное пятно. Это специфическая психология профессиональных жуликов — они не могут представить себе человека честным, потому что ему нравится быть таковым, потому что таков вкус его души. А, может быть, им и завидно: каждый из них готов продать себя, и не очень дорого, а некоторых — ни за какую цену не купишь. Вот и

злятся: как же так! Мы поставлены в условия, принуждающие нас торговать своей совестью, а они, какие-то — не продаются.

И, хоть сами не верят в продажность этих «каких-то», но, все же, орут:

— Продался! Продались!

Эх, несчастные! Вы бы лучше попробовали сами стать честными людьми, — в этом есть кое-что приятное.

* * *

Затем, мне пишут яростные упреки: я, будто бы, «ненавижу народ». Это требует объяснения. Скажу откровенно, что люди, многоглаголящие о своей любви к народу, всегда вызывали у меня чувство недоверчивое и подозрительное. Я спрашиваю себя — спрашиваю их — неужели они любят тех мужиков, которые, наглотавшись водки до озверения, бьют своих беременных жен пинками в живот? Тех мужиков, которые, истребляя миллионы пудов зерна на «самогонку», предоставляют любящим их издыхать от голода? Тех, которые зарывают в землю десятки тысяч пудов зерна и гноят его, а голодным — не желают дать? Тех мужиков, которые зарывают даже друг друга живьем в землю, тех, которые устраивают на улицах кровавые самосуды, и тех, которые с наслаждением любуются, как человека забивают насмерть, или топят в реке? Тех, которые продают краденый хлеб по десяти рублей за фунт?

Я уверен, что любвеобильные граждане, упрекающие меня в ненависти к народу, в глубине своих душ так же не любят этот одичавший, своекорыстный народ, как и я его не люблю. Но, если я ошибаюсь, и они, все-таки, любят его таким, каков он есть, — прошу извинить меня за ошибку, но — остаюсь при своем: не люблю.

Более того, я уверен, что и не следует любить народ таким, каков он есть, равно не следует и обвинять его за то, что он таков, а не иной. Я думаю, что будет лучше и для народа, и для влюбленных в него, если они беззаветно отдадут ему все знания, все богатства своей души, дабы народ очеловечился. И, отдавая ему лучшее свое, пусть не рассчитывают на то, что их бескорыстный труд будет оценен и вознагражден любовью народной — этого не бывает.

Не важно и мало интересно, как люди относятся к нам, но очень важно, как мы относимся к людям — вот, что нужно понять!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 21 апреля на Невском проспекте во время подавления демонстрации рабочих против Временного правительства солдатами было убито три человека и шесть ранено.

[2] Газета «Луч» была задумана в начале 1917 г. как орган радикально-демократической партии, включавшей в себя видных либеральных профессоров. Горький согласился заведовать в ней литературным отделом, но газета так и не появилась.

[3] Так определял лидер кадетов историк П. Н. Милюков отношение своей партии к монархии.

[4] Воззвание деятелей русской культуры «ко всему цивилизованному миру» в связи с началом первой мировой войны обвиняло немецких ученых в пособничестве своему правительству.

[5] «Единство» — газета Г. В. Плеханова, занимавшая оборонческие позиции.

[6] В 1911 г. картина «Мона Лиза» была похищена из Лувра и обнаружена лишь в 1913 г.

[7] Неточная цитата из стихотворения К. С. Аксакова «Свободное слово».

[8] Цитаты из «Рабочей марсельезы» П. Л. Лаврова.

[9] Кадетская газета «Речь» обвиняла летом 1917 г. Горького в сочувствии Германии и даже «предательском поведении».

[10] Имеется в виду согласие Горького пойти на компромисс с буржуазно-либеральными кругами интеллигенции.

[11] Сталин в газете «Рабочий путь» 20 сентября 1917 г. резко возразил на эти слова, заметив, что Горький дезертирует из рядов революции.

[12] Слухи о разгроме Москвы очень тревожили петроградскую интеллигенцию.

[13] Горький имел в виду обвинения в свой адрес в письме в «Правду» механика В. Ткаченко («Правда», 10 ноября 1917 г.).

[14] В числе других буржуазных газет «Речь» была закрыта 26 октября 1917 г., но под другими названиями печаталась до августа 1918 г.

[15] В. Л. Бурцев — близкий к эсерам журналист, разоблачивший в годы царизма ряд провокаторов, в том числе Азефа.

[16] Писатель И. И. Ясинский неоднократно менял свои политические симпатии.

[17] И. Г. Церетели — меньшевик, министр почт и телеграфов Временного правительства.

[18] Ошибочное утверждение Горького об анархо-синдикалистских взглядах большевиков вызвало иронические комментарии в «Правде» 24 декабря 1917 г.

19 Среди присутствовавших на открытии Учредительного Собрания депутатов было 259 эсеров, 136 большевиков, 40 левых эсеров, 5 меньшевиков.

20 Министр финансов первого состава Временного правительства А. И. Шингарев и другой кадет Ф. Ф. Кокошкин были убиты анархиствующими матросами в Мариинской больнице, где они находились на излечении.

21 «Интеллигент из народа» — постоянный критик Горького в «Правде» — И. С. Книжник-Ветров, публицист и историк.

22 А. Железняков — начальник охраны Учредительного собрания.

23 Имеется в виду временная оккупация русскими войсками северного Ирана в период первой мировой войны.

24 Экономисты Г. Б. Иоллос и М. Я. Герценштейн — кадетские депутаты I Государственной думы были убиты черносотенцами.

25 Обеих приведенных Горьким выдержек ни в одном из собраний В. И. Ленина не обнаружено.

26 «Краса и гордость революции» — обращение к морякам, принятое в большевистской печати в 1917 г.

27 Монархист И. А. Родионов крайне враждебно описывал быт и нравы русского народа.

28 Кадет А. С. Изгоев обличал социалистические настроения русской интеллигенции, подорвавшей основы русского государства.

29 Руководитель Петроградских большевиков Г. Е. Зиновьев резко враждебно относился к Горькому, и по его приказу у писателя производился обыск.

30 Возникшее под председательством Горького общество имело свое издательство, которое и выпустило в 1918 г. сборник статей «Несвоевременные мысли», куда вошли 48 статей писателя из «Новой жизни».

31 В мае 1918 г. был закрыт ряд московских и петроградских газет, в том числе кадетских, меньшевистских, эсеровских.

32 Вероятно, Зинаида Гиппиус.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Горький
МСП «ИНТЕРКОНТАКТ»

Подписано к печати 21.05.90. Формат 84×108/32
Печать высокая. Бумага тип. № 2 Усл. п. л. 10,08. Усл. изд.л.10.97.
Тираж 200000 экз. Зак № 951. Цена 3 руб.

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

3 руб.

